

THE NEW

ADVENTURES

THE ALSO PEOPLE
BEN AARONOVITCH

ДОКТОР КТО

ТОЖЕ ЛЮДИ

Бен Ааронович

Книга из серии «Новые приключения»

NA-44

New Adventures

Перевод ssv310

Спасибо Mary SmithZ за помощь с вычиткой

О произношении имён собственных

!x — придыхательная согласная, произносимая щёлканьем краем языка о правые верхние зубы.

!q — придыхательная согласная, произносимая «клохтанием» языка.

!c — придыхательная согласная, произносимая прижиманием языка к передним зубам и резким втягиванием сквозь них воздуха.

Ударение всегда на предпоследнем слоге.

Я решил использовать в книге упрощённые (личные) версии имён, поскольку полные имена очень громоздки. Возьмём, к примеру, дрона по имени аМ!хитса. Его полное имя включает в себя сокращение его места сборки и поколения, а именно: аМ!хит-и!ха!хи-са!Qa!сиса.

Чтобы избежать бессмысленных и некрасивых неологизмов и ненужных описаний, я перевёл некоторые широко распространённые существительные их ближайшими земными эквивалентами: час, минута, день, месяц, обезьяна, яблоня, карамель, кофе, шоколад, сдоба и тому подобное.

Чтобы избежать путаницы, слова из языков коса, темне, шона, марсианского и галлифрейского я привожу в их общепринятой английской форме.

Ещё одно замечание. Из соображений политической корректности я использую термин «коренные терране» вместо «земные рептилии» и архаического «силурийцы».

Пролог

Как рассказывают старые женщины, как-то раз в яму-капкан упала Леопардиха. Она лежала там, на дне ямы, и её сильное тело болело от ушибов. Было жарко и пыльно. Она чувствовала себя несчастной.

— Выпустите меня из ямы, — кричала Леопардиха. — Выпустите!

Но никто не приходил к ней на помощь. Все остальные животные боялись Леопардиху и тайно радовались, что она может умереть. Много часов спустя мимо капкана шла женщина. У женщины было доброе лицо; когда она встречала кого-то на своём пути, она всегда улыбалась.

— Выпустите меня, выпустите! — хныкала Леопардиха. Её голос слабел от жажды, на теле болели ушибы.

Женщина подошла к яме. Увидев там Леопардиху, она испугалась.

— Выпусти меня! — сказала Леопардиха, жалкая в своей беде. — Если ты меня не выпустишь, я скоро умру.

Женщина долго смотрела на Леопардиху. Она много странствовала по миру и знала, что леопарды были самыми опасными животными. Гораздо коварнее, чем Главный Лев, который был такой ленивый, что позволял своим жёнам охотиться вместо него. Сильнее, чем кузина Гепард, которая бегала как молния, но только на небольшие расстояния. Ещё свирепее, чем сестра Пантера, которая держала нос по ветру и могла бежать вечно.

— Если я выпущу тебя из ямы, — сказала женщина Леопардихе, — ты пообещаешь мне кое-что?

— Что угодно, — ответила Леопардиха, — только выпусти меня.

— Ты должна пообещать, что ничего мне не сделаешь, если я тебя выпущу, — сказала женщина. — Ты сильный зверь. Твои острые когти могут порвать меня на части.

— Я ничего тебе не сделаю, — пообещала Леопардиха. — Я просто хочу на волю.

Женщина оттащила в сторону ветви, прикрывавшие яму, и нагнулась, чтобы помочь Леопардихе вылезть.

— Ага! — проревела Леопардиха, разминая своё сильное тело. Женщина испуганно смотрела, как под мехом Леопардихи вздымаются мышцы. — Какая же я голодная после того, как просидела так долго в этом ужасном месте. Скоро мне нужно будет поужинать, — она посмотрела на женщину. — Ты, друг мой, будешь моим ужином.

Услышав эти слова, женщина задрожала от страха.

— Ты обещала, что не тронешь меня. Отпусти меня. Уже поздно, мои друзья сварили для меня пиво. Этой ночью мы благодарим наших предков, и деревня рассчитывает на то, что я буду говорить с мёртвыми.

Леопардиха засмеялась.

— Дурочка, — проревела она, — напрасно ты мне поверила. Теперь, когда я на свободе, у меня нет причин держать своё слово. Впрочем, пока что я немного отдохну. Не переживай о своих предках; когда я выплыву, я тебя отправлю прямо к ним.

Женщина в отчаянии огляделась, надеясь на чью-нибудь помощь. Чуть в стороне она увидела дерево Мусаса.

— Дерево Мусаса! — позвала она. — Помоги мне сбежать от неблагодарной Леопардихи. Я её выпустила из ямы, а она теперь хочет съесть меня на ужин.

Дерево Мусаса рассердилось.

— Зачем мне тебе помогать? — ответило оно. — Ты мне никогда ничем не помогала. Каждый день я прикрываю тебя от горячего солнца, чтобы у тебя в доме было прохладно и хорошо. А ты только и хочешь, что срубить меня и пустить на дрова.

Женщина грустно вздохнула. Она знала, что дерево Мусаса говорило правду. Женщина грустно отвернулась от него, ища к кому ещё можно обратиться.

Ей на глаза попалась тропа, по которой она шла.

— Нзира, — обратилась она к тропе по имени, — помоги мне сбежать от этой ужасной Леопардихи.

Но Нзира была ещё злее, чем Дерево Мусаса:

— Я не буду тебе помогать. Ты мне хоть раз чем-то помогала? Я предоставляю тебе безопасный проход через лес, а ты только и знаешь, что топчешь меня ногами, втоптываешь меня всё глубже в землю.

Женщина снова вздохнула, потому что знала, что Нзира говорит правду. Затем она вспомнила реку, которую звали Рвизи.

— Рвизи, — позвала она, — помоги мне удрать от этой злой Леопардихи, которая пообещала съесть меня на ужин.

Но Рвизи ей не помогла.

— Подумай, сколько я всего даю тебе, — сказала Рвизи. — Я даю тебе воду для выращивания посевов. Я пою твой скот по вечерам. А ты только моешь во мне своё грязное тело и испачканную одежду.

В третий раз вздохнула женщина, потому что знала, что Рвизи говорит правду.

Наконец, она в отчаянии позвала дух своей Бабушки.

— Мбуя! — обратилась она к небесам. — Спаси меня от злой Леопардихи.

— Я не могу тебя спасти, — ответил дух её Бабушки. — Надо было тебе внимательнее слушать сказки, которые я тебе в детстве рассказывала. Леопардиха не плохая, она всего лишь такая, какая она есть. Это в её природе — есть, когда голодная, убивать, когда ей угрожают. Надо было вспомнить об этом *до того*, как выпускать её.

Услышав это, женщина упала на колени и прикрыла лицо руками. Горькие слёзы текли между её пальцами, орошая землю.

А в это время через лес пробежал резвый маленький зверёк. У него были длинные узкие уши и маленький пушистый хвост. Это был заяц Тсуро.

— В чём проблема? — спросил Тсуро, увидев, что женщина плачет. — Почему ты в этот замечательный день такая несчастная?

Женщина рассказала ему о Леопардихе, которую она выпустила из ямы, и которая теперь собиралась съесть её на ужин.

— Хм, — сказал Тсуро, выслушав рассказ. — То, что ты мне рассказала, вполне может быть правдой. Но точку зрения Леопардихи я тоже должен выслушать.

— Леопардиха! — позвал Тсуро. — Мне сказали, что ты упала в этот капкан. Это правда?

— Да, это правда, — согласилась Леопардиха, вытянув лапы и по очереди продемонстрировав свои когти. Женщина, увидев это, спряталась за Тсуро.

— О умный заяц, — прошептала она, — надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Тсуро сделал вид, что не услышал этих слов, и спросил у Леопардихи, правда ли, что она обещала не трогать женщину.

— Да, — сказала Леопардиха, — но у меня нет причин выполнять это обещание. В конце концов, это её братья вырыли яму, в которую я упала. И они вечно кричат на меня и пытаются меня убить, когда я приближаюсь к их деревне.

— Понятно, — ответил Тсуро и задумчиво почесал голову. — Значит, яму, в которую ты упала, вырыли братья этой женщины. И ты лежала там, на самом дне ямы, пока не пришла женщина и не выпустила тебя. А не могла бы ты показать, как это было?

— Легко, — сказала Леопардиха, довольная, что нашёлся кто-то, кто её понял. Она спрыгнула в яму. — Я лежала вот так...

Едва она начала объяснять, как Тсуро быстро накрыл яму ветками.

— Выпустите меня, выпустите! — кричала Леопардиха. — Если вы меня выпустите, я обещаю больше никого никогда не трогать.

Тсуро повернулся к женщине.

— Ну что, — спросил он, — ты еёпустишь?

1. Ненужное вычеркнуть

*Меня так утомляет этот старый путь
Он приведёт меня лишь к вечным мукам
Что я найду за поворотом?
Зло у меня в костях, меня преследует неудача.*

«Блюз бродяги», исполнитель неизвестен.
Записано в «Курятнике Мамы Стенли»,
Клэнтон, Алабама, 1937 год.

Мужчина стоит на крыше виллы, построенной на гребне холма с видом на море. Со стороны океана стремительно приближается буря, чёрные ленты туч разворачиваются в направлении берега. Ветер посвежел, мужчина вдыхает запахи озона и соли. Он широко разводит руки, словно желая обнять надвигающийся ветер, словно эта буря предназначена лишь для его развлечения. В воздухе чувствуется напряжение, ожидание молнии. Усиливаясь, ветер развеивает одежду мужчины и пряди его светлых волос. Мужчина улыбается широкой заразительной улыбкой, обнажая свои белые зубы, которые немного острее, чем у большинства людей.

Вокруг себя он ощущает (но не видит) огромную сферу мира, поднимающуюся над ним со всех сторон. Над ним, в строгом соответствии с расписанием меркнет неподвижное солнце; его великолепный сумеречный оттенок — результат искусственно заданной полосы пропускания электромагнитного спектра. Мужчина знает, что этот мир

построили люди, они заковали солнце для исполнения своих пожеланий. Знает, что люди создали и планету, которая висит, зелёно-голубая и невозможная, над горизонтом, которого нет. И что горизонт на самом деле лишь иллюзия восприятия, заложенная в его ДНК, наследие от тех существ, которые первыми выползли из океана на сушу и взглянули на небо.

Буря настоящая, он это чувствует. Даже построившие это место люди, с которыми он ещё не знаком, но с нетерпением ждёт знакомства, знают, что жизнь можно сделать слишком комфортной. Что без возвышенного и опасного мы станем нездоровыми и постепенно умрём. Поэтому они позволили этой буре возникнуть над безграничным океаном и наблюдали, как она катится со стороны моря, словно фантастический Кракен¹, а в её брюхе урчит статический потенциал, энергии которого могло бы хватить на освещение небольшого планетоида.

Она приближается, сплошная воздушная стена высотой в двадцать километров и глубиной в сотни, готовая разбиться об искусственный скалистый берег, где мужчина стоит на вилле, которая стоит на холме, на склоне, обращённом к морю. Буря готова накатиться на сушу и умереть, застряв среди искусственных холмов искусственного континента.

Мужчина пытается расставить руки шире, расставляя пальцы, чтобы ухватиться за ветер. Он представляет

¹ Кракен — легендарное мифическое морское чудовище, гигантских размеров головоногий моллюск, известный по описаниям исландских моряков, из языка которых и происходит его название.

огибающий его руки воздух, сложные фигуры Мандельброта, тянущиеся позади него области турбулентности; это тот же частичный вакуум, который поднимал его над Ла-Маншем. Никаких модулей нуль-гравитации, никаких электронных приборов на биплане, одна лишь разница давлений, древний принцип полёта, физика парящей птицы. Он помнит, как боролся с управлением, с доэлектрическими агрегатами из деревянных рычагов и рояльных струн. Ни дополнительной мощности, ни автопилота; его сила против тысячи капризов ветра.

Сейчас он наклоняется над краем парашюта вперёд, к усиливающемуся ветру. Он смотрит вниз, вдоль стены здания, прикидывая, сколько там падать и каковы его шансы выжить, если ветер ослабнет. Наклоняясь вперёд, он чувствует напряжение в животе, ускорение пульса, странное ощущение сжимающейся мошонки. Он ждёт этого удара, сладкого потока собственного адреналина. Ветер поёт ему, поёт о радости падения и об экстазе страха. Его тяга к падению пугает его сильнее, чем всё остальное. Он умиряет свой страх, и когда буря приближается, он поднимает голову, чтобы посмотреть прямо в её сияющее сердце. В его глазах сверкают молнии и опасные идеи.

Бернис большую часть дня проспала в комнате, наполненной солнечным светом и запахом моря. Один раз она проснулась и увидела, что на неё из дверей смотрит Доктор. Он улыбался, но на глазах у него была тёмная тень, отбрасываемая полями его шляпы. Она хотела его о чём-то спросить, но была слишком уставшая, а кровать была

слишком удобная. Она снова погрузилась в свой сон о бесконечном летнем дне из её раннего детства. О себе самой, прыгающей по клетчатым теням на дороге, о маленькой фигурке между мамой и папой, крепко державших её своими большими руками. Она чувствовала себя в безопасности в руках тех, кого уже давно нет.

Она снова проснулась, в этот раз из-за запаха свежего кофе и настойчивого давления в мочевом пузыре. Комната была узкая и высокая, стены и пол были из полированного дерева, а потолок был на три четверти из прозрачного стекла. Одеяло, под которым она лежала, было сшито из лоскутов ткани самой разной формы и расцветки. Она решила, что ей это лоскутное одеяло нравится. Нравится случайность цветов и форм. Оно ей почему-то напоминало о доме.

Какое-то время она продолжала лежать под уютным одеялом. Она старалась не обращать внимания на запах кофе и позывы организма. Ещё не было никаких причин вставать. Так сказал Доктор. Значит, это должно быть правдой.

А затем она вспомнила, где она находится.

Вспомнила, как Доктор поднял их посреди ночи и вытолкнул из ТАРДИС в тёплую темноту лесной поляны. Вокруг них возвышались деревья, серебристо-серые в лунном свете. Среди стволов деревьев, прямых, как телеграфные столбы, стрекотали и щёлкали насекомые.

Лето, — сонно рассудила Бернис, — где-то на тёплом краю умеренных широт. Возможно, где-то на средиземноморском побережье... Может быть, Греция?

Она вздрогнула — огромная ночная бабочка пролетела у неё перед носом и стала лениво кружить вокруг Доктора. Её

крылья в темноте казались двумя бледными размытыми пятнами, каждое размером с ладонь Бернис. Доктор протянул руку и позволил бабочке усестся на кончики его пальцев.

— Где мы, Доктор? — спросил Крис.

— Где-то, где вы раньше никогда не были, — ответил Доктор.

— Хорошо, — сказала Роз. — Это внесёт приятное разнообразие.

И в этот момент Бернис посмотрела вверх и увидела, что мир загибается у них над головами.

Такое ночное небо Бернис видела лишь однажды, на остатках сферы Дайсона² в DM+39 4567, на границе звёздного скопления, известного как Вуаль Вартек. Та сфера разломалась из-за гравитационных асимметрий, и её обломки образовывали вокруг звезды медленно расширяющееся облако. Цивилизацию, построившую эту сферу, эта катастрофа тоже разрушила; целая раса погибла под колёсами собственных амбиций. Бернис вспомнила, как стояла на

² Сфера Дайсона — гипотетический астроинженерный проект Фримена Дайсона, представляющий собой относительно тонкую сферическую оболочку большого радиуса (порядка радиуса планетных орбит) со звездой в центре. Предполагается, что развитая цивилизация может использовать подобное сооружение для полного использования энергии центральной звезды и/или для решения проблемы жизненного пространства.

поверхности одного из этих обломков во время затмения, вызванного прохождением на фоне солнца меньшего обломка.

Во внезапно наступившей темноте тонкая атмосфера придала небу холодную сюрреалистическую чистоту. Остальные обломки были ярко освещены солнцем, разделяя небо на безумные фрагменты мозаики. На самых ближних осколках Бернис могла различить детали. Океан, который пережил разлом, но сжался по сравнению со своим бывшим искусственным берегом из-за испарения в исчезающей атмосфере; город, обрывающийся на краю обломка. Бернис посмотрела дальше, чтобы найти вторую половину города, и нашла её на соседнем обломке; он мерцал, покрытый мантией замёрзшего кислорода. Более близкие фрагменты выглядели плоскими, как подносы — искривление сферы было настолько малым, что было заметно лишь на самых далёких обломках.

Команда геофизиков создала компьютерную модель распада этой сферы и запустила расчёт. Вся команда археологов сделала ставки на собственные оценки времени развала. Пилоты доставившего их сюда корабля делать ставки отказались. Они считали это глумлением; для них катастрофическое повреждение жизнеобеспечения было слишком серьёзным вопросом, где бы это ни произошло. У них не было того взгляда на жизнь и смерть, который был у археологов. Бернис поставила свои деньги на десять лет плюс-минус шесть месяцев.

Ради пущего драматизма команда геофизиков объявила результаты в «ночь» затмения. Все находившиеся на поверхности археологи собрались на вечеринку. Был организован костёр с подачей кислорода, облегчавшей его

горение в разреженной атмосфере. Команда палеоботаников воспользовалась одним из своих биореакторов и сварила пиво, а ксенобиологи поджарили пару четвероногих, уверяя всех в том, что эти существа не были разумными. Относительно съедобности этих существ их утверждения были уклончивы.

Все ставки проиграли. По оценке компьютерной модели развал занял двести пятьдесят лет, начиная от первой нестабильности и заканчивая собственно разрушением внешней оболочки. Когда они пили вполне сносное пиво и отрезали куски жареного мяса, разгорелся спор о том, можно ли вообще построить действующую сферу Дайсона. Геофизики считали, что нет, и ссылались на целую библиотеку статистики. Этно-технологии считали, что кто-то где-то обязательно это пробовал. Групповой социолог (единственный среди них коренной терранин) сказал, что биологический вид, эволюционировавший на планете, вряд ли сможет чувствовать себя комфортно на искусственном мире.

Местный клан Строителей — пара семейных групп среднего размера — приходил наблюдать за археологами с безопасного расстояния. Иногда Бернис удавалось мельком заметить слабые блики костра на изгибах их панцирей или отблески в одном из больших, печальных глаз. Она думала о том, когда именно их предки узнали, что всё идёт ужасно плохо.

Двести пятьдесят лет.

Они очень долго знали, что умирают.

Доктор вёл их по узкой дорожке через лес. Роз и Крис, облачённые в свои доспехи судей, просто надвинули ночные

визоры и легко шли за ним. Бернис ругалась и спотыкалась, пока не догадалась исподтишка ухватиться за Криса и идти за ним по пятам. Она не представляла, сколько они прошли; в основном шли вверх, хотя временами тропинка виляла туда-сюда, повторяя изгибы хребта. Иногда на фоне тех частей неба, которые всё ещё были освещены солнцем, виднелись силуэты поросших лесом склонов. Один раз ей показалось, что она увидела на далёком холме три ветряные турбины, их медленно вращавшиеся лопасти были освещены призрачным светом. Она попыталась использовать их в качестве ориентиров, но тропа скоро повернула, и турбины скрылись из виду.

В конце концов Бернис пришлось всё-таки выбраться из постели. Не найдя свою одежду, она завернулась в лоскутное одеяло и, шлёпая ногами по полу комнаты, помчалась туда, где, как она надеялась, был санузел.

Никаких сфер Дайсона во всём человеческом космосе, — подумала Бернис, — во всяком случае, в моём времени. Она вспомнила с любовью раскрашенные модели космических кораблей в спальне Криса. В тридцатом веке сфер тоже не было, иначе Крис сказал бы что-нибудь об этом. Значит, жителей этого мира мы ещё не встречали, возможно, это даже не гуманоиды. Она понадеялась, что кем бы они ни оказались, она сможет воспользоваться их сантехникой. Устройство кровати было многообещающим, но даже если сильно приспичило, не стоит делать поспешных выводов об инопланетной физиологии.

— Мне кажется, что у нас у всех санузлы разные, — сказала позже Роз. Они сидели на балконе второго этажа и пили из термоустойчивых стаканов турецкий кофе. — У меня там огромная ванна в полу, чистый мрамор, золотые краны, все дела.

— Если ты не против, — сказала Бернис, — я, пожалуй, буду пользоваться твоей ванной. Боюсь, мне нравится купаться зависнув в воздухе.

— У моих родителей была такая ванна. Подвешенные бассейны были очень популярны примерно лет пятьдесят назад, — Роз нахмурилась, — относительно моего времени.

— По крайней мере, мы теперь знаем, что они должны быть гуманоидами, — сказала Бернис. — Мой «интерфейс для отходов человеческой жизнедеятельности» полностью со мной совместим.

— Первый раз слышу, чтобы его так называли.

— Это мой отец так туалеты называл.

— Твой отец служил во Флоте?

Бернис надпила кофе. Почему она вспомнила об отце?

— Внешний Патруль системы, — сказала она. — Он просто обожал длинные сложные эвфемизмы.

— По крайней мере, местные туалеты не пытаются задницу подтирать, — сказала Роз. — Я ненавижу те, которые это делают.

— Не хочу об этом слышать.

Старая добрая Роз, на неё всегда можно было положиться в деле опускания с небес на землю.

— Какие они, интересно? Люди, которые это построили.

— Они явно владеют очень продвинутыми технологиями, тут всё очень круто, — сказала Роз. — Но не рассчитывай, что они будут хоть немного похожими на людей. Одни из самых гадких тварей, с которыми мне доводилось иметь дело в Нижнем Городе, были такие же, как ты и я. Внешне, по крайней мере.

Бернис знала, что *эту* тему с Роз лучше не затрагивать. Похоже, во вселенной было очень мало инопланетных рас, представителей которых Роз не доводилось оскорблять, бить, арестовывать, перестреливаться с ними, и очень часто все эти действия происходили за время одной встречи.

— У этого здания интересная эстетика, — быстро сказала Бернис. — Ты не находишь?

Вообще-то, у виллы, похоже, вообще не было никакой единой эстетики. Она расплзлась по гребню холма, словно кучка детских кубиков. Пять этажей, верхний этаж шире первого, но четвёртый этаж выступал сзади на десять метров. Некоторые секции были деревянные, другие из бетона, из стекла и кирпичей неодинаковой формы. Внутри было ещё хуже: несмотря на то, что каждая из комнат была обставлена в собственном стиле, по ним тяжело было понять их предназначение. Комната с балконом на втором этаже по общему соглашению была названа гостиной, но Бернис считала, что из неё с таким же успехом могла получиться спальня, а то даже и кухня или ещё один балкон.

— Мне кажется, что это построили дети, — сказала Роз.

— Дети?

— А тебе так не кажется? — спросила Роз. — Есть тут что-то такое.

Бернис фыркнула.

— Ну конечно, — сказала она. — Они пришли сюда воскресным днём и сложили это из того, что было под рукой. Из старых оранжевых ящиков, выброшенного полиэтилена с пузырьками и старых кибернетических систем управления климатом.

— Дети, — твёрдо сказала Роз.

— Ага, — сказала Бернис. — Многоэтажный отель построила «Великолепная пятёрка»³. Дизайн, конечно, хаотический, даже несогласованный, но технологический уровень слишком высокий. Поверь мне, Роз, я археолог.

— Видишь вон то, — Роз указала за плечо Бернис.

Бернис развернулась и увидела там присоединённый к стене виллы серебристый трёхметровый шар.

— Да, и что? — осторожно спросила Бернис.

— Это спальня Криса, — сказала Роз.

— Почему бы и нет.

— Она отсоединяется, — сказала Роз. — Когда он спит, она отрывается от здания и летает. Крис думает, что эти перемещения могут быть синхронны с его альфа-ритмами.

— И куда она летает?

— Вокруг виллы, над деревьями, под небом.

— Зачем?

— Затем, что это прикольно, — сказала Роз. — Крис без ума от этого. От самой идеи.

— Готова поверить.

³ «Великолепная пятёрка» — серия детских детективных книг английской писательницы Энид Блайтон.

— Я же говорю — дети.

Бернис поняла, что в этом что-то есть. У виллы была некоторая непредсказуемость, которая ассоциировалась с детьми. До тех пор, пока не подумаешь о том, сколько вложено в постройку этой виллы ресурсов. Может быть, тут никого не было потому, что все дети были в школе? Бернис посмотрела на Роз: та откинулась на спинку кресла и глотнула кофе. Её лицо снова было непостижимым. Бернис поняла, что это чудесный момент для того, чтобы спросить у Роз, почему у неё самой нет детей.

Кстати, о детях, Роз, тебе уже больше сорока лет, даже с учётом биологических улучшений ты теряешь время. Вынашивание детей должно быть запрограммировано генетически; ты хотя бы *думаешь* иногда об этом?

— Кстати, о детях, — сказала Бернис. — А где Доктор?

— На кухне, завтрак готовит.

— Слава Богу, я есть хочу, — сказала Бернис. — Значит, тут есть кухня?

— Есть комната с плоскими поверхностями, которые могут становиться горячими, и есть похожие на шкафы штуки, из которых Доктор вынимает продукты и ингредиенты, — сказала Роз. — Слишком неопределённо, как на мой вкус. Когда в эти шкафы заглядывала я, они были пустые.

— Кто хочет чаю? — спросил Доктор.

Роз чуть не поперхнулась своим кофе. Бернис ей посочувствовала; она тоже не заметила, когда он подошёл.

Доктор вышел на балкон. В каждой руке он держал по серебряному подносу, а третий поднос балансировал у него на

голове. Через левую руку было переброшено белое полотенце. Он остановился у стола, словно ожидая аплодисментов. Ни одна из женщин аплодировать не стала.

Доктор сердито на них посмотрел и начал расставлять подносы.

— Это не так-то просто, — обиженно сказал он.

— Давай угадаю, — сказала Бернис. — Ты когда-то работал в венерианском бургер-баре.

Доктор выдвинул стул и сел на него.

— Венериане не едят гамбургеры, — сказал он, — во всяком случае, не ели, когда я там был.

— А что они ели? — спросила Роз.

— Преимущественно друг друга, — сказала Бернис.

Роз что-то пробурчала себе под нос.

— Только на похоронах, — сказал Доктор и пододвинул к ней тарелку с коричневыми эллипсоидами, от которых поднимался пар. — Пирожков?

Роз осторожно взяла один из эллипсоидов. Доктор дождался, пока она его надкусит, а затем продолжил:

— Мозги друг друга, если быть точным.

Роз мрачно на него посмотрела, но продолжала жевать. Скорее за счёт силы воли, — подумала Бернис.

— На вкус они похожи на шоколадный торт, — сказал Доктор, наблюдая за тем, как Роз очень сосредоточенно глотает. — У них были очень веские биохимические причины так поступать.

— Я не хочу об этом знать, — очень медленно сказала Роз. — Я не хочу слушать об их восхитительной культуре и о

том, как они любили своих детей и как добры были к маленьким зверушкам.

— Конечно, не хочешь, — жизнерадостно сказал Доктор. Он посмотрел на стол и нахмурился: — А куда я дел поднос с чаем?

— Он до сих пор у тебя на голове, — сказала Бернис.

— А, — сказал Доктор, снял поднос с головы и поставил его на стол. — Действительно. Я мог бы даже шляпу забыть, если бы она у меня в кармане не лежала.

Чайник был из чёрного фарфора, украшенный золотым узором в виде листа. Из носика шёл пар. Бернис насчитала пять одинаковых чашек и блюдец.

— Мы ждём гостей? — спросила она.

Доктор посмотрел на чашки с таким видом, словно видел их впервые. Он взял одну из них в руки и провёл по ней пальцем. Он пробормотал слово, в котором Бернис слышалось «безупречно». А затем он вдруг швырнул чашку на пол. Со странным приглушённым звоном она отскочила от пола, и Доктор поймал её на лету. Улыбаясь, он внимательно осмотрел её. На ней не было ни царапинки.

— Небьющаяся, — сказал Доктор, поставив чашку на блюдце.

Он смотрел то на Бернис, то на Роз, словно ожидая, пока они поймут шутку. Бернис посмотрела на Роз: у той тоже был беспокойный вид.

— Случайные координаты, — сказала Бернис. — Ты обещал!

— Я знаю, о чём ты думаешь, — сказал Доктор, — и могу тебя заверить, что будущее вселенной на кону не стоит.

— Что же, — сказала Роз, — это хорошо.

— Предупреждаю вас, профессор Саммерфилд, — сказал Доктор, — и вас, судья Форрестер, если вы будете упрямо продолжать эту меланхолию, я буду вынужден предпринять штрафные меры, — Доктор взял со стола пару чайных ложек.

— Не смей! — сказала Бернис.

— А что он сделает? — спросила Роз. — Вычерпает нас до смерти?

— Хуже, — сказала Бернис. — Он будет *играть* на ложках. Имей в виду, слово «играть» я использовала намеренно.

Доктор подмигнул Роз и вставил ложки между пальцами.

— Тебе нельзя этого делать, — сказала Бернис. — Это было запрещено «Конвенцией о психологическом оружии» в Белом Городе.

— Последний шанс, — сказал Доктор.

— Нельзя шантажом поднять кому-то настроение, — сказала Бернис.

Доктор начал тарахтеть ложками между рукой и столом. На его лице была мечтательная решимость.

— А я никогда не рассказывал, — перекрикивал он шум, — о том, как однажды побил галактический рекорд непрерывной игры на ложках? Шестьдесят семь часов. Я бы побил и вселенский рекорд, но гартанианский телекинетик всё время гнул мои инструменты.

— Я его понимаю.

— Что ты сказала? — спросил Доктор. — Хочешь увидеть, смогу ли я делать это обеими руками? Розлин, будь добра, передай мне вон те ложки...

— Я сдаюсь, — сказала Бернис.

— Не слышу.

— Я сдаюсь, я буду жизнерадостной, оптимистичной, весёлой, какой захочешь. Только прекрати, ради бога.

Доктор перестал тархтеть ложками и улыбнулся ей.

— Бенни, не расстраивайся, — сказала Роз, подталкивая к ней тарелку. — Скушай лучше пирожок с мозгами.

День тянулся долго. На балконе стало теплеть. Роз ушла в тень гостиной. Доктор непонятно откуда вынул толстую книгу в мягком переплёте. Бернис вернулась в свою спальню, чтобы надеть что-нибудь менее тёплое.

Домовые снова принялись за работу. Постель была застелена, угол лоскутного одеяла отвёрнут, чтобы было видно чистые бледно-сиреневые простыни. Её одежда, которую она принесла из ТАРДИС, была аккуратно сложена стопкой на краю кровати. Сверху на стопке лежал её дневник.

Что-то похожее произошло раньше, пока Бернис боролась в ванной с подвешенным бассейном. Когда она, шатаясь, вернулась в спальню, вся её одежда была аккуратно сложена стопкой на краю застеленной постели. В тот раз это напомнило ей о сказках Северной Европы, в которых маленькие сверхъестественные существа занимались домашней работой в обмен на оставленный на пороге дома лактат парнокопытных животных.

Она предположила, что этим занимается какой-то домашний робот. Если так, то это были самые тихие и самые проворные машины, которых она видела. Вернее сказать, *не видела*.

Она решила называть их домовыми, как будто дав чему-то имя, можно было сделать это не таким страшным. Она подозревала, что такими домовыми кишела вся вилла, а может быть, даже вся сфера Дайсона. Из этого следовали тревожные выводы: зависимые от роботов культуры были известны своими декадентством, хрупкостью, а зачастую ещё и паранойей. В базе данных ТАРДИС был классический трактат на эту тему: «Тарен Капел: Изучение робофилии». Мужчина, который хотел стать роботом, когда вырастет.

У Бернис возникло ужасное подозрение. А что если на этой сфере Дайсона вообще нет людей? Что если тут к власти пришли машины, как это было на Мовелле? В конце концов, не было никаких свидетельств того, что на сфере жили *люди*. Быть может, этот искусственный ландшафт был пуст, тут жили только машины и животные? Привезти их на отдых в мёртвый мир было бы вполне в духе Доктора.

Она подняла стопку одежды; от неё пахло как от только что постиранной.

Впрочем, — вынуждена была признать Бернис, — для призрачного мира тут просто отличное обслуживание. Она надела блузку и в качестве эксперимента оставила остальную одежду разбросанной по всей спальне.

В гостиной она столкнулась с Крисом. Он стоял у дивана, одетый в пёстрый синий халат. Увидев Бернис, он быстро поднёс к губам палец. Он кивнул на диван — там спала Роз. У неё в руке всё ещё была видео-книга, в левом углу экрана одиноко мигала иконка страницы. Крис нагнулся, осторожно забрал видео-книгу и аккуратно положил её на кофейный столик. Расслабленным, лицо Роз выглядело моложе. Бернис

поразило непривычно нежное выражение лица Криса, накрывавшего партнёршу одеялом.

— Она устала, — тихо сказал он.

Бернис кивнула. Они все устали. События на Детриосе были совсем недавно. Особенно для Криса. Быть может, Доктор прав, что привёз их сюда на отдых. Если это, конечно, отдых.

— Ты пойдёшь гулять? — спросила Бернис Криса.

Она посмотрела на балкон, на Доктора, сидевшего к ним спиной. Крис покачал головой.

— Я думал пойти окунуться в бассейне на крыше.

— На крыше есть бассейн?

— Да, — сказал Крис. — Дно бассейна абсолютно прозрачное. Под ним комнату видно, — вспомнив о Роз, он снова понизил голос: — А игровая комната тут — не поверишь.

— Это там ты весь день пробыл?

— Я потерял счёт времени.

Она снова посмотрела на Доктора.

— Ты же знаешь, как это бывает.

— Может, поплаваешь, а потом спустишься?

— Да, — сказал Крис, — так и сделаю, — он посмотрел на Роз. — Она не любит, когда сбываются мечты, — грустно сказал он. — Она считает, что вселенная и без этого слишком сложная.

Крис пошёл вверх по лестнице, Бернис провела его взглядом. В его осанке было какое-то напряжение, которое она раньше не замечала. Она услышала, как Роз тихо

похрапывает во сне и ёрзает по дивану. Отдыхай, старина, — подумала Бернис. Пользуйся моментом.

И, пожалуй, ей и самой следует воспользоваться этим советом.

А впрочем, зачем ломать привычки всей своей жизни?

Бернис остановилась на пороге балкона.

— Я не выйду на балкон, пока ты не покажешь мне руки.

Доктор поднял руки:

— Не стреляйте, я не вооружён.

Бернис шагнула сквозь невидимую стену, отделявшую жаркий балкон от прохладной комнаты виллы. Это был не просто контраст между солнцем и тенью. Чуть раньше она выставляла ладонь наполовину: между жарой и прохладой была чёткая граница. Невидимая стена.

— Главное, чтобы у тебя ложек не было, — сказала Бернис и села.

На столе стоял охладитель для вина и один узкий бокал. Когда она уходила наверх, переодеваться в блузку, ни того, ни другого здесь не было. Она была почти уверена в том, что их тут не было и во время её разговора с Крисом.

— Я заказал тебе вина, — сказал Доктор.

Бернис вынула бутылку из охладителя. Бутылка имела форму штопора, внутри неё была жидкость бледно-янтарного цвета.

— Понятно, — сказала Бернис. — Вначале палка, а теперь морковка.

Бутылка была закрыта настоящей пробочной пробкой. Она налила вина в бокал, круговым движением смочила стенки, понюхала, попробовала.

— Хорошее? — спросил Доктор.

— Необычное.

— Но хорошее?

— Отличное.

— А разве его потом не нужно сплёвывать?

— Ни в коем случае, — сказала Бернис, наливая себе ещё.

— Я всегда считала, что дегустаторы в этом сильно ошибаются.

— Они его выплёвывают, чтобы сильно не опьянеть.

— Что лишь доказывает мою правоту.

Бернис надпила вино. У него был лёгкий цветочный букет и вкус, похожий на лето в верхних Альпах.

— Интересно, а из чего его делают?

Доктор взял в руки бутылку и внимательно осмотрел наклейку.

— Не имею ни малейшего понятия.

— Если бы я могла видеть сквозь стены этой сферы, что бы я увидела?

— Звёзды, созвездия, галактики — как обычно.

— Я бы узнала какие-нибудь из этих звёзд?

Доктор на мгновение задумался.

— Нет.

— Ни единого созвездия?

— Может, что-то и узнала бы, — сказал Доктор. — Но то, что ты считаешь «человеческим космосом», очень далеко отсюда.

— Но ты здесь уже бывал?

— Вообще-то, — сказал Доктор, — я тут не очень часто бываю. Тут редко что-нибудь интересное происходит.

— Застой?

— Спокойствие, — сказал Доктор. — Всё ужасно хорошо организовано.

— Эффективно?

— Абсолютно.

— Процветание?

— До отвращения.

— Скучно?

— Очень.

— Люди?

— Около двух триллионов.

Бернис очень осторожно поставила бокал.

— Два триллиона — это две тысячи миллиардов?

— Там, наверху, звезда класса G главной последовательности, — сказал Доктор, — такая же, как Солнце. Радиус этой сферы — почти сто пятьдесят миллионов километров, а её внутренняя поверхность имеет площадь в 2.77 умножить на 10 в семнадцатой степени квадратных километров. Это примерно в шестьсот миллионов раз больше, чем площадь Земли.

— Ничего себе lebensraum⁴.

— Причём Польшу завоёвывать не пришлось.

— А насколько продвинуты их технологии?

⁴ Жизненное пространство на Востоке (нем. Lebensraum im Osten) — термин национал-социалистической пропаганды, отражавший планы заселения германскими народами (арийцами в понимании национал-социалистических вождей) территорий в Восточной Европе.

Доктор почесал затылок.

— Бенни, будучи археологом, ты как никто другой должна знать, что технология — это не просто линейный прогресс. Бывают повороты и обходы, ответвления и тупики, затоки и реки...

— Твоя метафора слишком сложная.

— Так всегда бывает, когда пытаешься описать неопишемое.

— Или когда пытаешься уйти от вопроса.

— Давай, я объясню иначе, — сказал Доктор. — Между ними и повелителями времени подписан договор о взаимном ненападении.

Бернис взяла бокал и допила вино. Она быстро налила себе ещё бокал и выпила его залпом. Затем налила ещё, но оставила стоять на столе. Дальше пить не было смысла: алкоголя всей вселенной не хватит на то, чтобы справиться с этим.

— Они путешествуют во времени?

— Нет, как ни странно, — сказал Доктор. — Почему-то они никак не добьются в этой области успехов. Они очень близки к этому, но по каким-то причинам оно у них не работает.

— Правда? — сказала Бернис. — Надо же, как странно.

— Да, скажи? — сказал Доктор. — Понятия не имею, почему у них такие проблемы с этим, раз уж теоретически всё готово, — он усмехнулся. — Наверное, у тебя либо есть нужные качества, либо их нет.

— А если они у тебя есть, то позаботься о том, чтобы их не было у других.

Доктор нахмурился, словно вспомнив о тяжёлой утрате, но потом снова улыбнулся. Бернис показалось, что он сделал над собой усилие.

— А эти два триллиона, — спросила она, — они люди?

— А вот это, — сказал Доктор, — сильно зависит от того, какое определение ты используешь для слова «люди», — он махнул рукой влево. — Там есть небольшой городок под названием иСанти Джени, всего час ходьбы по берегу. Можешь пойти и спросить у местных, что они об этом думают.

— Сочтут ли они *меня* человеком?

— Это зависит от того, — сказал Доктор, — познакомятся ли они с тобой до или после того, как ты выпьешь утренний кофе.

Доктор знал о приближении грозы задолго до того, как сквозь дымку стали проглядывать первые тучи. Он сказал, что буря будет просто гигантская, и настоял на том, чтобы они все собрались в гостиной, чтобы вместе посмотреть на неё. Он сказал, что ничто так не развлекает, как хорошая гроза.

Горизонта внутри сферы не было, её кривизна тоже не была заметна; при радиусе в сто пятьдесят миллионов километров сфера была почти плоской. Море и небо уходили в бесконечность до тех пор, пока не растворялись в дымке. Несмотря на это, Бернис обнаружила, что её мозг упрямо создавал несуществующий горизонт, невидимую линию, отделяющую воду от небес. Бернис подумала, что он придавал виду из окна формальное единство картины эпохи Возрождения, и позволял ей смириться с масштабом.

Леонардо бы ею гордился.

Всё началось с тёмного пятна на её виртуальном горизонте, затем ставшего чёрной линией, а затем на них обрушился фронт бури. В окне балкона Бернис увидела первые вспышки далёких молний. Она вздрогнула от внезапного холода и поразилась тому, как быстро двигались тучи. Быстро темнело; в тусклом свете Бернис видела, как с океана сдувало мелкие брызги. Она была рада, что находится в здании, в безопасности.

Вспыхнула молния, в этот раз ближе. В ожидании грома Бернис считала секунды. Позади неё раздался глухой удар, а затем ругательство. Обернувшись, Бернис увидела устало поднимавшуюся с пола Роз.

— Эй, — сказала она, — похолодало или мне кажется?

— Гроза надвигается.

— Вот оно что, — сказала Роз, разминая руки и спину. —

А я думала, что мне это приснилось.

Гром.

По балкону начали шлёпать первые капли дождя; те из них, которые попадали на невидимый барьер внутри рамы огромного окна, резко разворачивались на девяносто градусов и падали снаружи. Однако этот барьер, видимо, был устроен так, что позволял воздуху циркулировать, и Бернис начала замерзать.

Наверху было теплее. В её спальне дождь стучал по прозрачному потолку. Её вещи были разбросаны по полу, в точности так, как она их оставила. В этот раз домовые не стали утруждаться. Может быть, они всё ещё ждут положенную им миску молока? Отбросив ногами несколько

вещей, Бернис нашла то, что искала — толстовку, на которой спереди было написано «Я ЭЙС, А ЭТО ДОКТОР», и большая нарисованная рука указывала налево. Эйс купила её несколько жизней назад в ларьке трафаретной печати на фестивале в Гластонбери. У Бернис была точно такая же с её именем, но краска на ней уже вылиняла. Доктору они заказали толстовку с надписью: «Я ДОКТОР, А ЭТО (НЕНУЖНОЕ ВЫЧЕРКНУТЬ)». Эйс шутила, что она была «НЕНУЖНОЕ», а Бернис — «ВЫЧЕРКНУТЬ». Бернис ни разу не видела, чтобы Доктор носил свой сувенир.

— Бенни, — раздался голос Криса.

— Я тут, — отозвалась она сквозь натягиваемую толстовку.

Крис стоял в двери, его светлые волосы слиплись из-за дождя, а промокший насквозь халат прилип к рукам и груди.

— Ты видела грозу? — спросил он.

— Некоторым из нас хватило предусмотрительности зайти в дом до того, как она началась, — сказала Бернис.

Крис ей широко улыбнулся, но его улыбку немного испортила молния, в свете которой его лицо стало плоским, с тёмными провалами вместо глаз. Он что-то сказал, но его слова заглушил гром.

— Держи, дурачок, — сказала Бернис, сняв с кровати лоскутное одеяло и протягивая его Крису. — Завернись, пока не простыл.

Крис засмеялся:

— Ты почти как Роз.

Он снял с себя халат, на короткое время обнажив широкую грудь и мускулистый пресс, а затем снова скрыл их

под складками одеяла. Однажды, — подумала Бернис, — какой-то девушке будет с ним очень хорошо. Не ей, разумеется; тут понадобится гораздо более выносливая.

Это должна была быть Кат'лаана, но она сейчас... Умерла? Или ещё не родилась?

В общем, её нет, и она забрала с собой кусочек Криса. Кусочек его невинности, навеки похороненной под вечной мерзлотой Детриоса. Ужасная это неизбежность — потеря невинности. С Эйс это произошло на Небесах, а с ней самой — на вокзале Кингс Кросс. Я зашла в машину времени на своих двоих и с тех пор теряю кусочки себя. Все мечты и надежды разлетаются на куски, как сломавшаяся сфера Дайсона в Вуали Вартек.

«Нет, нет. Я не деталь чужой машины». Так сказала в Париже Эйс, имея в виду, что она больше не шестерня, не пешка, не солдат.

Бернис была невыносима мысль о том, что когда-то придётся расстаться с Крисом Кведжем. Только не с этим мокрым носом, золотистым ворсом, большой глупой улыбкой и бессмысленным оптимизмом перед лицом опасности. И тут у неё возникло предчувствие, сильное до боли. Образ более старого Кведжа, мрачного и молчаливого, на какой-то безлюдной равнине; вместо лица гримаса боли, глаза лишились былого блеска, в них были злоба и ненависть.

— Эй, — сказал Крис, — у тебя всё в порядке?

Он смотрел на неё, на его большом открытом лице было беспокойство. Бернис дотронулась до своих щёк и с удивлением обнаружила, что они мокрые от слёз.

Она не знала, по кому из них она плакала.

Гроза была сильная.

Они сидели на диване, лицом к большому окну, накрыв ноги лоскутным одеялом. Доктор подал огромные миски чего-то, выглядевшего как попкорн, а по вкусу похожего на жареные бананы. Крис за весь вечер слопал две миски. Бернис и Роз — по одной. Доктор почти не ел.

Молнии начали сверкать так часто, что при их свете почти читать можно было. Вспышки били в направлении океана, освещая вначале одну секцию, а потом другую. При отсутствии ограничивающего поле зрения горизонта гроза казалась бесконечной. Бушующая стихия почти не проникала в виллу; дождь отражался от силового поля окна, и у Бернис было подозрение, что звуки грома были ослаблены. Им было уютно и безопасно, гроза проникала к ним ровно настолько, чтобы быть зрелищем.

Бернис думала об этом, сидя под уютным одеялом между Доктором и Роз, жуя попкорн, который на вкус был почти, но не совсем как жареные бананы. Она думала о том, что Доктор — мастер психологии, раз сумел провернуть такой сценарий, создал это ощущение тёплого праздника. Они все вместе внутри, а ужасные опасные силы — снаружи.

Она посмотрела налево, где на конце дивана возвышался Крис. Он слегка наклонился вперёд, выражение его большого лица менялось почти с каждой вспышкой молнии. Роз выглядела расслабленной, она снисходительно улыбалась каждый раз, когда Крис криком одобрял особенно зрелищные вспышки.

Бернис посмотрела на Доктора, рассматривая его в профиль.

«Ты не тот Доктор, которого я знала». Так сказала Мэл, нерешительно стоя в дверях ТАРДИС. «Ты лжец, манипулятор и, возможно, ещё и убийца. Я не хочу тебя знать».

Бернис научилась принимать Доктора на его условиях: ложь, манипулирование и... да, временами оправданный геноцид. Он, в конце концов, Доктор; его либо принимаешь на его условиях, либо не принимаешь вообще. Встреча с Мэл была потрясением, окном в прошлое Доктора. В этом окне Бернис мельком увидела другую личность, настолько же отличную от «её» Доктора, насколько её Доктор отличался от суррогата «Доктора Кто», созданного подростковым воображением Джейсона. Более простой персонаж, по мнению Бернис, менее страшный и более «человечный». Который мог радоваться рыбалке, сэндвичу с беконом и салатом, стуку дождя по стеклу.

Доктор словно почувствовал её взгляд и обернулся. Какое-то мгновение Бернис смотрела прямо в его странные глаза.

Она быстро отвела взгляд, не уверенная в том, что она в них увидела.

— А насколько эта гроза реальна? — спросила Роз.

— Это хороший вопрос, — сказал Доктор, — принимая во внимание, что всё наше окружение полностью искусственное.

— А какая разница, — с набитым попкорном ртом сказал Крис.

— А ты как думаешь, Берни? — спросил Доктор. — Насколько это настоящее, а насколько — манипуляция?

— Одному Богу известно, — тихо сказала Бернис, думая совсем о другом.

— Тогда, быть может, у него и спросим? — сказал Доктор. — Дом! Соедини нас, пожалуйста, с Богом.

— Бог слушает, — ответил голос.

— О Богиня! — прошипела Роз.

— Можно и так, — сказал голос. — Хотя в этих краях Бог не считается ни мужчиной, ни женщиной.

Учитывая, что он принадлежал Богу, голос звучал не очень внушительно. Обычный, довольно приятный мужской голос, просто он исходил одновременно отовсюду. Но это был очень выразительный голос, который в виде нюансов смог вложить и удивление, и раздражение, и усталый цинизм в одно-единственное слово — «Доктор».

— Здравствуй, Бог, — сказал Доктор.

— Ты должен предупреждать меня, когда прибываешь сюда.

— Правда? — спросил Доктор с явно притворной невинностью. — В договоре об этом ничего нет.

— А из вежливости?

— Ну, я не хотел тебя беспокоить, — сказал Доктор. — Я же знаю, какой ты занятой. Миром управляешь и всё такое. Позволь заметить, что сегодняшняя гроза — просто блеск. Нам всем она очень нравится.

— Очень приятно это слышать, — сказал Бог. — Кстати, а кто твои друзья?

— Вот дурак, где же мои манеры? — сказал Доктор. — Бог, это профессор Бернис Саммерфилд, судья Розлин Инъяти Форрестер и её подчинённый Кристофер Кведж.

Роз так дёрнулась на слове «Инъяти», что Бернис это почувствовала. Она быстро взглянула на Доктора, но тот в ответ лишь приподнял бровь.

— Приятно с вами познакомиться, — вежливо ответил Бог. — Любой друг Доктора, я надеюсь, и мой друг тоже.

У нас хорошие отношения с божеством, — подумала Бернис, — какая приятная перемена.

— Вы управляете Сферой? — спросил Крис.

— Да, — сказал Бог. — Хотя слово «администрирую», наверное, лучше подходит.

— А где вы живёте?

— Большая часть меня на Почему-бы-и-нете, но вообще-то я распределён довольно широко. У меня повсюду есть ноды.

— Значит, вы компьютер?

— А вы моллюск? — спросил Бог.

— Эм... нет, — сказал Крис.

— В таком случае, я не компьютер, — высокомерно сказал Бог.

Крис растерялся, было смешно, как его мысли читались на его лице.

— А причём тут моллюски?

Бернис наклонилась и прошептала на ухо Роз:

— Отлично; обидчивая машина.

Роз улыбнулась.

— А, — сказал Бог. — Предубеждения.

Они так и не смогли узнать, насколько эта гроза была настоящая. Доктор с Богом увлеклись беззаботным философским спором о том, что такое реальность на фундаментальном уровне. Спор зашёл так далеко, что они оба начали пользоваться логическими символами, светящимися голографическими панелями, смещавшимися по гостинной на уровне коленей.

Розлин снова заснула, её голова лежала на плече Криса. Было забавно наблюдать за тем, как он боялся её разбудить. Три четверти его тела оставались такими же выразительными, как и до этого, а его плечо оставалось неподвижным, даже тогда, когда огромная молния пронзила мир от моря до неба, осветив безграничные бушующие волны. Удар грома был настолько громкий, что даже Доктор с Богом замолчали.

— Секундочку, — сказал Бог, а затем продолжил разговор.

Позднее Бернис задавалась вопросом, не могла ли она что-то увидеть во внезапно наступившей после вспышки молнии темноте. Всего лишь маленькую серебристую точку, где-то далеко падающую в море.

Гроза начала ослабевать, попкорн закончился.

Бернис опять почувствовала усталость. Почему? Она за весь день не делала ничего утомительного, если не считать принятия летающей ванны. Наверное, уставать можно даже без постоянного напряжения. Это интересная мысль. Последнее время у неё редко бывала возможность провести эксперименты в этом направлении.

— А сейчас самый лучший момент, — сказал Бог.

Тучи разошлись, открывая сказочный вид на ночную сферу. В левом верхнем углу вида в окне была бело-голубая планета, с континентами и вращающимися облаками. Её видимый размер был такой же, как у Земли с Луны.

Почему-бы-и-нет. Дом большей части Бога.

Надо было быть очень уверенным в своих силах, чтобы построить сферу Дайсона, а затем пустить планету по орбите *внутри* сферы. Доктор сказал, что им очень повезло, что она так близко; её орбита была подобрана таким образом, что Почему-бы-и-нет пролетал по очереди над каждой частью сферы. «Как трёхмерный узор спирографа», — сказал он.

Не объяснив, что такое спирограф.

Без видимых усилий Крис поднял Роз на руки и понёс наверх. Бернис заметила, что зевает, и решила последовать их примеру. Она оставила Доктора разговаривать с Богом.

2. Жизнь — это пляж

*Утром я проснулся
Жарю бобы на завтрак
Чтобы все недоумевали
У-у, мои уши горят.*

Крис Кведж

Утро.

Это не просто понять, если солнце всегда торчит на одном и том же месте.

Бернис Саммерфилд висит вверх ногами в идеально сферическом шаре тёплой воды. К счастью, ей удалось высунуть голову в воздух, так что опасности утонуть не было. Она думает, что должен быть какой-то секрет, как пользоваться такой ванной, но она его не знает. Она много раз бывала в невесомости, но она привыкла к санузам, которые минимизируют эту проблему, а не моделируют её.

Она не хотела дёргаться. Дёргаться, как рыба на крючке, означало бы потерять то достоинство, которое было для неё так важно. Она будет сохранять спокойствие и о чём-нибудь подумает.

Дверь в спальню открыта, Бернис видно лежащую на кровати кучу её вещей. Прямо на глазах невидимая сила складывает предметы одежды один за другим и аккуратно кладёт их стопкой. Она понимает, что домовых нет; вместо них есть машина, которая управляет домом, всего лишь

пользуется для выполнения домашних работ разнообразностью проекторов силового поля.

Тут определённо есть над чем подумать.

Как только она сможет развернуться головой вверх.

Доктор оставил записку. Там изначально было «Ушёл на рыбалку», но слово «рыбалка» было несколько раз перечёркнуто, и вместо него было написано «сафари». Крис хотел знать, что такое сафари.

— Это означает «путешествовать», — сказала Роз, — на суахили.

— Нет, неправильно, — сказала Бернис. — Это когда наблюдаешь за дикими животными.

— За какими дикими животными? — спросил Крис.

— Бенни, я немного знаю суахили, это слово точно означает «путешествовать».

— Я знаю, что оно означает буквально, Роз, но оно используется в значении «наблюдать за дикими животными».

— Может быть, за дикими животными можно наблюдать во время путешествия? — предположил Крис.

— Чего?

— Просто подумал.

— Короче говоря, — сказала Бернис, — по словам Доктора, тут есть город, в часе ходьбы вдоль берега. Я думала пойти посмотреть. А вы не хотите?

— Неплохая идея, — сказала Роз. — Пойду, надену свой доспех.

— Не думаю, что он тебе там нужен, — сказала Бернис.

— А вдруг мы наткнёмся на этих диких животных? — спросила Роз. Затем повернулась к Крису: — Кведж, ты тоже надевай.

Крис взглянул на Бернис («лишь бы она не ворчала») и пошёл вслед за Роз надевать свой доспех.

— Ну что вы, — сказала Бернис. — Доктор же сказал, что тут безопасно.

Немного подумав об этом, она пошла искать нож, который можно спрятать в ботинке.

Нижняя часть виллы была полностью окружена лесом. От входной двери расходились в разные стороны три дороги, и Роз с Бернис позволили выбирать между ними Крису; отчасти потому, что он утверждал, что вчера рассмотрел нужную дорогу с крыши, но в основном затем, чтобы если они заблудятся, виноватым был он. Бернис было приятно заметить, что и он, и Роз хотя бы шлемы и бластеры оставили дома.

Дорога была скорее песчаной тропой, которая вела вниз, виляя между вечнозелёными деревьями. Как только они оказались среди деревьев, воздух стал тёплым и неподвижным. Бернис чувствовала запах мокрого песка, прелых листьев, и острый запах моря. Крис широким шагом пошёл впереди и скоро исчез за первым поворотом. Роз и Бернис шли более приличной походкой. Роз спросила у старшей подруги, что означает слово «Иньяти».

— Это название моего клана, — сказала ей Роз.

— Оно имеет какой-то смысл?

— На кхоса⁵ это означает «буйвол», — сказала Роз. — По словам моей бабушки это означало, что мы не должны есть буйволов.

— Что, совсем-совсем? Даже бургеры? — спросила Бернис. — Даже буйвольское фрикассе и буйвол а-л'оранж?! Я в шоке. А что такое буйвол?

— Большое гадкое четвероногое с копытами, — сказала Роз. — И с рогами. Последнее умерло в зоопарке в 2193 году.

— Они, наверное, были известны своими упрямством и плохим характером?

— Откуда ты знаешь?

— Угадала, — сказала Бернис.

Дорога уходила круто вниз. Она виляла вправо и влево, и временами в просветах между деревьями они видели синее море. Бернис начала на ходу насвистывать старую весёлую балладу, которая уже секунд через тридцать действовала Роз на нервы.

У подножия холмов дорога зашла в дюны. Хвойные деревья сменили кривые деревца с широкими овальными листьями. А затем деревца сменили пучки длинной жёсткой травы, которой удавалось удерживать песчаные дюны на месте. Этих пучков становилось всё меньше, песок становился мельче, и в конце концов дюны превратились просто в кучи песка. Тут идти было тяжело, особенно Роз в её тяжёлых

⁵ Кхоса — один из народов Южной Африки. Также, название их языка.

ботинках. Криса, впрочем, эта проблема не беспокоила, он вбежал на вершину последней дюны и закричал:

— Я вижу море!

— Как же я за тебя рада, — бурчала под нос Роз, тяжело поднимаясь следом.

— Кажется, там, на пляже, есть бар, — крикнул Крис.

Роз с Бернис переглянулись и ускорили шаг.

Если это был и бар, то небольшой: на краю дюн стояли всего дюжина круглых столиков и круглые стулья. А вот пляж был впечатляющий, километровый полумесяц нетронутого жёлтого песка между двумя скалистыми мысами. Это был один из тех пляжей, изображение которых можно было использовать в рекламе курортов. Бернис предположила, что и Санти Джени был сразу за восточным мысом, если Доктор сказал правду.

— Знаете, — сказал Крис, — я осмотрел этот пляж.

— Я знаю, к чему это ведёт, — сказала Бернис. — Каковы твои выводы?

— Мне кажется, что он безопасен, — сказал Крис.

— Правда? — сказала Роз.

— Думаю, он совсем безопасен, — сказал Крис. — Возможно, это самый безопасный пляж из всех, которые я видел. Вообще-то, я даже готов утверждать, что это просто идеальный пример безопасного пляжа.

— Крис... — сказала Бернис.

— Правда, совсем безопасный.

— ...Мы тебе не родители.

Крис посмотрел на Роз, и та неопределённо махнула рукой. Крис радостно вскрикнул и побежал к воде, на ходу расстёгивая застёжки своего доспеха.

— Иначе он потом дуться будет, — сказала Роз.

Раздался ещё один крик, и Крис нырнул в набегавшую волну. Его следы выделялись на фоне нетронутого песка. По сторонам от следов валялись части доспеха. Его белобрысая голова всплыла за волнами прибоя. Он помахал рукой и исчез из виду.

Бернис посмотрела на столы.

— Как ты думаешь, это бар? Что-то я не вижу, где тут клиентов обслуживают.

— Узнать можно только одним способом, — сказала Роз.

Они сели за ближайший столик. Стулья на вид были сделаны из твёрдого белого пластика, но Бернис почувствовала, как материал под ней немного пошевелился, сделав стул более удобным. Когда она наклонилась назад, чтобы посмотреть на Криса, стул наклонился вместе с ней.

— А быстро он из доспеха выбрался.

— Этому учишься во время учёбы в Академии, — сказала Роз. — На случай, если доспех окажется заражён или повреждён. Бывает, конечно, и в других случаях полезно.

— Готова поверить, — сказала Бернис. — Ты тоже умеешь так быстро? Он же даже шаг не замедлил!

— Даже быстрее могла, — сказала Роз, — когда моложе была.

— А теперь уже нет?

— У меня не было особых причин проверять это, — сказала Роз. — В последнее время.

Бернис сделала вид, что рассматривает столешницу, надеясь, что Роз скажет ещё что-нибудь; может быть, сбросит часть тех доспехов, в которые она одела свою душу. Стол был сделан из такого же белого пластика, что и стулья, а сверху на нём было нечто, что Бернис восприняла как надписи. Они были немного похожи на арабский, как если по-арабски писали сверху вниз люминесцентно-оранжевыми закорючками.

Роз осмотрелась:

— А что тут нужно делать, чтобы налили?

— Попросить, — сказал стол.

Обе женщины очень медленно нагнулись и заглянули под стол. Там не было ничего, кроме овальной тени, тяжёлого основания и тонкой колонны, поддерживающей стол. Их взгляды ненадолго пересеклись. Роз приподняла бровь.

— Слушайте, — сказал стол, — вы будете заказывать или нет?

Бернис стукнулась головой об столешницу. Роз выругалась. Обе женщины медленно и с бесконечным безразличием выпрямились на своих стульях.

Бернис кашлянула.

— А кто спрашивает? — спросила она.

— Я спрашиваю, — ответил стол. Голос был беззаботный, разговорчивый и звучал абсолютно по-человечески. — Если не хотите пить, я могу предложить вам широкий ассортимент закусок, деликатесов...

— Вы разумный? — спросила Бернис.

Роз тайком пыталась найти решётку громкоговорителя.

— Конечно, я не разумный, — сказал стол. — Я же стол. У меня только две функции: принимать ваши заказы и за счёт своей твёрдой структуры поддерживать материальные объекты на удобной вам высоте. Зачем столу быть разумным?

Бернис задумалась над этим. И ей пришлось признать, что в этом есть логика.

— Я когда-то жила в квартире, в которой дверь так себя вела, — сказала Роз. — С ней случился несчастный случай, в котором фигурировали широко-лучевой дезинтегратор и эпоксидная смола.

— Мы закажем напитки, — быстро сказала Бернис.

— Хорошо, — сказал стол. — Что бы вы хотели выпить?

— А что у вас есть? — спросила Роз.

— Перед вами меню, — сказал стол.

Бернис опустила взгляд. Люминесцентная арабская вязь бежала к краям стола, а в его центре рождались новые строки. Бернис вздохнула.

— Мы не можем понять меню, — сказала она. — Вы не могли бы нам рассказать?

— Эй, — самоуверенным голосом сказал стол, — называйте что угодно, и будет сделано!

— В таком случае, — сказала Бернис, — я хочу большой сексуальный намёк с небольшим количеством патриотического духа; и добавьте туда гриб. Роз?

— Я буду то же самое, — сказала Роз, — но с зонтиком.

— Сейчас принесу, — сказал стол.

— И тем временем организуйте нам тень, — сказала Роз.

У них над головами раскрылось и стало непрозрачным силовое поле в виде зонтика.

— Ух ты, круто, — сказала Бернис.

Роз пожалала плечами, как будто там, откуда она родом, зонтики из силовых полей были обычным делом. Может, так оно и было? Во время последнего визита в тридцатый век Бернис была слишком сильно занята спасением своей жизни, чтобы обращать внимание на такие детали.

— Большой сексуальный намёк, — сказала Роз. — Что это за коктейль такой?

— Я его только что придумала, — сказала Бернис. — Бог знает, что мы получим.

А получили они два высоких стакана, пронёсшихся над дюнами на летающем подносе. Поднос мягко приземлился на стол. Напиток был мутноватый, ярко-оранжевый, с алыми прожилками. Как только поднос остановился, на стаканах начала конденсироваться влага. В одном из них торчал небольшой бумажный зонтик.

— Это, наверное, твой, — сказала Бернис и взяла другой стакан. Он приятно охлаждал ладонь. Сверху в нём плавало что-то серое; это был гриб.

Где-то в глубине суши был водопад, Доктор чувствовал его запах. Когда он сосредотачивался, он мог едва слышать низкий гул на юге. Большой, значит; больше, чем Гремучий Дым на Замбези, и достаточно большой, чтобы его брызги доходили до самого берега и создавали вокруг бухты субтропический микроклимат. Короткий пляж был ослепительно белый, с двух сторон его окружали скалистые мысы, а с третьей к нему примыкали лесистые холмы. Деревья были какие-то тропические: тонкие стволы с широкими

коронами узких изумрудных листьев. Яркие цветы обосновались у их корней и тянулись, как гирлянды, вдоль симбиотических лиан, соединявших деревья друг с другом. Место было уединённое и, судя по малому количеству тропинок, которые он пересёк по пути сюда, редко посещаемое. В общем, именно то, что Доктор и прописал.

Доктор стоял под деревьями у самого края леса, уверенный, что резкий контраст между тенью леса и ослепительным песком его скроет. Ну, почти уверенный.

Она стояла так неподвижно, что он увидел её не сразу. Она зашла в воду по бёдра, накатывающиеся волны плескались об её талию и ноги, правой рукой она неподвижно держала над головой копье. Какая-то бледная древесина, наверно бамбук, — предположил Доктор, — с заточенным на огне концом. Её левая рука была для равновесия заведена за спину, пальцы распрямлены, как у пианиста. До женщины было тридцать метров; сможет ли она метнуть своё оружие на такое расстояние? Наверное, нет, но стоит ли рисковать своей жизнью ради проверки её умений? Ему повезло — она стояла лицом к морю, хотя для рыб это вряд ли было везением. У неё на голове и на спине сверкали брызги. Копье даже не дрожало, оно замерло в идеальном равновесии, абсолютно неподвижно.

Он вспомнил, как она танцевала с солдатами на улице в Париже, напротив дома месье Тьери. Текучая игра мышц между костями и кожей. Мрачный вальс «Голубой Дунай», в хореографии для единственной примы и четырёх расходных танцовщиц.

«Труп-де-балет», — подумал Доктор.

Раздался шелест смещённого воздуха, и рядом с ним появился дрон аМ!хитса. Внешние поля машины были прижаты к его эллипсоидному телу, на них были зелёные и коричневые пятна — шуточный камуфляж для джунглей. Из передней части дрона проецировалась маленькая голограмма: две тёмные точки на оранжевом фоне, а под ними горизонтальная линия. Выражение человеческого лица, урезанное до абсолютной абстракции — иконка-смайлик аМ!хитсы.

— Доктор, — сказал аМ!хитса, — а Бог знает, что ты тут?

— Я сказал ему вчера вечером.

— Теперь ему будет о чём подумать.

Доктор кивнул на фигуру в воде:

— Как она?

— Сложно сказать, — ответил аМ!хитса. — Она ловит рыбу, потом ест её, иногда даже готовит её перед этим.

— Белковая диета. Она накапливает свои ресурсы.

— Она не только рыбу ест, — сказал дрон. — Фрукты, ягоды, листья. Иногда землю, примерно сто грамм в неделю.

— Приятно слышать, что у неё сбалансированная диета.

— Она построила себе хижину на другой стороне бухты, в трёх метрах от границы леса. Из высушенных на солнце глиняных кирпичей.

— Она инженер.

— Первую хижину размыло ливнем.

— В этом проблема глины как строительного материала.

— Поэтому она построила печь для обжига.

— Давно она уже здесь? — спросил Доктор.

— Тебе лучше знать.

— Ну, ты же знаешь, каково это, — сказал Доктор, — время и относительные размерности в пространстве. Можно сбиться со счёта.

— Три месяца, — сказал дрон.

Доктор снял шляпу, на мгновение взгляделся в её глубины, потом снова надел.

— Я полагаю, ты её сканировал?

— О да, — сказал аМ!хитса.

— И?

— Ты сказал, что это технология тридцать шестого уровня.

— Тридцать пятого с элементами тридцать шестого.

— Поразительно.

— Они изобретательная раса, — сказал Доктор, — особенно по части оружия.

— Хочешь посмотреть детали?

— Да, пожалуйста, — ответил Доктор.

За стволом дерева, чтобы не было видно с пляжа, аМ!хитса спроектировал голограмму. Она быстро наполнилась сложными трёхмерными формами, ветвистыми путаницами молекул, которые для удобства осмотра медленно вращались, графиками в фазовых пространствах с координатами время/событие. Голос дрона стал более учёным, профессиональным:

— Большинство неместных органических форм были расщеплены и выведены из её организма в течение первых тридцати шести часов. Я добыл несколько образцов из её фекалий и мочи, но в искусственной среде эта чёртова штука расти не хочет.

Голограмма отобразила типичные для инвазивной целлюлозы Корабля плоские и недифференцированные клетки. Даже в этом абстрактном представлении они были окрашены нездоровым зелёным цветом. От неприятных воспоминаний Доктор непроизвольно взялся правой рукой за левое плечо.

— А остаточный органический материал?

АМ!хитса показал сечение мозга.

— Он сконцентрирован в гипоталамусе, меньшие структуры есть в мозжечке и в затылочной доле. Я полагаю, что она могла ассимилировать инородный материал.

Доктор ничего не сказал, он вспомнил боль. Запах газонокосилки. Умиравший Корабль. Эйс, кричавшую от страха и боли. Все те сознания, уходившие в темноту. Горящий Париж. Человеческое тело в виде живого красного дерева с прожилками зелёного цвета.

— Мне особенно интересна природа изменений, внесённых в её исходный набор генов, — сказал аМ!хитса. — Обычно те, у кого проблемы с технологиями, при создании бойцов делают упор на мозжечковую миндалину, можно сказать, наращивают агрессию. В этом же случае главный центр модификаций вообще не в лимфатической системе. «Инстинкт убийцы» полностью в переднем мозге. Чертовски необычно и очень изощрённо. Ответную реакцию вызывает когнитивное восприятие опасности, а не эмоция, — дрон повернулся так, чтобы его передний массив сенсоров был направлен на фигуру в воде. — Она хладнокровный убийца.

— Она разговаривает?

АМ!хитса покачал телом из стороны в сторону, что на языке тела дронов означало «нет».

— Когда она бодрствует, она вообще не демонстрирует никакого *социального* поведения. Она произносит что-то во время сна, иногда целые предложения, но я не могу перевести этот язык. Хочешь послушать запись?

Доктор покачал головой, что на человеческом языке тела означало «нет».

Стоявшая в воде женщина до сих пор не шелохнулась. К этому времени даже самые умные рыбы перестали видеть в ней угрозу. Рыбьи мозги были убаюканы её знаменитой каменной неподвижностью.

— Есть нечто очень странное в её генетической структуре, — сказал аМ!хитса. — Я имею в виду, ещё более странное.

— Да.

— Бездействующие участки некоторых нитей ДНК, которые вроде бы должны работать. И другие участки, которые там словно лишь в качестве временных маркеров. Как будто там были куски головоломки, которых до сих пор нет.

— Да.

— Её цитоплазматическая ДНК демонстрирует многократную избыточность. Очень странная. Я не смог расшифровать, несмотря даже на помощь Бога.

— Ты не рассказал Богу, над чем работаешь?

— Нет, конечно, — сказал дрон. — Я сказал ему, что получил эти образцы от друзей из Группы Интересующихся Ксено-Контактами.

— Он тебе поверил?

— Бог очень умный. Думаю, он что-то подозревает. Теперь, когда он знает о твоём присутствии, он возьмёт весь этот район под очень внимательное наблюдение.

— Сегодня утром возле иСанти Джени была очень высокая активность дронов.

— Коды в её цитоплазме, — сказал дрон, — это информация, зашифрованная её разработчиками?

— Нет, — сказал Доктор с большей силой, чем хотел. Он надеялся не обсуждать эту тему с аМ!хитса. — Это из другой, гораздо более древней наследственности.

Пора было сменить тему.

— Я хотел бы поблагодарить тебя за то, что ты присмотрел за ней. Надеюсь, это не доставило тебе неудобства.

— Вовсе нет, — сказал аМ!хитса. — Она замечательная компания, хотя и не очень хороший собеседник.

— Я рад это слышать, — соврал Доктор. Он начинал сожалеть, что не нашёл другого охранника, у которого (и это было просто смешно) было бы меньше «человеческих» качеств.

— Ужасно утомляет называть её безличным местоимением, — сказал аМ!хитса. — Может быть, скажешь мне, как её зовут?

— Тебе лучше не знать, — сказал Доктор.

Лучше тебе думать о ней как о вещи, как об эксперименте, о чём-то опасном, что нужно изучить, а потом, если оно окажется слишком опасным, обезвредить. Нейтрализовать. Прикончить.

Убить.

В воде мелькнуло какое-то движение. Копьё поднялось вверх. На его острие дёргалось пробитое сверкающее существо. АМ!хитса и Доктор молча наблюдали за смертью рыбы.

Бернис пошла в иСанти Джени одна. Роз снова заснула. Чем бы ни была эта оранжевая с красным жидкость в бокалах, Бернис была рада, что не выпила её до дна. Бог знает, что было в тех грибах.

Эта мысль заставила её улыбнуться. *Здесь* Бог определённо знал. Если бы она попросила, он смог бы дать ей полный биохимический анализ.

Она строго-настрого велела столу держать старшую подругу в тени, взяла свои туфли и пошла по пляжу. Солнце светило всё ярче, но ветер с моря нёс прохладу.

Через мыс шла тропинка. Ничего обустроенного, просто путь наименьшего сопротивления между разбросанными камнями и участки, где песок был немного расчищен проходившими здесь ногами. Это если предположить, что у местных жителей есть ноги, что они не брюхоногие или ещё что-нибудь такое же странное. Не то чтобы это беспокоило Бернис; нет ничего плохого в том, чтобы ходить на своём животе, некоторые из её лучших друзей были брюхоногими. В целом, это были довольно приятные люди.

При условии, что они тебе на голову не сядились.

Мыс, на который она поднималась, был уже, чем казался со стороны, его другой берег был довольно близко. Поэтому Бернис не видела город, пока не поднялась на самый верх.

Город был построен вокруг «естественной» гавани, окружённой галечным пляжем, стеной и набережной. На пляже лежали даже разнообразные плавсредства, в основном компактные тримараны и один большой буксир с деревянными боками. Буксир был однокорпусный, он так сильно накренился, что казалось, что в любой момент он может завалиться. На пляже был мужчина, он разрисовывал всю идущую вдоль пляжа стену. Судя по приглушённой охре и по бледному оранжевому, это было что-то унылое. Поднявшись на плоскую верхнюю часть пирса и подойдя поближе, Бернис поняла, что мужчина скорее восстанавливает предыдущую картину, чем рисует новую. Некоторые части изображения были повреждены, как будто кто-то стёр со стены краску проволочной щёткой.

И Санти Джени сверкал под чистым синим небом. Здания казались построенными из грубо отёсанного камня и были покрашены в белый цвет с голубой или пурпурной отделкой. С мыса казалось, что дома расползлись по склонам стоящих полукругом холмов, образовывавших амфитеатр вокруг гавани. Здания друг от друга почти не отделялись, одно строение с плоской крышей плавно переходило в другое, и поначалу Бернис подумала, что вместо улиц в городе коридоры. Но, дойдя до набережной, она увидела, что оттуда через неравные интервалы отходят многочисленные узкие переулки. У зданий, выходивших на набережную, были открытые проходы размером с витрины магазинов, а над ними выцветшие на солнце навесы. Бернис заглянула в ближайший проход. Когда её глаза адаптировались к темноте интерьера, она увидела столы и стулья, как в ресторане, но не увидела

людей. Через несколько секунд от одного из задних столов к ней подлетел поднос, похожий на тот, который обслуживал их в пляжном баре. Он завис в двух метрах перед ней. Ему удавалось производить впечатление вежливого ожидания, что было непросто для того, кто был, по сути, плоским куском металла.

Бернис шагнула назад, на ярко освещённую набережную, ей не хотелось снова провести время в компании машин. Она осмотрелась в поиске других признаков жизни. Все окна, которые она могла разглядеть, были прикрыты дощатыми жалюзи. Дувший с моря ветер трепал навесы, отчего они хлопали, как знамёна.

Её внимание привлёк неожиданный звук — ни с чем не сравнимый треск небольшого объекта, преодолевающего звуковой барьер. Солнечный свет блеснул на чём-то, что несло над морем на высоте двести метров. Над головой раздалось ещё два удара. В этот раз Бернис смогла рассмотреть объекты. Об их размере судить было тяжело, но она подумала, что они длиной около двух метров, слишком маленькие, чтобы быть пилотируемыми, овальной формы, а летели они параллельно курсу предыдущего объекта. Они ей напомнили торпеды класса космос-планета, используемые находящимися на орбите кораблями во время осады планет. Она вздрогнула, увидев, что оба объекта начали носиться над морем зигзагами. Бернис узнала в этом движении прочёсывание района. В считанные секунды они пропали из виду, затерявшись в туманной дымке над океаном.

Когда она шла по одной из узких улочек, она уловила аромат пекущегося хлеба. Быть может, она шла на него с

самого начала, неосознанно, выбрав из всех улочек конкретно эту из-за подспудного влияния запаха. Улица петляла между побеленными зданиями, дорога была вымощена неровными кусками гладкого белого камня. По обеим сторонам в случайном порядке были закрытые двери, некоторые из них были ниже уровня улицы, а к другим нужно было подниматься по идущим вдоль стен каменным лестницам. Иногда двери не было, а ступеньки были, как будто кто-то построил лестницу, а затем забыл, зачем она нужна. Была даже одна дверь на четвёртом этаже, к которой не вела лестница.

Разумеется, как только Бернис решила идти на запах, это стало намного труднее. Она останавливалась на перекрёстках, глупо принохиваясь, чтобы решить, куда идти дальше. Сбившись пару раз с пути, она хотела уже отказаться от этой идеи, как вдруг наткнулась на источник запаха. Эта улица была в конце городка, она круто поднималась на холм. По одну её сторону из-за высокой стены едва выглядывали верхушки деревьев, а по другую сторону были террасы, поднимавшиеся ступенями параллельно улице. На одном из окон первого этажа ставни были распахнуты. Изнутри доносились звуки неритмичных ударов. Когда Бернис стала напротив открытого окна, запах пекущегося хлеба стал настолько сильным, что у неё потекли слюнки. Она заглянула вовнутрь.

Женщина нагнулась над столом и месила тесто. Она была стройная, с узкими плечами, её кожа имела желтоватый оттенок древней слоновой кости. Её короткие волосы были странного серебристо-голубого оттенка, а на бесформенной

блузе был V-образный вырез на спине, по форме контура волос, конусом заканчивавшегося у неё между лопаток. Бернис наблюдала, как она длинными изящными пальцами лепит тесто, и отметила, что локтевые и плечевые суставы двигаются немного не по-человечески.

Вымесив тесто до желаемой консистенции, женщина придала ему продолговатую овальную форму и подбросила в воздух. Невидимая сила поймала тесто в метре над её головой, и тесто поплыло под потолком, окружённое оболочкой горячего воздуха. Бернис поняла, что предметы, которые она приняла за светильники, на самом деле были хлебами на разной стадии выпечки, раскачивавшимися под потолком в отдельных сферах горячего, как в духовке, воздуха.

Оторвав взгляд от хлебов, Бернис с лёгким шоком обнаружила, что женщина смотрит на неё.

— Здравствуйте, — сказала женщина.

— Здравствуйте, — сказала Бернис.

У женщины были огромные карие глаза, как у персонажа японских комиксов. В них не было видно угрозы, только любопытство, но Бернис знала, как легко можно ошибиться, приписывая инопланетным лицам человеческие эмоции.

— Я шла на запах хлеба, — неловко сказала она.

Женщина улыбнулась, блеснув ровными белыми зубами всеядного существа.

— Поле для выпекания должно частично пропускать газ, — объяснила она. — Иначе тесто не подымится, как следует.

— Да, это бы всё испортило, — сказала Бернис.

— Меня зовут саРа!qава, — сказала женщина. — Не хотите позавтракать?

Она сказала, что её зовут Деп; глаза у неё были изумрудного цвета.

Она стояла в двух метрах от Криса и смотрела на него, склонив голову набок и уперев руку в бедро. Она была как минимум такого же роста, как и он, тонкая талия, длинные руки и ноги. Её зелёные глаза были необычайно круглые и немного великоватые, носик маленький и приплюснутый. На подвижных губах была улыбка. Похожие на верёвки пряди волос спускались каскадом по её спине почти до колен. Кожа у неё была цвета пыльного янтаря, и она была абсолютно голая, не считая трусиков-бикини. На левом бедре на тесёмке была серебристая брошь.

— Ты ведь варвар, — сказала Деп, — не так ли?

Крис не знал, как на это ответить.

Деп сделала два шага в его сторону. Её волосы при этом заплелись в косу, которая обернулась вокруг её пояса. Крис непроизвольно шагнул назад.

— В чём дело? — спросила Деп.

— Хм. Ни в чём, — торопливо ответил Крис, слегка вздрогнув от того, что коса отпустила талию Деп и обернулась вокруг её левой ноги. Он обратил внимание, что кончик косы старался не задеть воду.

— Я подойду ближе, — сказала Деп. — Не бойся, я ничего плохого тебе не сделаю.

Крис осмотрел пляж и бар. Он с трудом разглядел заснувшую на стуле Роз; Бернис нигде не было. Деп медленно шагнула к нему. Что-то погладило заднюю часть его бедра... её волосы. Она была так близко, что он видел капельки пота,

выступившего на её лбу. Её подозрительно подвижная коса по-приятельски легла ему на плечи.

— Итак, — сказала она. — Как тебя зовут?

Крис поразительно долго не мог это вспомнить.

Бернис наблюдала, как один из малышей попытался сбежать. Хитро притворившись, что он бесцельно бродит по гостиной, мальчик удалился от старших детей. Затем он оглянулся, убедился, что дети так поглощены голографической игрой, что о нём забыли, и бросился к кухне. Топая сильными ножками, он направился прямо к каменным ступеням, которые вели из гостиной на кухню.

Он упадёт и поранится, — подумала Бернис. Она раскрыла рот, чтобы предупредить саРа!qаву, сидевшую к гостиной спиной. Не успела она ничего сказать, как мальчик наткнулся на вершине лестницы на невидимый барьер и резко сел. На лице малыша появилось выражение сильной сосредоточенности: *Мне больно? Мне заплакать? Может, просто встать? Если я заплачу, кто-нибудь ко мне подойдёт?* Мальчик решил привлечь к себе внимание и раскрыл рот, набирая полные лёгкие воздуха. К этому времени саРа!qава заметила, что Бернис на что-то отвлеклась, и развернулась, чтобы посмотреть. Мальчик впечатляюще заревел.

Один из детей постарше, мальчик лет восьми или девяти, подошёл к нему и привычным движением взял его на руки. Интересно, — подумала Бернис. Она бы не удивилась, если бы ребёнком занялся один из домашних дронов. На самом деле они не совсем зависимы от машин. Если она правильно

запомнила, мальчик постарше был племянником саРа!qавы, а малыш — её внуком. Запомнить это было непросто, потому что все дети обращались к саРа!qаве «мама», даже те, которые приходили от соседей.

Это было похоже на супер-расширенные семьи, интегрированные и горизонтально, и вертикально. Вот только в учебниках говорилось, что такая форма организации общества была исключительно доиндустриальной. Считалось, что более быстрые средства связи разбивают семью на маленькие части. Впрочем, об обществах, которые способны строить не разваливающиеся сферы Дайсона, эти учебники тоже не рассказывали. Надо не забыть сделать записи; на этом материале можно написать бестселлер.

— Бенни? — позвала её саРа!qава.

— Прости, — сказала Бернис. — Я задумалась. Кажется, я нашла в рынке свободную нишу.

— Ах, да, — сказала саРа!qава. — Рынки. Нам о них в школе рассказывали. Третий по неэффективности метод распределения ресурсов.

Роз очень долго смотрела на воду, прежде чем сняла с себя доспех. На таком расстоянии она уже не слышала резвящихся детишек. Смех Криса преследовал её особенно долго, дольше, чем смех девушки. После того, как она проснулась и увидела их в воде, ей нужно было подойти и представиться. Просто подойти и... И что дальше?

Вместо этого она незаметно ушла из пляжного бара и шла по песку до тех пор, пока не перестала их слышать. В этом месте море вклинилось в большие дюны небольшим заливом,

скрытым от основной части пляжа и от тропинки, ведущей от моря. Прибой разбивался о песчаную косу, и вода в заливчике была чистая и почти спокойная.

Прежде чем снять свой плащ, Роз осмотрелась по сторонам, убедившись, что рядом никого нет. Она сложила огнеупорную ткань пополам и расстелила её на песке. Затем потянулась к плечам и расстегнула защёлки. Левая открываться не хотела. Отработанным за двадцать лет движением Роз сильно ударила по ней, и та расстегнулась. Кираса раскрылась по боковому шву, открыв доступ к защёлкам, удерживавшим наплечники. Кираса и наплечники снимались как единое целое. Роз засунула руку в кирасу и отключила блок питания, а потом аккуратно выложила доспех на сложенный плащ. На кирасе было пятно в том месте, куда угодил выстрел пятидесятимегаваттного китрианского лазера, где оружейники Судей потом наложили заплату. Роз лениво почесала это место на себе, кусочек кожи под левой грудью, в котором в жаркую погоду всегда был зуд. По словам врачей, зуд был чисто психосоматический, все нервные окончания отросли как новые. Все проблемы только в голове.

Она знала, что это не так; тело помнило всё.

Со снятой верхней частью доспеха было уже сравнительно просто снять латную юбку, набедренники и наколенники. Она сложила их аккуратно рядом с кирасой, убедившись, что пряжки, ремни и кнопки убраны в специальные углубления. Затем распечатала уплотнённую рубашку и сняла её с себя через ноги. Сложив рубашку, как полагалось, Роз положила её на кирасу. Она неловко потянулась рукой за спину, расстегнула свой удобный

гортексный лифчик и сняла с плеч бретельки. Это был подарок от поклонника, менеджера филиала «Drop Dead Gorgeous» на Пятой улице Верхнего Города. Он два месяца одаривал Роз бельём, пока она не пришла к нему в бутик и не пригрозила арестовать его за попытку подкупа. Большинство из этих подарков она не надевала, эти лёгкие изделия из шёлка и марсианских кружев лежали на дне гардероба. Правда, там был купальник из чувствительной к коже микропоры, который сейчас пригодился бы. Она подумала, не оставить ли на себе трусы, но передумала и сняла их, чтобы потом не пришлось их сушить.

Голая, Роз подошла к заливу. Она осторожно попробовала воду пальцами ноги; вода была холоднее, чем она думала.

Когда-то Роз читала о таком ритуале. Судья должен был снять с себя доспех и омыться в бассейне с холодной водой. После этого один из Нетронутых одевал судью в облачение из белой овчины. Смысл этого ритуала был в том, чтобы смыть грязь грехов, связанных с убийством по долгу службы. Этот обычай был отменён как минимум за пятьдесят лет до того, как Роз начала служить. Теперь вместо этого судей раз в семь дней окропляли святой водой, обычно это было во время утреннего инструктажа. Роз это казалось логичным; если бы ей пришлось проделывать омовение каждый раз, когда кто-то погибал, у неё бы полжизни проходило в попытках отмыться от этой крови. Им бы пришлось посменно этим заниматься. Кроме того, у неё было сильное подозрение, что овчина вызывала ужасный зуд.

Роз зашла в воду по бёдра и окунулась с головой. Быстро встав, она стряхнула воду с волос. Горячее солнце быстро

сушило её кожу. Роз увидела своё отражение. Вторую Розлин Форрестер, укороченную и извивающуюся в такт волнам на воде. Она протянула вперёд руки и осмотрела их. Она очень давно себя не осматривала. Какие тонкие у неё пальцы, длинные и изящные. Жаль, что ногти неровные, остриженные наспех. Выше запястий кожа была бледная, она давно уже не бывала на солнце. По левому предплечью по диагонали шла тёмная линия шрама — рана, нанесённая виброножом. Она дотронулась до своего плеча и прощупала ключицу, пока не нашла маленький бугорок в том месте, где сросся перелом. Она обвела руками свои груди, по мнению мамы слишком маленькие, а потом живот. Нащупала пальцами мышцы и едва различимую линию, оставшуюся от попытки какого-то безымянного пучеглазого монстра выпустить ей кишки.

Побывала на войнах, мама. Заработала шрамы.

Тощая, — подумала она, щупая острые тазовые кости. Мама всегда говорила, что я слишком тощая. Сравнивала меня с каким-то идеализированным образом идеальной девушки кхоса, у которой фигура состояла исключительно из изгибов, которая грациозно шла по велду⁶, на месте которого уже давно были Нижний Город и городской упадок. Ты так страдала, что я не такая. Эта гадкая костлявая девчонка со слишком длинными ногами и курчавыми волосами. Тебе, наверное, было больно осознавать, что я вышла из твоей

⁶ Велд (от нидерл. veld — «поле») — обширные засушливые плато в Южной Африке, главным образом в ЮАР, расположенные в междуречье рек Лимпопо и Вааль и в верхнем течении реки Оранжевая.

матки, почти так же больно, как и во время преждевременных родов посреди пустыни. Там, где была доступна лишь базовая медицина, а скорая опоздала на двадцать минут.

Я искалечила тебя, приходя в этот мир, и ты мне никогда этого не простила. Искалечила тебя так, что восстановительная хирургия была бессильна. Ты, со своей глупой одержимостью прошлым, со своим эмулятором солнечного света, с посещениями клиники два раза в год ради более тёмной кожи. Ты бы и меня в эту клинику отдала сразу после рождения, изменила бы мою ДНК в соответствии со своей эстетикой, если бы бабушка и отец тебя не остановили. Ты смотрела на меня и видела что-то не то, но когда я смотрела в зеркало, я видела только себя. А ты ещё удивлялась, почему я сбежала искать правду.

Правду, справедливость, и терранский образ жизни.

Теперь, когда до меня дошла правда, ты, наверное, смеёшься с меня.

А самое глупое в этом то, что унаследовать я тоже хотела. Хотела висевшие на стенах крашеные охрой плащи, древние разноцветные бусы, ожерелье из коровьего волоса, охранявшее от злых духов. Я мечтала о том, чтобы стать достойной дочерью Кхоса, Злого Мужчины. Я нашла такое, мама, о чём ты даже не мечтала, истории о Номгкозе, Манделе и Мбете. О людях, которые боролись за то же, за что, как мне казалось, боролась и я.

Мне нужно было продолжать идти вперёд, мама; если бы я взглянула назад, то увидела бы цепочку маленьких компромиссов и моральных падений, которые тянут меня своим весом вниз. Мне нужно было продолжать думать о том,

что я что-то изменяю, хотя бы немного. Что там, где прошла я, всё становилось если не хорошо, то хотя бы не так плохо, как было раньше.

Мне нужно было остаться с тобой на Ио, мама. Унаследовать баронский титул. Тогда я смогла бы организовать в честь этого события большой приём, пригласить всех твоих друзей-аристократов, глав больших корпораций и всю верхушку Верхнего Города. Им бы пришлось прийти, проявить уважение новой баронессе Ио. Я смогла бы отравить их всех, добавить в пунш какую-нибудь биологическую гадость, кошмарный рекомбинирующий коктейль, который бы разъел их плоть так, что она бы опадала с их костей и ляпалась на густой ворс ковра.

Это бы очистило мир сильнее, чем всё то, что я сделала за двадцать пять лет службы на улицах.

На неё кто-то смотрел.

Роз резко обернулась, вода оказала такое сопротивление её бёдрам, что она чуть не упала.

Доктор стоял на дюнах спиной к ней, рядом с тем местом, где она сложила доспехи. Его поза была настолько театрально куртуазной, что хоть табличку на спину вешай: «джентльмен соблюдает приличия в присутствии дамы».

— Molo ntombazana, — сказал Доктор.

— Molo mhlekazi, — ответила Роз, удивляясь, что смогла вспомнить правильный ответ на кхоса.

— Так формально? — спросил Доктор. — Разве мы не друзья?

Роз вышла на берег и начала одеваться.

— Единственное другое слово, которое пришло мне в голову — utat'omkhulu.

— Дедушка, — засмеялся Доктор. — Давно меня так не называли.

— А меня уже лет двадцать не называли девушкой, — рубашка липла к её мокрой коже. — А на кхоса я не говорила с тех пор, как ушла из дому.

— Это непривычно?

— Очень, — сказала Роз. — Можешь уже повернуться; я уже не голая.

Она толкнула ногой кучу доспехов. Их ношение внезапно показалось детской затеей.

— Оставь их, — сказал Доктор. — Никто их не заберёт.

— А если прилив начнётся?

Доктор каблуком туфли нацарапал на песке узор, пару угловатых символов вроде тех, что были на столе пляжного бара, и стрелку, указывающую на доспех.

— Бог заметит это и пришлёт дрона, чтобы тот отнёс твои вещи в виллу, — он предложил ей руку. — Sahamba, — сказал он; идём.

Роз отвернулась от доспеха и взяла Доктора под руку. Они пошли по пляжу обратно.

— Wafunda isiXhosa ngapi?

— Я сидел в тюрьме, и один из заключённых научил меня говорить на нём, — сказал Доктор. — А ещё он учил меня терпению. И тому, что иногда отсутствие власти — тоже своего рода власть.

— Kwenzikani?

— Он оставался в тюрьме до тех пор, пока те, кто его в неё посадили, не сломались и не начали договариваться с ним. Он сказал, что не выйдет из тюрьмы, пока они не согласятся на его требования.

— Он победил?

— И да, и нет, — сказал Доктор. — Он получил то, чего добивался, но цена была высока. Его не было на свадьбах его детей и на похоронах его матери. Во всех правах, привилегиях и обязанностях мужчины ему было отказано. Он оказался чужим в абсолютно новом мире.

— Стоило ли оно того?

— Он считал, что да, — сказал Доктор. — По крайней мере, он думал, что это необходимо. Кто-то должен был принести эту жертву, хотя бы ради детей.

— Боже, Доктор, — сказала Роз, — иногда ты такой классный собеседник.

— И сегодня для этого такой хороший день, — сказал Доктор. — Urphi uKhrisi leBeni?

— Когда я проснулась, Бенни не было, — сказала Роз. — Крис игрался в море. Нашёл себе подружку.

— О да, — сказал Доктор. — Intombazana наверно? Красивая?

— Насколько я смогла рассмотреть.

Доктор засмеялся; это был приятный, невинный смех.

— Эх, молодость, молодость.

— Режь, — сказала саРа!qава.

Один из плававших в воздухе хлебов тут же взорвался, и посыпались аккуратно нарезанные ломти. Роз при этом

вздрагнула, Доктор наблюдал с любопытством, а Бернис продолжала разговаривать с саРа!qавой. Взрывающийся хлеб она уже видела во время завтрака. Железный поднос для хлеба слетел с полки и на лету перехватил падавшие ломти.

Крис был этажом выше, играл со старшими детьми и молодой женщиной по имени Деп, оказавшейся дочерью саРа!qавы. Причём биологической дочерью, а не просто близкой родственницей или какой-то незнакомкой, однажды зашедшей в дом и оставшейся тут жить. Если не считать того, что Деп была абсолютно другого цвета, имела независимо движущиеся волосы, и явно другое устройство локтевых суставов, сразу было видно, что они родственницы; что-то общее в форме носа и рта.

На кухонный стол мягко приземлился поднос с хлебом; за ним прилетел эскадрон тарелок и небольшая флотилия столовых приборов. Куски свежее испечённого хлеба ровно выстроились, от них поднимался пар. На трёх коротких ножках приковыляла маслénка, она устроилась рядом с хлебом.

Доктор толкнул Бернис локтём:

— Диснею это бы понравилось.

— Главное, чтобы посуда не начала петь, — сказала Бернис. Она посмотрела на саРа!qаву. — Я так понимаю, это Дом всё двигает?

— Мистер Маслénка — это старая игрушка Деп, — сказала саРа!qава, — а всё остальное делает Дом. Но он не очень умный.

— Достаточно умный, чтобы правильно накрыть на стол.

— Ну конечно, — сказала саРа!qава. — Иначе зачем бы он был нужен?

— Но не разумный? — спросила Бернис.

По какой-то причине это рассмешило саРа!qаву.

— Ну что за глупости! Ну кто захочет, чтобы домашними работами занималась разумная машина?

— А почему нет?

— Потому что разумной машине это бы наскучило, — сказал Доктор.

— Вот именно, — сказала саРа!qава. — Это было бы несправедливо.

Роз фыркнула и потянулась за ломтём хлеба. Мистер Маслёнка поковылял к ней и приоткрыл крышку. Роз какое-то мгновение сердито на него смотрела, а потом ловкими движениями ножа начала размазывать масло по хлебу. Закончив, она протянула хлеб Доктору.

— Enkosi, Rozi, — сказал Доктор. — Спасибо, Роз.

Бернис моргнула. В этих простых действиях между Доктором и Роз промелькнуло что-то общее и личное. Бернис не была уверена, какие чувства это у неё вызвало.

СаРа!qава задавала ей умные вопросы об археологии; её, похоже, удивляла мысль о том, что кто-то что-то реально откапывает.

— Разве это не нарушает расположение артефактов? — спросила она.

Когда Бернис объяснила, что копание было единственным надёжным способом узнать о том, что находится под землёй, саРа!qава засмеялась. Бернис, чья профессиональная гордость была задета, привела список

альтернативных, неинвазивных методов — измерение сопротивления, подземная радиолокация, построение изображений на основе гравито-магнитного резонанса — но саРа!qаве стало ещё смешнее.

Маленькая грудная девочка проплывала у неё над головой, подвешенная в силовом поле. СаРа!qава взяла ребёнка с воздуха и посадила себе на колени. Из гостиной донёсся триумфальный крик. Деп вышла к ним и сообщила, что Крис оказался асом в игре Стармастер; где он так летать научился? Роз объяснила, что он прошёл подготовку пилота. На Деп это произвело впечатление. СаРа!qава встала, чтобы отнести детям еды. Ребёнка она вручила Роз, и та взяла его с таким видом, словно боялась, что дитё вот-вот взорвётся. Роз попыталась передать его Доктору, но тот быстро убрал руки.

— Ох, давай сюда, — сказала Бернис, освобождая Роз от её маленькой обузы. — Это твой? — спросила она у саРа!qавы.

— А он кричит? — спросила саРа!qава.

Воздушный конвой из подносов покинул свою стойку и полетел в гостиную. Когда Бернис ответила «нет», саРа!qава сказала, что в таком случае это, наверное, дочь кого-то из соседей. Бернис посмотрела на малышку, которую держала на руках; на неё смотрели большие фиолетовые глаза.

— А как её зовут?

— Она слишком маленькая, чтобы иметь имя, — сказала саРа!qава.

— О, — сказала Бернис. — А в каком возрасте можно иметь имя?

— В таком, чтобы быть в состоянии придумать себе его.

Малышка схватила Бернис за палец и потянула его.

— А как же машины, они тоже выбирают свои имена?

— Конечно.

— Вы же, я так понимаю, не пользуетесь органическими ком...

Раздался грохот: Доктор столкнул со стола чашку. Он отчаянно попытался её поймать на лету, но ему удалось лишь ударом направить её вверх, где она столкнулась с одним из хлебов. Хлеб завертелся и столкнулся с другим хлебом, который отскочил от стены и спикировал на стол.

Дому понадобилось около двух секунд на то, чтобы восстановить контроль. Во время этой неразберихи Доктор пересёкся взглядом с Бенни и нахмурился.

— Скажи, — спросила Бернис, — а где тут девушке можно хорошо провести время?

— Ну, приходите ко мне на вечеринку, — сказала саРа!qава.

— А что за вечеринка?

— Маскарад, — на секунду задумавшись, сказала саРа!qава.

— А какая тема костюмов?

— Да любая. Лишь бы историческая.

— О, хорошо, — сказал Доктор. — Моя любимая.

Гипер-людия

Для незащищённого человеческого существа космос — враждебная среда. Шагните за пределы шлюза, и это билет в один конец в сушильную камеру: влага глазных яблок испаряется, а капилляры лопаются, как петарды. И если этого вам мало, то космос полон ещё и жёсткого излучения, извергаемого важными неуправляемыми термоядерными реакторами, которые нам известны под названием «звёзды». Задержитесь возле одной из таких малышек, и от вас очень скоро не останется ничего, кроме хрустящих шкварок. Короче говоря, космос — не то место, где вам хотелось бы жить, его даже посещать довольно сложно.

Поэтому люди создали корабли, в которых можно путешествовать, а поскольку эти люди были *люди*, они позаботились о том, чтобы их корабли тоже были людьми. Эти люди во время своих путешествий встретили других людей, и эти другие люди оказались клёвыми, поэтому были разработаны некие общие базовые правила, после чего они отправились путешествовать все вместе: люди, другие люди и корабли, которые были тоже люди. Остальное, как говорится, история. Во всяком случае, это та история, которая оказалась записанной.

Эти корабли были большими; их разрабатывали люди, которых разработали люди, которые любили большие технологии. У них были мозги с такой же средней плотностью, как у пульсаров. Назвать их компьютерами —

всё равно что назвать Эйнштейна ленточным червём или куском сыра фета. Их корпуса были созданы из переплетённых слоёв силовых полей, а перемещали их двигатели, которые творили с тканью пространственно-временного континуума ужасные вещи. У этих крошек гоночные полосы были даже на сидениях унитазов, и они считали, что сверхсветовые двигатели — для слабаков. Когда они летели, материальная ткань вселенной предусмотрительно уступала им дорогу.

В их полных именах было множество щелчков, взрывных и придыхательных согласных, в них была тихая уверенность в себе, которая приходит с умением обрезать розовый куст с расстояния в двадцать световых лет.

Тридцать лет назад Люди участвовали в войне, во время которой они совершали вещи, которые обычно совершаются во время войн; впрочем, будучи Людьюми, они всегда извинялись за это. Используя небольшую долю доступных им ресурсов, они полностью восстановили двадцать шесть пострадавших во время войны цивилизаций с низким уровнем технологий, но тем пятнадцати планетам, трём кольцам и пятнадцати обитаемым астероидам, от которых ничего не осталось, они помочь уже не могли.

Как и двадцати шести миллиардам убитых, большинство из которых, как это принято говорить, были «сопутствующими потерями». Враг — раса насекомоподобных религиозных фанатиков — в результате своего поражения подвергся полной теологической трансформации. Они решили, что Великий Вселенский Улей-Мозг этой войной показал, что вселенная достаточно велика

для того, чтобы вмещать в себе огромное множество культур и вер. Большие части населения восприняли этот невнятный либеральный плюрализм со скоростью, напугавшей Общепринятую Церковь. Но мега-умные разумы, управлявшие космическими кораблями Людей и координировавшие активность Группы Интересующихся Ксенокультурными Отношениями (Нормализацией), заранее предсказали такую реакцию и предприняли меры включения врагов в состав Людей.

Они знали то, что, похоже, ускользнуло от внимания Верховных жрецов Великого Улья-Мозга Вселенной. А именно то, что Бог был на их стороне.

В результате всего этого на момент прибытия Доктора в Сферу большинство кораблей, стоявших на приколе у её огромных доков, были боевыми; по терминологии людей они назывались ОАКи (Очень Агрессивные Корабли). Некоторые из более агрессивных ОАКов законсервировались до той поры, когда они вновь понадобятся, а другие либо перешли в другой класс кораблей, либо были переоборудованы для гражданского применения.

В тот день, когда Бернис познакомилась с саРа!qавой, было четыре бывших ОАКа, четыре КОНа (корабля общего назначения), два ОДБ (Очень Дально-Бойных) дрона и шестикилометровая часть ПКЖ (Подвижного Космического Жилища), которая сильно поссорилось со средней и задней частями себя и отвалилось, чтобы подуться наедине.

Если бы вы очень внимательно прислушались к электромагнитному спектру и были способны к

пикосекундным скоростям обработки данных, вы смогли бы услышать разговоры кораблей.

В основном это были слухи: кто где был, что и с кем сделал. У КОНов было пополнение экипажа (хотя более подходящим было бы слово «население»), по шестьдесят тысяч у каждого, поэтому тем для сплетен у них хватало. Один из ОДБ, А-Лаин, жаловался на то, что его попросили проинспектировать одну из небольших туманностей. !С-Мэл (отсоединившаяся часть ПКЖ) был недоволен тем, что Бог не соглашался создать ему новую заднюю часть. Два ОАКа — С-Львица и !ХПресс — анализировали одно из интересных сражений войны.

Среди этой обычной болтовни в меж-корабельных каналах можно было уловить и беспокойство. Несмотря на то, что внедрение активных зондов во внутреннюю часть Сферы считалось дурным тоном, все корабли знали о том, что беспрецедентное количество Бога сосредоточилось на единственной задаче. Учитывая безграничные запасы умственных ресурсов Бога, это их немного тревожило.

Передняя секция ПКЖ !С-Мэл, которая в это время входила в Группу Интересующихся Межличностной Динамикой, убедила двоих членов своего экипажа отправиться в Сферу и разузнать, что там происходит. Третий ОАК, Т Ди!х, воспользовался своими сверхсветовыми средствами связи для того, чтобы связаться с друзьями и посоветоваться. Это запустило цепную реакцию: другие корабли позвонили своим друзьям, и так до тех пор, пока всё больший объём космоса не был пересечён сверхсветовыми

сеансами связи, и все они пытались строить вероятностные оценки на основании фактически отсутствующих данных.

Хуже того — Бог не отвечал на их звонки.

3. Развлечения на вечеринке

*Опускается ночь, начинается веселье
Я не хочу обсуждать философию, крошка,
я хочу увидеть твои гребешки.*

«Пляж Рептилий» в исполнении Третьего Глаза.
Из альбома «Прочь с дороги, обезьянчик»,
2327 год.

Опускается ночь.

По внутренности Мира-Сферы продвигается темнота: Бог изменяет прозрачность силового поля, окружающего солнце. Линия деления дня и ночи неровная, некоторые батальоны вечера ещё не сдались армии ночи. В шести километрах по берегу от иСанти Джени, в маленькой бухте, на которую дул ветер со стороны огромного водопада, стемнело раньше. Богу нравится обеспечивать этот микроклимат соответствующим ему коротким тропическим днём.

Дрон наблюдал за женщиной весь день, как и предыдущие три месяца. Этим днём она жарила рыбу, нанизывая её на прямые зелёные ветви и раскладывая над костром, разведённым рядом с её хижинкой. Во время коротких моделированных сумерек она ела свой улов, плавными экономными движениями отделяя белыми зубами мясо от костей. Точность сенсоров дрона позволяла ему

определить точное количество съеденного ею белка. Дрон с микронной точностью записывал все её действия с самого первого дня.

Сейчас ночь, и в воде видно размытое отражение света Почему-бы-нета. Громкость звуков тропического леса меняется по мере того, как среди насекомых и млекопитающих просыпается ночная смена.

Дрон скользит над бухтой в абсолютной тишине, маленькое овальное пятно черноты на фоне неровных теней леса. Он подлетает ко входу в хижину и на мгновение зависает на месте, чтобы убедиться, что женщина спит. Убедившись, дрон влетает в хижину и занимает своё привычное место под крышей.

У дрона есть способность наблюдать за этой женщиной даже с противоположной стороны Сферы, но он находит физическую близость приятной, даже успокаивающей. Он понимает, что его поведение не вполне рационально, но рациональность никогда не была его главным приоритетом.

Позже этой ночью женщина прокричит во сне три слова. Первые три слова, которые дрон смог понять. Они прозвучат через пять часов и двадцать шесть минут после засыпания, в пике третьей фазы быстрого сна. Дрон регистрирует уровень нейрологической активности, значительно превышающий наблюдаемый во время её бодрствования. Дрон проанализирует признаки стресса в её словах и запустит сложные акустические и лингвистические алгоритмы. Он обнаружит, что эти признаки синонимичны единственной затмевающей всё эмоции, но не сможет понять, какой именно.

Дрона разочарует то, что реальный смысл этих слов ему неясен без подробной истории, от контекста, к которому они относятся. Он понадеется на объяснение Доктора, но вычислит, что с вероятностью девяносто семь процентов Доктор промолчит.

Женщина произнесёт те же самые слова ещё раз, через шесть часов и пятнадцать минут после засыпания, за два с половиной часа до рассвета. Дрон по-прежнему не будет понимать их смысл.

«Я не машина».

Никто не знал, зачем над иСанти Джени был комплекс ветряных мельниц. А если кто-то и знал, то в публичных архивах этого не было. Бог, наверное, знал, но это ничем не помогало. Бог любил хранить свои маленькие секреты, поскольку хранить большие секреты ему не разрешалось. Будучи расположенным на возвышающемся над городом хребте, комплекс выглядел весьма драматично. Уже одно только это могло быть достаточной причиной для его строительства; а в качестве источника энергии он был однозначно несущественен. СаРа!qава предполагала, что сама его бесполезность могла быть основой эстетики, приведшей к его созданию. Она помнила, что во времена её молодости была мода на бесполезные здания, одно из многих охватывавших Сферу временных безумий в ландшафтной архитектуре. Она и сама разработала полностью работоспособный завод, который бы непрерывно рылся в собственном терриконе, не производя ничего, кроме столбов едкого чёрного дыма и токсических жидких отходов. К тому

времени, когда она внесла это предложение, эта мода уже угасала, и его отклонили. Следующей волной моды были скрытые жилища; по другую сторону Бесконечного Моря по этому принципу построили целый город с населением три миллиона человек. Можно было пройти через весь этот город, так и не заметив его. СаРа!qава не возражала; сама идея, что её ненужный завод не построили из-за того, что лежавшая в его основе эстетика была ненужной, имела в себе приятную симметрию.

А всё-таки хорошо было бы построить завод. Она представила его спрятанным в зелёной уединённой долине, словно постыдный секрет, представила игравших в вытекающих из него стоках ужасных рыб-мутантов, выведенных специально для того, чтобы выживать среди этих загрязнений.

Возможно, именно этот образ бессмысленного промышленного ландшафта и побудил её провести вечеринку на Ветряках, настоящий центр управления которыми был продолговатой грудой ребристого пластикрита, наполовину погружённой в обращённую к морю сторону холма чуть ниже гребня. Нижние четыре этажа были полностью заняты залом, в котором в два ряда по четыре штуки стояли конденсаторы. Здесь саРа!qава хотела провести танцы; огромные керамические конденсаторы при правильном освещении будут отлично нависать над танцующими.

Буфет саРа!qава организовала на газоне небольшого террасированного сада в передней части центра управления. Бог пообещал ей ясную ночь, среднюю температуру двадцать

один градус Цельсия, и намекнул, что если она хорошо попросит, он может ускорить приближение тёплого фронта.

Шесть дистанционно управляемых дронов доставляли канапе, миски с фруктами, миску для пунша с подозрительной жёлтой жидкостью, которую Бог настойчиво отправлял на все вечеринки, несмотря на то, что никто её никогда не пробовал, несколько наркотических цветов, ещё еда, тортильи и огромный праздничный торт в форме огромного торта. На ветвях строгих декоративных деревьев были развешаны бумажные фонарики.

СаРа!qава наблюдала, как грузовые дроны пролетали низко над садом, рассыпая металлические кубы. На полпути до земли кубы неприятно изгибались, трансформируясь в кованую железную садовую мебель — металл с эффектом памяти, разумеется — и опускались на землю. Эти приготовления должны были быть последними; в имевшихся укромных уголках уже были приготовленные подушки и мягкие силовые поля, чтобы людям было где заняться сексом. Люди имели склонность заниматься этим на вечеринках; раз уж это нельзя предотвратить, то пускай им хотя бы удобно будет. Вообще-то, аМ!хитса когда-то попытался предотвратить это, создав мощный сексуальный депрессант, после вдыхания которого эротические позывы должны были стать не сильнее, чем у водоросли. Только вот глупая машина подлила свой депрессант в подозрительную жёлтую жидкость Бога, которую никто никогда в рот не брал.

По крайней мере, так было дело по словам аМ!хитсы; ум этого дрона имел официальный рейтинг 10.2, что означало, что он должен быть как минимум в десять раз умнее, чем

средний разумный гуманоид, так что тяжело было представить, что он не понял, что никто никогда не употреблял эту жидкость. А впрочем, Бог был в несколько миллионов раз умнее аМ!хитсы, и именно он и сделал жидкость, которую все избегали. Наверное, это была одна из тех шуток, суть которых могли понять только машины.

В зале с конденсаторами её ждала Деп. Пряди волос Деп заплетались в косы, а затем снова расплетались — верный признак того, что она нервничает.

— Как я выгляжу? — спросила она и сделала пируэт.

На ней было симбиотическое платье из серебристых чешуек, живой организм, который постоянно менял свою форму, облекая изгибы её тела.

— Я всем сказала, что это исторический маскарад, — сказала саРа!qава, — а моя собственная дочь оделась рыбой.

— Это историческое, — сказала Деп.

Платье слегка вздрогнуло и изменило форму, вытянув один длинный рукав и приподняв край юбки выше коленей.

— Какой планеты и какого периода?

— Кто его знает, — ответила Деп. — Наверняка кто-то где-то когда-то носил что-то похожее.

— Вряд ли где-то когда-то у кого-то был такой плохой вкус.

— Я пытаюсь выглядеть по-варварски.

— У тебя одно варварство в голове, — сказала саРа!qава. — И я знаю почему. Просто не забывай о том, что он варвар, и что у них могут быть весьма странные представления о сексе.

— Но, мама, — сказала Деп, — в этот же весь смысл!

СаРа!qава включила в левой серьге терминал и спросила у Бога, едут ли уже Бенни и её друзья.

— Уже едут, — сказал Бог. — Они не сразу разобрались с тем, как работает наша транспортная система. Хочешь узнать, во что они одеты?

— Нет.

— Ну же, — сказал Бог, — я предоставляю полный культурологический анализ.

— Нет, — сказала саРа!qава, направляясь к выходу из лифта в дальнем конце конденсаторного зала. — Почему они до сих пор не прибыли?

В ответ было лишь подозрительное молчание.

— Бог, что ты сделал?

— Направил их по медленной ветке.

— Почему?

— У них был очень интересный разговор.

— Плохой Бог! — сказала саРа!qава. — Зачем ты подслушиваешь?

— Хочешь услышать?

Формально, частные беседы нельзя было подслушивать; это, конечно же, не было законом — в обществе саРа!qавы не было ничего настолько грубого, как законодательство — но так поступать было «не принято».

— Доставь их сюда, — сказала она Богу.

— Твой строжайший приказ — малейшее из моих желаний.

СаРа!qава шагнула к открывшимся дверям лифта. Увидев Бернис и её друзей вместе, саРа!qава в очередной раз поразилась тому, насколько похожая у них всех была

внешность. Даже Доктор, который, по словам Бога, принадлежал к совсем другому виду, тоже был очень похож на своих спутников, вплоть до числа пальцев на каждой из рук и до общего расположения глаз и ушей. Когда из лифта вышел Крис, у за спиной СаРа!qавы радостно взвизгнула Деп. Он был одет в дурацкую набедренную повязку из звериной шкуры, а его голое туловище было разрисовано синими и серебристыми спиральными узорами. Увидев Деп, он приветливо помахал ей большим обоюдоострым топором. Из-за его спины донеслись испуганные крики, и он, смутившись, опустил топор. Деп бросилась вперёд, схватила его за свободную руку и утащила в сторону. Невысокая тёмная женщина — Роз — недовольно посмотрела ему вслед. СаРа!qава подумала, не переходит ли Деп дорогу старшей женщине? Костюм Роз состоял из двух одеял цвета охры и множества украшений. Одно из одеял было обёрнуто вокруг её пояса, а второе наброшено на плечи и завязано под подбородком. На шее у неё было штук десять синих и белых бус, а руки и голени были почти не видны под такими же браслетами.

— СаРа!qава! — из лифта вышла Бернис, одетая в самое неудобное платье, которое саРа!qаве доводилось видеть.

Колоколообразная юбка была такая большая, что саРа!qава была уверена, что без силовых полей тут дело не обошлось. Она туго обхватывала талию Бернис, а затем поднималась вверх спутанными слоями ткани и рюшами, которые вновь собирались на её плечах. Огромный белый парик добавлял росту Бернис примерно полметра. На фоне пышной ткани на плечах, её руки казались такими стройными.

Её длинные перчатки по локоть были из такой же белой ткани, что и платье. СаРа!qава решила выпытать когда-нибудь у Бога эту выкройку. Брови не были покрашены в тон парика, они остались тёмными дугами над странными, старыми глазами.

Бернис раскрыла веер и помахала им у себя перед лицом.

— Как тебе мой прикид? — спросила она.

— Экстраординарно, — сказала саРа!qава. — А что не даёт юбке обвиснуть?

— Нижние юбки, — сказала Бернис, — много-много нижних юбок. Думаю, тебе стоит знать, что обычно я так не одеваюсь, — Бернис обернулась на Доктора. — Только когда приходится.

Доктор был одет всё в тот же мятый льняной костюм, который был надет на нём днём.

Бернис перехватила взгляд саРа!qавы и подмигнула ей:

— Всегда найдётся кто-то, кому нужно быть не таким, как все, да?

Доктор улыбнулся, словно это был комплимент.

— Впрочем, на нём всегда какой-то костюм надет.

СаРа!qава с большим удовольствием представила Доктора иРаме, считавшему себя светочем Группы Интересующихся Галлифреем. Тот совершил ошибку, одевшись в то, как, по мнению Бога, выглядели церемониальные мантии повелителей времени, и Доктор тактично отметил неточности костюма; из-за этого саРа!qава впервые за весь вечер рассмеялась. Несмотря на неадекватный костюм, Доктор оказался ценным гостем на вечеринке. Но

всё-таки что-то в нём заставляло саРа!qаву нервничать, это напоминало ей о тех непростых моментах, когда она разговаривала с очень умными машинами. Не с такими, как Бог, который изначально создавался жизнерадостным и скромным, а с разумами, которые управляли боевыми кораблями и воевали. Какими бы дружелюбными они ни казались, при разговоре с ними всегда было ощущение чего-то более глубокого, как будто за этим фасадом тикала чёрствая рациональность. Как и те машины, Доктор обычно задавал вопросы чаще, чем отвечал.

Роз нельзя было назвать ценным гостем вечеринки; впрочем, она представляла собой неплохую тему для разговоров. Множество людей спрашивали у саРа!qавы, кто это такая, эта странная женщина с волосами с проседью и с суровыми чёрными глазами. Такие старые глаза, как и у Бернис, хотя Бог настаивал на том, что с хронологической точки зрения обе женщины были в два раза моложе саРа!qавы. Жизнь героя-варвара была непроста; Группа Интересующихся Эмуляцией Варварства всегда говорила что-то в таком роде. Живи быстро, умри молодым. СаРа!qава предположила, что с такой короткой продолжительностью жизни, как у Роз, людям приходилось насыщать жизнь событиями как можно плотнее. И Роз большую часть прожитого ею придётся пережить заново, если она не перестанет пить «воспоминание». Небольшие дозы обострителя памяти следовало смешивать с чем-нибудь помягче, вроде «ностальгии». Роз налила себе полный бокал; если она его допьёт, воспоминания будут её потом целую неделю преследовать. СаРа!qава нахмурилась. Она же чётко

распорядилась, чтобы среди напитков не было «воспоминания»; где же Роз его взяла?

Над головой у неё лениво поворачивался древний посадочный модуль, маневрирующий маленькими выхлопами из сопел. Модуль был шириной полтора метра, и саРа!qава увидела выглядывающие из его окон маленькие лица. На боку было написано название: «С-Львица». Значит, это не дрон, а дистанционный дрон корабля. СаРа!qава нахмурилась. Она не случайно не приглашала на свои вечеринки кораблей: они были непредсказуемые. После С-Львицы саРа!qава заметила в этот вечер среди гостей ещё как минимум три дистанционных дрона кораблей, все они были одеты как древние космические корабли. Все они относились к категории ОАК, что объясняло, почему им хватало наглости являться без приглашения, и все они ненавязчиво вились на расстоянии действия своих сенсоров вокруг Доктора. СаРа!qаве это не нравилось; она жалела, что рядом не было аМ!хитсы, но никто не знал, куда подевался этот дрон.

Она схватила с пролетавшего мимо подноса бокал «спокойствия» и быстро понюхала плававший в бледной янтарной жидкости букет. Аромат её немного успокоил. Возможно, проведение вечеринки здесь, на Ветряках, было ошибкой, учитывая то, что когда-то случилось наверху, на галерее управления. Выбросив букет, саРа!qава залпом выпила напиток до дна. Она отказывалась чувствовать вину в *этом*; у неё в этом вопросе не было никакого выбора. «Спокойствие» помогло, но не так сильно, как хотелось бы саРа!qаве. Она швырнула пустой бокал через плечо, и его на лету перехватил один из подносов.

Почувствовав потребность отвлечься, саРа!qава пошла искать Бернис. Она нашла её снаружи, в окружении поклонников. Вокруг неё собралось как минимум четверо мужчин и дрон, явившийся в костюме маленького реактивного аэробуса. Костюм выдавал его с потрохами: один из друзей Деп из Группы Интересующихся Странной Авиацией. Поскольку такого рода самолёты не могли зависать в воздухе, маленькая машина описывала вокруг собравшейся группы круги, усиленно пытаясь не выходить из образа. СаРа!qава подумала, что лучше бы он изображал что-то с возможностью вертикального взлёта и посадки. Мужчины не торопились расступаться перед ней, и саРа!qава подумала, что им не хочется, чтобы она участвовала в разговоре. Бернис стукнула одного из них по груди веером, заставив его отступить на шаг, давая проход саРа!qаве. СаРа!qава наблюдала, как Бернис маневрировала своей большой юбкой, чтобы сохранять личное пространство. Она подумала, что могла недооценить костюм Бернис; если веером можно было пользоваться как оружием, возможно и огромная юбка могла быть не просто дурацким украшением, а ещё и способом скрытно пронести оружие. Это очень хорошо согласуется с тем, что Бернис ей рассказывала об этом «Париже». «Лёгкая артиллерия в войне между полами», — назвала это платье Бернис. СаРа!qава подумала, что поняла это: среди Людей войны между полами были необычны, но не редки. Если человеческие женщины меньше мужчин, то такая юбка может компенсировать мужское преимущество в весе. Она подумала о том, какво заниматься любовью с кем-то, одетым

в такое платье, снимать эти слои один за одним, выискивая спрятанную под шелками кожу.

Опять я перебрала «спокойствия», — подумала саРа!qава.

Мужчина, одетый космическим пиратом, в невероятно обтягивающем защитном костюме и в похожем на круглый аквариум шлеме спросил у саРа!qавы, давно ли она видела аМ!хитсу.

— Я слышал, что он где-то на берегу, — сказал маленький аэробус, — приглядывает за безумной инопланетянкой.

— А я думала, что я одна тут такая.

— Кто тебе сказал об этом? — спросила саРа!qава у дрона.

— Ви!Сари, — сказала дрон. — Кто же ещё?

— Ты разговариваешь с ви!Сари! — сказал один из почитателей Бернис. — Ты, наверное, единственный, кто с ним разговаривает.

— Можете говорить о ви!Сари что хотите, — сказал дрон, — но он всегда знает, что происходит.

— Ты что, не слышал? — спросил космический пират.

— О чём? — спросил дрон.

— Ви!Сари прошлой ночью дезинтегрировался.

Дрон был так поражён, что забыл о своём костюме аэробуса и замер в воздухе. СаРа!qава удивлённо смотрела на него; она впервые видела, чтобы разумная машина, пускай даже и такая молодая, как этот аэробус, онемела от шока. Она воспользовалась этим моментом замешательства, чтобы подавить в себе внезапное постыдное облегчение от новости.

Неожиданно раздался щелчок — дрон сбросил с себя костюм и умчался в сторону иСанти Джени, воя от горя. Приглушённый удар от преодоления звукового барьера раздался ещё до того, как пластиковые крылья упали на пол.

— Мог бы и помягче это сказать, — сказала саРа!qава.

Космический пират пожал плечами:

— Я не думал, что этот нудный тип кому-то нравился.

— Вы хотите сказать, — спросила Бернис, — что у этих машин есть чувства?

Космический пират оторопел:

— Вы что, *настолько* варварка?

До тех пор, пока таракан не съел канapé, у Роз всё было нормально. Не то что бы здорово, просто нормально. Роз на самом деле не любила вечеринки; пытаясь завести разговор с людьми, которые ей не были особо интересны, она чувствовала себя глупо. Костюм её тоже не радовал. Оказалось, что она не помнит, как правильно завязывать юбку, и пришлось завязать её выше бёдер. В животе у неё собрался неприятный ком, говоривший о том, что она выпила что-то, что пить не следовало. Это была не её вина. У этих чёртовых Людей была размыта граница между наркотиками и честным алкоголем; то, что она употребила, могло оказаться чем угодно. Если она когда-нибудь вернётся в собственное время и пространство, ей, наверное, придётся арестовать саму себя за употребление запрещённых препаратов.

Были танцы, и это было ещё хуже. Вертевшиеся фигуры отражались в полированном мраморном полу конденсаторного зала. Некоторые танцевали с улыбкой на

лице, некоторые сосредоточенно морщили лоб, а некоторые с закрытыми глазами, не в такт, глубоко погружённые в свой собственный мир.

Она вспомнила, как её *umakhulu* — бабушка — рисовала цветы по бокам её маленьких грудей, а её мама тянула её волосы и ругалась, что они плохо заплетаются. Они готовили Роз и её сестру к вечеринке. В тот день Роз и Либи должны были танцевать в честь гостей отца. Роз было так плохо и так страшно, что она забыла свои движения и опозорилась. Она знала, что не умеет танцевать, ритм всё время ускользал от неё. Её мать не терпела неудачи.

Это не значит, что *uMama* старалась ради гостей; их она называла *iZulu emhlotshana* — зулу-блондины. Не настоящая чистокровная семья, а одна из нового поколения знати, созданного Императрицей; из тех, кто приобретал титулы древней Африки в качестве дополнения к богатству, награбленному на дальних границах. Но отцу нужна была их поддержка в одной из его сложных политических интриг, нужна настолько, что он велел раскрасить своих дочерей и отправить танцевать. Он надеялся связать их семьи очень старым методом.

У неё всё нормально. Это не баронский Кролл на Киберо Патере на Ио. Ей уже не двенадцать лет. Ей не нужно танцевать, если она этого не хочет. Она может просто стоять и беседовать, как цивилизованное человеческое существо.

А затем таракан сказал «Позвольте» и съел канapé.

Его рот, его человеческий рот раскрылся по бокам, выпуская наружу большие волосатые мандибулы, которые взяли с его левой верхней руки канapé. До этого момента Роз

думала, что тараканье тело — костюм, а человеческая голова — настоящая. Нелепо, но не хуже, чем некоторые творения хирургов, которые она видела дома.

Стоя прямо перед ним, Роз имела чудесную возможность рассмотреть все его ресничные органы, извивавшиеся, как клубок из двух червей-альбиносов, пережёвывая канapé и запихивая кусочки в засасывающее отверстие его рта. Отброшенные в стороны щёки его маски свободно болтались, ресничные органы потянулись за вторым канapé.

— Они просто замечательные, — сказал таракан. — Обязательно попробуйте.

Волна химически усиленных воспоминаний нахлынула на Роз, наполнив её ноздри вонью грязной воды и напоминающим жареную свинину запахом горелой плоти. Она почувствовала холод воды вокруг её бёдер, прижатую к её груди ладонь, тянущие её за волосы пальцы. Увидела лицо своей матери, Мартла, Доктора, Бернис, Криса... и наконец своё собственное: широко раскрытые, но ничего не видящие глаза и дырку размером с кулак, пробитую в её груди там, где должно быть сердце.

Она услышала детский смех.

Для своего огромного размера таракан оказался поразительно ловким: он сумел отпрыгнуть так быстро, что рвотой его почти не забрызгало.

— Я что-то не то сказал? — вежливо поинтересовался он. Но Роз уже бежала к двери.

Они играли в охоту на одном из развлекательных модулей в галерее управления. Модуль, размером не больше

головы ребёнка, проектировал 180-градусную панораму туманного болота, над которым пролетали птицы. Деп и Крис по очереди стреляли по этим птицам из симулированного охотничьего ружья. Когда подстреленная птица падала, шестиногий ретривер бросался в болота, хватал зубами тушку и приносил охотнику. Слева лежали трофеи Деп, а справа — Криса. Так они вели счёт.

Деп восемнадцатью выстрелами добыла два ряда птиц, включая парочку птиц поменьше, которые летали быстрее, и благодаря которым она была на два очка впереди. Стоя на огневом рубеже, Деп переломила тяжёлое ружьё и вставила новый патрон. Рядом с ней, выпуская изо рта облачка пара, учащённо дышал ретривер. Это было солёное болото; с огневого рубежа чувствовался запах соли и было слышно урчание моря. Она подняла ружьё в положение для стрельбы, как её научил аМ!хитса, и стала ждать.

Над горизонтом закрикала первая стая птиц, летевшая чётким клином. Ретривер тихо скулил от нетерпения. Деп не стреляла; за один раз разрешалось сделать только один выстрел, и нужно было решить, подстрелить ли одну из медленных птиц, или же дождаться быстрых, за которых давалось больше очков. Можно было сказать модулю, чтобы он загрузил кулинарные характеристики дичи в твой кухонный синтезатор, и съесть добычу после игры вместе с симулированной керамической дробью. Маленькие птицы должны были быть вкуснее.

Сейчас, в конце игры, птицы стали осторожнее. Деп заметила, что одна из маленьких птиц пытается влиться в

клин своих больших собратьев. Глядя вдоль ствола ружья, она проследила траекторию полёта птицы и нажала на курок.

Как раз в момент выстрела пейзаж дёрнулся в сторону. Это движение было едва заметно, но его хватило, чтобы сбить её с цели. Птицы летели дальше, никак не прореагировав. Ретривер рядом с ней тихо заскулил и прикрыл морду двумя парами лап. Деп переломила ружьё и вынула гильзу.

— Не повезло, — сказал Крис, когда Деп отходила от огневого рубежа.

Деп пнула ногой развлекательный модуль.

— Эй, ящик, — спросила она. — Что случилось?

— Простите, — сказал модуль. — Была электромагнитная помеха от конденсаторов внизу. Наверное, это из-за остаточного статического заряда. Мне пришлось внести поправку.

— Ты испортил мне выстрел!

— Больше такого не повторится, — сказал модуль с машинным раскаянием.

Крис сочувственно нахмурился:

— Хочешь ещё раз выстрелить?

— Считай, что я тебе фору дала, — сказала она. — Я у тебя всё равно выиграю.

— Даже и не мечтай, — сказал Крис и взял ружьё.

За пределами звукоизолирующего поля игрового модуля бушевала вечеринка. Более молодые люди, ровесники Деп, были в основном наверху. Около тридцати их них столпились на галерее управления.

Она знала большинство из них, это были друзья из города или из Группы Интересующихся Странной Авиацией. Второй

модуль развлечений играл сложное произведение аКации, одновременно с этим проецируя закрученные геометрические фигуры из света, которые, по утверждению композитора, были неотъемлемой частью музыки. Это должна была быть самая модная музыка для вечеринок, но Деп она не нравилась. Наверное, чтобы оценить её по достоинству, нужно было употребить правильные препараты.

Деп взяла с пролетавшего мимо неё подноса бокал и повернулась наблюдать за последним выстрелом Криса. Когда он упёр приклад в плечо, ружьё в его руках выглядело удивительно хрупким. На этом плече у него был завиток синей краски, один из тех спиральных узоров, которыми было покрыто его голое туловище. Деп вела взглядом вдоль завитка спирали, уходящего по упругим мышцам его спины вниз, к его узкой талии. Она подумала, а есть ли спиральные узоры под его набедренной повязкой, и если да, то кто их ему нарисовал? Не Роз, это точно. Крис называл Роз своей «напарницей», и это вначале сбilo Деп с толку, но она быстро поняла, что это слово означало совсем не то, что им обычно называют. Она узнала взгляд Роз, когда та выходила из лифта; это была такая же забота, как и у её мамы, когда Деп собиралась испытывать одну из своих машин. А чего Роз беспокоиться? Не съест же его Деп, в конце концов.

Деп улыбнулась.

По крайней мере, не в прямом смысле.

Роз и Мартл занимались любовью всего один раз, после дела с оборотнем. Никаких правил о том, что судьи должны блюсти целибат, не было, но всё-таки поощрялось некоторое

презрение к плотским радостям. Это было частью царившего среди них духа: судья должен быть предан порядку, правосудию, его не должны отвлекать мимолётные иллюзорные потребности. Вступление в брак разрешалось при условии, что потенциальный супруг вначале проходил проверку, но самоубийства и разводы всё равно не были редкостью. Некоторым, впрочем, удавалось справляться с этим: семь поколений Кведжей, в каждом из которых было по несколько судей, доказывало, что не все судьи были эмоциональными калеками. Это, конечно, не значит, что Роз в молодости не гуляла; ей не раз доводилось просыпаться в незнакомой постели с похмельем и с женщиной, чьё имя она не могла вспомнить. Просто с течением времени секс потерял большую часть своего очарования, начал казаться слишком неопрятным, слишком липким и биологическим, слишком ненадёжным, чтобы с ним связываться. Он не давал ей ничего, чего она не могла получить от трёх бутылок марсианского эля и продолжительного душа.

По части «пересечения черты», как на жаргоне судей назывался секс с коллегой, были свои правила, но они постоянно нарушались. Кто ещё, как не другой судья, мог понять какова жизнь: трупы, инопланетяне, готовность подозреваемых продаться, отупляющая ежедневная рутина ужасов.

Она помнила, как вырывалась из рук Мартла, когда он вёл её обратно к флиттеру после того, как она застрелила оборотня; затем в памяти был провал; а затем она с ним в душе, вода пропитывает их рубахи. Её трясло, худшая дрожь за всю её карьеру; он её обнял, а она его ударила так, что у

него синяк на плече остался. Мартл продолжал обнимать её, гладил её спину, её волосы, лицо. Боль и страх сменились чем-то другим. Чем-то долгим, медленным, утешающим. В этом не было алкогольного отчаяния её предыдущих связей; не похоть, а потребность затащила их в скомканную постель. Потом она крепко обнимала Мартла, чувствовала между своими грудями биение его сердца. Утром Мартл принёс ей в постель завтрак и утреннее издание факса новостей. Они пошутили о том, что случай с оборотнем не попал даже на последнюю страницу. Это придало случившемуся своего рода контекст. Просто ещё один день жизни.

Месяц спустя Роз узнала, что Мартл берёт взятки, и перерезала ему горло вибро-ножом. У неё не было других вариантов: либо он, либо она.

Дверь внешней лестницы со стуком распахнулась, и из здания вывалилась группа гостей. Со своей металлической ступеньки Роз мельком увидела блеск их костюмов, когда они проходили внизу, по освещённой мощённой дорожке. Их голоса казались ей визгливыми и пустыми, неразборчивыми и бессмысленными, как щебет птиц.

— Они не могут иначе, — сказал голос за её спиной, — они никогда не страдали.

Это был мужчина; по крайней мере, он был очень похож на мужчину. Он, должно быть, спустился по лестнице, пока она отвлеклась. Роз недовольно фыркнула: похоже, что сейчас кто угодно мог незаметно подкрасться к ней.

— Вы, должно быть, Роз, — сказал мужчина. — Меня зовут феЛикси. Можно к вам присоединиться?

— Не советую, — сказала Роз. — Из меня не очень хорошая компания.

— Я, пожалуй, рискну, — сказал феЛикси и сел на ступеньку рядом с ней. — Не переживайте о том, что вас вырвало на диКларка. На этих вечеринках случаются вещи и похуже.

— Только не со мной, — сказала Роз. — Наверное, дело в том, что я пила.

— Когда-то на одной из вечеринок саРа!qавы кое-кто кое-кого съел, — сказал феЛикси. Он был ниже, чем другие люди, которые пока что встречались Роз, его лицо выглядело почеловечески, а глаза были обычные, карие. — Я их предупреждал, что не стоит одеваться жареной тушкой животного, но они меня не послушали.

— Какая гадость.

— Вы действительно так думаете? — спросил феЛикси.

Роз кивнула. Это действительно было гадко, но она не могла не спросить:

— И какие они были на вкус?

— Вообще-то довольно неплохие.

— Я так понимаю, что они выжили?

— Кто?

— Съеденные.

— Ах, да, ничего такого, чего не нельзя исправить за пару часов регенерации, — сказал феЛикси. — У нас тут для того, чтобы убить кого-то, нужно стараться гораздо сильнее.

Игра закончилась ничьёй, но только потому, что они оба жульничали. Первой начала Деп, она позволила своим

волосам проползти по бедру Криса, когда он целился. Он отомстил во время следующего раунда, коснувшись кончиком пальца чувствительной точки между её лопаток. Деп старалась сосредоточиться на прицеливании, но её платье, симбиотически связанное с её предательским подсознанием, начало открывать её спину. Когда палец Криса начал опускаться вдоль спины, Деп уже не пыталась целиться, а ждала, на каком месте он остановится. Когда он дошёл до самого низа спины, она выстрелила в никуда, просто для виду.

Они пошли на балкон, подальше от толпы. Лицом друг к другу, они облокотились на перила. Руки Криса не находили себе место. Деп чувствовала, что он нервничает, даже испуган. Её это интриговало. Она нежно взяла его руку и положила её себе на бедро; платье под его ладонью тут же растаяло. А затем, чтобы он наверняка понял правильно, она наклонилась вперёд и провела по его носу своим. У него был хороший нос, большой и твёрдый, от прикосновения у неё забегали по шее мурашки. Она решительно обхватила руками его шею и пододвинулась ближе, чтобы потереться как следует. Что-то было не так; Крис постоянно пытался коснуться своими губами её губ. Деп растерянно отодвинула голову и увидела на лице Криса такое же непонимание.

— Ты зачем это делаешь? — спросила она.

— Что делаю? — беспокойно спросил Крис.

— Ну, вот это... губами?

— Мы это называем поцелуями, — сказал Крис. — А вы не целуетесь?

— Целуемся, конечно, только не в рот.

— О.

— А это приятно?

— Хм... Думаю, да, — сказал Крис.

— Ну, хорошо, — сказала Деп, — тогда давай попробуем.
Я всё хотя бы раз пробую.

Ощущения были очень странные, но они нашли компромисс — одновременно целовались и тёрлись носами. Когда его язык вошёл в её рот, она пыталась реагировать на подсказки Криса. К несчастью, в её сознании неожиданно возникло воспоминание об одном из уроков по биологии, и она снова отодвинулась от него.

Криса её смех явно задел, отчего ей стало ещё смешнее.

— Прости, — сказала она, — просто это мне напомнило то, как птицы птенцов кормят.

— Ну спасибо, — сказал Крис; но он улыбался.

— Я хочу тебя, — сказала Деп.

Крис осмотрелся:

— Что, здесь?

— А почему нет?

— Тут нас могут увидеть.

— А где?

Крис всмотрелся в темноту за перилами, выискивая что-то вдалеке.

— Кажется, я придумал.

Как только она перестала бояться, что голова феликси неожиданно взорвётся, Роз начала расслабляться. Он был хороший собеседник, он не проявлял той надменности, которая была свойственна остальным обитателям Сферы. И он

казался более настоящим. Даже его костюм, простой комбинезон, был более реалистичным.

— Это потому, что он настоящий, — сказал феЛикси. — Он у меня с задания.

— Это когда ты работал на *гикон*?

— ГИКО(Н), — поправил её феЛикси. — Группа Интересующихся Ксено-Отношениями (Нормализацией), и мы тут не работаем *на* группы, мы работаем *с* ними.

— Это большая разница?

— Ну, благодаря этому на инструктаже перед заданиями все намного вежливее.

— Не пойми меня неправильно, — сказала Роз, — но я не могу себе представить вас воюющими.

— Мы тоже не могли, если честно, — сказал феЛикси. — Просто поразительно, как быстро мы всё это вспомнили. Жги, насилуй, грабь. По крайней мере, «жги»; после этого на «насилуй» и «грабь» сил уже не оставалось.

— Насколько всё было плохо?

— Смотря где выпало находиться в это время, — сказал феЛикси. — Если бы я остался в Сфере, я бы почти не замечал, что идёт война. Я вызвался добровольцем в ГИКО(Н), работал тайным агентом в некоторых из войн. Видел то, что предпочёл бы не видеть, делал то...

— Да, — сказала Роз. — Боже мой, да.

— Глупо, правда? — сказал феЛикси. — Это же мой народ, я мог прекратить в любой момент. Просто сказать «Всё было классно, ребята, но теперь я, пожалуй, пойду домой», но так же не скажешь, правда? Продолжаешь принимать новые поручения, выполнять их, и боль внутри становится хуже и

хуже, до тех пор, пока уже не можешь отделить себя от своей боли — ты и боль одно целое.

— Стоп, — сказала Роз, не выдержав такой образ. — Пожалуйста.

ФеЛикси кивнул:

— Да, конечно, я понимаю. О некоторых вещах ты не говоришь.

— Не здесь, — сказала Роз, — не сейчас. Может быть, позже.

— Знаешь, чем мне нравится сидеть во время вечеринок на ступенях?

— Танцевать не нужно?

— Можно познакомиться с хорошими людьми, — сказал феЛикси.

Они остановили пролетающий мимо них поднос, и феЛикси заказал что-то горячее и сладкое, вкусом немного похожее на имбирь и ананас. Он рассказал Роз анекдот о двух дронах и корабле на геостационарной орбите, но она его не поняла.

— Была бы ты там... — сказал феЛикси.

С этого Роз засмеялась; горячий напиток прочищал её голову. Она рассказала ему немного об истории своей семьи, излагая её немного смешнее, чем она реально её помнила. ФеЛикси громко хохотал, когда она описывала, на что шла её мать ради сохранения своего социального статуса. Как она разбудила посреди ночи весь Кролл, чтобы убрать территорию, «потому что дошли слухи, что над ними может пролетать корабль Императрицы». Рассказывая об этом так, Роз даже сама почти верила, что ей нравилось её детство.

Затем они молчали, попивали напиток и смотрели вдаль. Роз это нравилось.

Когда они так сидели, из двери ниже них вышли саРа!qава и Бернис. Женщины тихо о чём-то разговаривали, и Роз непроизвольно нагнулась вперёд, пытаясь разобрать слова. ФеЛикси отстегнул от своего комбинезона брошь и, усмехнувшись, расположил её между собой и Роз.

— Подслушка, — тихо сказал он.

Вдруг им стали слышны голоса Бернис и саРа!qавы, так чётко, словно они состояли совсем рядом. Роз поняла, что эта брошь — многофункциональный терминал. Ей было немного стыдно подслушивать, но она не могла удержаться. В конце концов, одним из принципов судей было «общественные преступления рождаются в частных разговорах».

СаРа!qава что-то прошептала, так тихо, что это не смог уловить даже терминал феЛикси, а её ладонь легонько коснулась руки Бернис. Бернис что-то тихо сказала в ответ и аккуратно убрала руку саРа!qавы. Это было сделано очень тактично.

— Только гетеро, значит? — сказала саРа!qава.

— Пока что да, — сказала Бернис.

— А если я скажу, что полгода назад была мужчиной, это что-то изменит? — спросила саРа!qава.

Роз прикрыла рукой терминал, заглушив ответ Бернис.

— Она сменила пол? — спросила она.

— А вы что, не умеете это делать? — спросил феЛикси.

Роз покачала головой и убрала руку с терминала.

— ...только при помощи хирургии и генетических манипуляций, — сказала Бернис.

— Как неудобно, — сказала саРа!qава.

— То есть, вы это делаете, — Бернис неопределённо взмахнула руками, — как бы естественно?

— Эй, саРа!qава! — раздался чей-то голос. Роз подумала, что это был терминал самой саРа!qавы. — Деп и варвар решили сделать что-то очень глупое.

СаРа!qава и Бернис пошли обратно в здание.

— Воспользуйся моим советом, Бенни, — сказала саРа!qава. — Не заводи детей.

Роз вздохнула. Она догадывалась, о каком «варваре» идёт речь.

— Схожу-ка я посмотрю, что там происходит, — сказала она феЛикси. — Приятно было поговорить.

— Я живу в городе, — сказал феЛикси. — Может быть, зайдёшь когда-нибудь в гости?

Роз пришла на балкон как раз в тот момент, когда Крис водружал на перила метательное ружьё. Деп ему помогала, её глаза светились от восторга.

— Он собирается выстрелить шнуром в виллу, — сказала ей Бернис.

Роз всмотрелась вдаль; там было лишь маленькое светлое пятнышко, которое, возможно, было виллой. Расстояние было километров шесть.

— Ты не можешь его остановить? — спросила у неё Бернис.

Роз посмотрела на Криса, а потом на не сводившую с него глаз Деп.

— Наверное, нет, — сказала она.

Крис уложил ружьё и прищурился, глядя в большой прицел на стволе. Роз подумала, что попасть невозможно, даже ему. Крис выстрелил, раздался чёткий стук линейного ускорителя. Метательный снаряд был настолько быстрым, что глаз не мог его проследить, несмотря даже на прикреплённый к нему шнур. Крис спросил у ружья, попал ли дальний конец шнура в цель и надёжно ли закреплён.

— Да, — сказала ружьё.

Крис перелез через перила и пристегнул к шнуру рукоятку.

— Ты уверен, что это разумно? — спросила Бернис.

— Пучок монопоней, — сказал Крис.

Он крепко взялся за ручку и жестом показал Деп, чтобы она перебиралась через перила и садилась ему на спину. Роз обратила внимание, как неохотно волосы Деп отпускали перила.

— Увидимся в вилле, — сказал Крис и оттолкнулся.

Деп немного взвизгнула, а затем было видно лишь их тени на фоне пейзажа.

— Жалкое зрелище, — сказала Роз.

— Просто поразительно, на что готовы парни, чтобы поразить девушек, — сказала Бернис. — Чёрт, как бы они об стену в конце не трахнулись.

— Главное, чтобы не разбились, — сказала Роз. — А трах, я думаю, неизбежен.

Бернис вздохнула:

— Рано или поздно это должно было случиться. Как ты думаешь, он теперь будет общаться с нами как взрослый?

Женщины посмотрели друг на друга.

— Не-ет.

Его руки гудели от трения рукояти об шнур. Он чувствовал дыхание Дип на своём ухе, тепло её грудей, прижатых к его спине, жар её бёдер, обхвативших его талию. Какое-то время лишь поток встречного воздуха говорил о том, что они движутся. Вокруг них было огромное искусственное небо, разбитое на сегменты ночи и дня. Справа Крис видел большой город и его огни, которые мерцали сквозь толстый слой атмосферы, как туманность. За ним и выше, во всё ещё освещённом солнцем участке Сферы, было огромное шестигранное отверстие, сквозь которое было видно настоящие звёзды. Космопорт, — понял он, — ворота Сферы в остальную часть вселенной. Слева от него Бесконечное Море было просторной чернотой, поднимающейся выше невозможной линии, где океан становился небом. На воде были огни, острова размером с континенты, континенты размером с планеты и движущиеся огни кораблей длиной в сотни километров.

Они пролетели над хребтом, верхушки вечнозелёных деревьев были на два метра ниже их ног. Вечерний воздух сладко пах хвоей. Дип ахнула — с верхушек деревьев слетела туча мотыльков, тысячи белых крыльев толкали воздух со звуком, похожим на рвущийся шёлк.

Крис видел впереди виллу, освещённую висевшими на крыше и на балконе наружными фонарями. Их вёл к этому балкону шнур, пучок монопоней, заметный лишь от бликов света Почему-бы-и-нета, того же света, который отражался в

окнах виллы и в покрытой рябью поверхности бассейна на крыше.

Восторженный встречным ветром, теплом тела Деп и величию самой Сферы, Крис чуть не забыл вовремя остановиться. Какая-то часть его хотела лететь дальше, как будто твёрдая стена виллы была лишь иллюзией, как если бы врезавшись в неё, они с Деп летели бы дальше вечно, подвешенные между небом и землёй.

К счастью, практичная сторона Криса, которой доводилось видеть крушения флиттеров, оказалась сильнее, и он сильно сжал рукоять, останавливая их. Спотыкаясь, они приземлились на балкон, вес Деп затолкал Криса сквозь силовое поле окна в гостиную. Он скорее почувствовал, чем заметил, что кофейный столик быстро уступил им дорогу. Он наткнулся ногами на что-то мягкое и упал лицом на диван. Повернувшись, он потянулся к скатившейся с его спины Деп. Она снова заползла на него, её волосы схватили его за руку, и он почувствовал, как её зубы нежно сдавили бок его шеи. Платье сползало с её спины. Крис коснулся её голых плеч. Диван опрокинулся на спинку, что-то тяжело стукнуло об пол, и Крис с удивлением понял, что это упали они.

Крис не был затворником. Он много об этом читал, смотрел видео, делал домашнее задание по биологии. В бараках для новичков в учебке бывали пирушки после отбоя, а по долгу службы ему доводилось участвовать в облавах на бордели. Но в теории никогда не говорилось об *этом*, о том, как отключается мозг и действует только тело. Говорилось о больших буферах и о калибре мужской «торпеды», о позах и о соблазнении, а не о том, что кожа любимой словно сливается

с твоей так, что уже не понятно, где кончаешься ты и начинается она.

— Простите, — сказал голос. — Скажите нам, когда закончите.

Деп и Крис замерли, дрожа.

— Не обращайтесь на нас внимания, — сказал второй, женский голос. — Мы можем подождать.

4. Полицейский на углу

Полицейский на углу

Фотографирует место преступления.

Я решил предупредить тебя о том,

Что он не мечтает о том же, что и мы.

«Проповедь к новообращённым», Джонни Чесс,
альбом «Чем заняться дождливым вечером вторника»,
1987 год.

— Быстрее, Роз, а то я умру.

— Расслабься, Бенни, я уже почти закончила.

У неё было невыносимое ощущение сдавленности груди, но наконец Роз удалось справиться с застёжками, и корсет отпустил свою несчастную жертву.

— Так лучше? — спросила Роз.

Бернис с облегчением глубоко вздохнула:

— И как я позволила ему уговорить меня надеть это?

— Скрытый подсознательный мазохизм?

— Говори-говори, — сказала Бернис, — сама-то в одеяла оделась.

— Так это просто культурная традиция.

— Помоги мне с перчатками, не хотят слазить.

Роз взялась за большой и указательный пальцы, чтобы Бернис было легче вынуть правую руку. Снятую перчатку Роз отбросила в сторону, и та волнами полетела к полу, но на

полпути Дом её перехватил и повесил рядом с пышным париком.

— Лучше бы он так не делал, — сказала Роз. — У меня от этого мурашки по коже.

— Зато удобно, — сказала Бернис, протягивая левую руку.

— Я люблю, когда мои вещи остаются там, где я могу их найти, — сказала Роз и стянула перчатку.

— На полу, — сказала Бернис.

— За себя говори.

Это была правда. Комната Роз в ТАРДИС была образцом аккуратности, которая неприятно напоминала Бернис о казарменном мышлении Эйс. Та же атмосфера регламентированности, временного поселения. Это Бернис жила по колени в обрывках прошлых приключений. Она подозревала, что этот беспорядок был нужен ей в качестве своего рода маркера, как будто бы она этим говорила: *это моё пространство; видите, тут повсюду я*. Если она когда-нибудь решит выселиться из ТАРДИС, ей понадобится контейнер, а не чемодан.

Бернис начала бороться со своими нижними юбками.

— Господи, — сказала Роз, — стой, не двигайся, — она присела позади Бернис и начала расстёгивать крючки, удерживавшие шелка. — Я видела боевое обмундирование, которое снималось легче.

— Я носила боевое обмундирование, носить которое было легче, — сказала Бернис. — Знаешь, саРа!цава в этом костюме именно боевой заподозрила.

— Почему ты не сказала Дому вставить несколько застёжек-молний?

— А как же достоверность? — сказала Бернис, втягивая живот. — Мы же собирались всё по-настоящему делать, — на ней было шесть слоёв нижних юбок. — Я чувствую себя подарком на день рождения.

— Я уже почти добралась до твоих ног, — сказала Роз. — Вот тебе и достоверность! — она увидела на ногах у Бернис кроссовки.

— Ну, их же никто не должен видеть.

— Такая же достоверная, как девственница-кхоса средних лет, — пробормотала Роз.

— Я думала нарядиться Будиккой, — сказала Бернис. — Мы с Крисом были бы парой.

— А кто такая эта Будикка?

— Очень знаменитая британская королева-воин.

— А я думала, её королевой Елизаветой звали, — сказала Роз. — «Хотя у меня тело слабой женщины, сердце у меня»⁷...

— «как у слона»⁸, — закончила Бернис. — Зря я показала тебе коллекцию записей Эйс, — она вышла из шёлковых оборок. — Наконец-то я свободна! Ну что, давай теперь я помогу тебе снять ожерелья.

— А нам не нужно спуститься в гостиную?

⁷ Цитата из речи королевы Елизаветы в Тилбери.

⁸ Из пародии на речь королевы Елизаветы в сериале «Чёрная гадюка».

— Зачем спешить? — спросила Бернис. — Они ждали, пока мы вернёмся с вечеринки, подождут и пока мы переоденемся.

— Думаю, они сюда не в гости пришли, — сказала Роз.

— Думаешь, они тут официально?

— Ну, насколько тут вообще что-то бывает официальным, — сказала Роз. — У этой женщины глаза полицейской.

— Надо ей мазь от этого посоветовать.

Бернис искала джинсы. Роз говорила, и Бернис ей верила, что люди этого «ремесла» всегда узнавали других людей этого «ремесла».

Она всегда называла это «ремеслом». Бернис, часто терпевшая от тех, кто занимался «ремеслом», сама этого никогда не замечала: она в такие моменты была слишком занята тем, чтобы выбраться из ситуации, в которой оказалась из-за Доктора. Раз Роз сказала, что у женщины глаза копа, значит, женщина была копом, а значит, и дрон, с которым она пришла, тоже был коп.

— Ну что же, хороший был у нас отпуск, пока не закончился.

— Возможно, они нас просто проверяют, — сказала Роз. — Можно взять твой тугой топик? У меня уже зуд от этих одеял.

— Да, бери, — сказала Бернис. — Где-то ещё лосины были в тон. Думаю, мы можем спокойно предоставить этих двоих Доктору. К тому же, я проголодалась.

— Ты что, на вечеринке не ела?

— Ела? — переспросила Бернис. — Я еле могла дышать, не то что есть.

— Эй, остолоп! — позвала Роз. — Нам нужна еда: основа из пресного теста радиусом около пятнадцати сантиметров, а сверху сыр, грибы и помидоры. Его нужно печь, пока сыр не покроется коркой.

— А ещё кофе, — сказала Бернис.

— И кофе, с молоком и сахаром в отдельных ёмкостях.

— Если мы не будем торопиться с едой, то пока мы спустимся, у них уже головы опухнут от разговоров с Доктором.

— Если они будут говорить с ним так долго, — сказала Роз, — мы для них будем как второе пришествие.

На выполнение заказа у Дома ушло пять минут, Роз успела за это время снять с ног браслеты. Браслеты на руках она оставила.

— Я к ним привыкать начала, — сказала она.

Они попили кофе и съели что-то, похожее на пиццу. Оно было такое горячее, что обжигало рот. Бернис предложила в следующий раз заказать анчоусы, но они не смогли вспомнить, какой это вид рыбы.

Роз спросила у Бернис, заметила ли она квадратные соски.

— Квадратные? — спросила Бернис.

— Ну, ромбовидные, — сказала Роз. — У Деп ты должна была их видеть, их трудно не заметить. Все остальные, которые я видела, тоже были квадратные, даже у мужчин.

— Это чем-то важно? — спросила Бернис.

— Только тем, что эти инопланетяне бывают какой угодно формы, и единственное, что я у них заметила общее — у всех квадратные соски.

— Ты очень странная женщина, — сказала Бернис.

— У меня, по крайней мере, соски круглые.

— Как думаешь, об этом нужно рассказать Доктору? — спросила Бернис.

— Да он, наверное, и так всё знает, — сказала Роз.

Они услышали, что внизу кто-то кричит, причём так громко, что даже звукоизоляция виллы не справилась.

Бернис посмотрела на часы.

— Что-то рано они, — сказала она. — До угроз не должно было дойти ещё как минимум пять минут. Может, проверим, не нужна ли им помощь?

— Мы ещё не доели суррогат пиццы, — сказала Роз.

В качестве компромисса они взяли остатки пиццы с собой, и пошли вниз по лестнице в гостиную, набив рты аналогом моцареллы и хихикая, как школьницы.

Их было двое: женщина и дрон. По их словам, они были из чего-то под названием Группа Интересующихся Межличностной Динамикой.

Дрон был стандартным продолговатым сфероидом поперечником около метра, с маленькой иконкой-лицом — голограммой, изменявшей своё выражение по мере того, как он говорил; он сказал, что его зовут киКхали. Женщина была плотного сложения, с пёстрой красновато-коричневой кожей, одетая в вечернее платье канареечно-жёлтого цвета; у неё была длинная шея, а лицо казалось маленьким. Бернис

внимательно посмотрела в её глаза, маленькие и серые. Она обратила внимание, что глаза были в постоянном движении и часто смотрели в разные стороны. У неё глаза как у ящерицы, — подумала Бернис. Это явно не то, что имела в виду Роз. Она не так уж сильно удивилась, когда между губами женщины промелькнул узкий раздвоенный язык. Разговаривала она нормальным голосом; Бернис ожидала, что она будет шипеть. Она сказала, что её зовут агРавен.

Доктор стоял спиной к окну на балконе. Он очень официально представил Роз и Бернис как своих «компаньонов». Крис и Деп сидели на одном из диванов. Глаза Деп были широко раскрыты, но от интереса, а не от страха. Её коса обнимала плечи Криса.

Роз устроилась на мягком силовом поле справа от посетителей, чтобы женщина не могла смотреть на неё и Доктора одновременно. Бернис подумала, что это было излишним и невежливым, но Роз, наверное, сделала это автоматически. Бернис села напротив женщины и вежливо улыбнулась, когда их представили друг другу. АгРавен в ответ тоже вежливо улыбнулась.

— Мне кажется, — сказал Доктор, — что будет лучше, если вы введёте моих попутчиков в курс дела.

АгРавен облизала губы, но заговорил первым киКхали.

— Тридцать часов назад, — сказал он, — ударом молнии был убит дрон. Я и агРавен проводим первичное расследование от имени ГИМД.

— Исключительно необычно, что дрон погиб таким образом, — сказала агРавен, — тем более такой дрон, как ви!Сари, созданный по оборонительному проекту.

— Это был боевой бот?

АгРавен посмотрела на Доктора, словно ожидая перевода. Лицо у Доктора было непроницаемое, взгляд осторожный. Роз приоткрыла рот, чтобы заговорить.

— Робот, созданный для боевых действий, — сказала Бернис.

«Рот» на смайлике киКхали развернулся уголками вниз.

— Мы не любим, когда пользуются словом на «Р», — дипломатично сказала агРавен, — когда речь идёт о людях.

— Ви!Сари был дроном с полными оборонительными способностями, — сказал киКхали. Голос у машины был напряжённый, почти злой. — Та же базовая конфигурация, что и у меня. Он был способен сравнять с землёй небольшой город и выжить при прямом попадании двадцати-килотонного ядерного устройства.

Роз зевнула. На смайлике киКхали был откровенный гнев.

Могли ли машины сердиться? — подумала Бернис. СаРа!qава божилась, что у них настоящие эмоции. И, что гораздо актуальнее, разумно ли его провоцировать, учитывая то, что он только что сказал о небольшом городе? Бернис встречала немало агрессивных машинных рас. Или, быть может, это было варварское суждение?

— Он был достаточно крепким, чтобы выдержать удар молнии? — спросила Роз.

— Конечно, — сказал киКхали.

— Тогда почему он уничтожен?

— Мы не знаем, — сказала агРавен. — Поэтому мы и проводим расследование.

— Вы уже реконструировали оболочку ви!Сари? — спросил Доктор.

— Секундочку, — сказал киКхали.

Посреди гостиной возникло нечто, что Бернис сочла голограммой. Это было изображение дрона в масштабе один к трём. Это был в точности такой же дрон, как киКхали, за исключением того, что у киКхали не было сквозной дыры, прожжённой сверху донизу. Изображение повернулось так, что сквозь верхнюю дыру Бернис стало видно внутренности: там не было ни проводов, ни микросхем; у неё возникло впечатление, что машина была построена слоями вокруг маленькой центральной сферы.

— Бог собрал эту модель из фрагментов, которые он достал со дна моря, — сказал киКхали. — Как вы видите, смерть была вызвана массивной интрузией сквозь верхнюю полусферу, сквозь пограничный слой мозга, и вышедшей наружу через нижнюю полусферу.

— У Бога наверняка должна быть запись этого события, — сказал Доктор.

— В этот момент Бог проводил лишь базовый обзор этой территории, — сказал киКхали, — поэтому у нас есть данные только до микронного уровня, а сама гроза производила огромное множество гигаватт. Поэтому у нас есть только частичная запись.

— Может быть, у него была неисправность? — спросила Роз.

— Разве это похоже на неисправность? — сказала агРавен.

К удивлению Бернис, агРавен взяла модель в руки и передала её Роз. Значит, это не голограмма, а что-то другое.

— Солидиграмма, — сказал Доктор.

— Занятно, — равнодушным голосом сказала Роз.

— Ты позволишь? — спросил Доктор. Роз небрежно швырнула ему солидиграмму через всю комнату.

Бернис заметила, что агРавен при этом вздрогнула.

— Так выдумаете, что в этого робота ударила молния? — спросила Роз.

— Его звали ви!Сари, — сердито сказал киКхали. — Речь идёт о личности.

— Ни одна разумная машина за последние две тысячи лет ни разу не подвергалась летальным повреждениям без внешней причины, — сказала агРавен. Её голос был напряжённый: Роз уже и её разозлила.

Доктор повертел солидиграмму в руках, пощупал пальцами место повреждения.

— Его убили, — он резко посмотрел на агРавен. — Но вы, конечно же, знали об этом.

Какое-то время все молчали.

— Да, — сказала агРавен. — Это наиболее правдоподобное объяснение.

— В таком случае, — сказал Доктор, — мы согласны.

Снова наступила тишина.

— На что согласны? — осторожно спросила агРавен.

— На назначение, разумеется, — он вскочил на ноги, радостно сияя, глядя на пару из ГИМД. — Вам повезло, что когда случилось это ужасное происшествие, мы были тут, устроили себе небольшой отпуск, иначе бы у вас были

большие проблемы. У меня и моих компаньонов просто тонны опыта в такого рода вещах. Я правильно говорю, профессор Саммерфилд?

— Тонны, — подтвердила Бернис.

— И я могу добавить, что у судьи Форрестер двадцатипятилетний опыт работы на улицах, общения с подозреваемыми самых разных форм и размеров. Некоторые из них даже оказывались виновными.

— Но... — попыталась заговорить агРавен.

Доктор прервал её взмахом руки:

— Как мы можем жертвовать вот так своим временем? — спросил он. — Это ерунда. Небольшая благодарность за то гостеприимство, с которым нас тут приняли.

— Но... — снова начала агРавен.

Бернис стало её жалко.

— Ну, вот и договорились, — Доктор потирал руки. — Расскажите нам, пожалуйста, об этом ви!Сари.

Ви!Сари был одним из оборонительных роботов старой модели, спроектированный и созданный для действия во враждебном окружении. Он произведён на ПКЖ Дж-!Хин!са триста лет назад, служил во время войны на КОНе (с отличием) и на ОАКе С-Львица. Ближе к концу войны он пожелал покинуть активную службу в ГИКО(Н).

— Вот так просто? — спросила Роз.

— Вот так просто, — сказал киКхали. — Мы не рабы.

После этого данные были неполные: место для сна дронам не нужно, а свидетельств о том, чтобы он входил в какую-нибудь ассоциацию или группу по интересам, не было.

Полтора года назад он заявил, что считает себя жителем иСанти Джени.

— Тут его не очень-то жаловали, — сказала Бернис.

— Откуда вы это знаете? — спросила агРавен.

— О, — сказала Бернис, — у меня есть свои источники.

— Она разговаривала с людьми, — сказала Роз. — Это эффективнее сканирования.

— Отлично, — сказал Доктор. — Вот видите, что значит иметь немного опыта.

Молния не может повредить дрона, даже двадцать с лишним тысяч ампер, зарегистрированных в центре вчерашней грозы. Бернис из собственного опыта знала, что на флиттере можно пролететь сквозь грозовое облако; он притягивает к себе молнии, но заряд входил с одной стороны и выходил с другой. Чтобы зажариться, нужно было вначале заземлиться. Ви!Сари не был заземлён. Согласно частично записанным данным, он летел на высоте восьмьсот метров со скоростью около одного километра в секунду, направляясь прямо в эпицентр грозы.

— Зачем? — спросила Бернис.

АгРавен пожала плечами:

— Бог говорит, что он прогоняет поведенческие модели, но разброс параметров настолько широк, что даже он не может сказать, что было в этот момент в голове ви!Сари.

— В ней было около двадцати тысяч ампер, — сказала Роз.

— Вы, — сказал киКхали, — очень нездоровая личность.

Бернис не понимала, почему Роз так нравилось выводить людей из себя. Её это нервировало. Плохое мнение агРавен и

киКхали она бы пережила, но всё это происходило на глазах у Деп. Она хотела, чтобы Роз утихомирилась, хотя бы в этот раз; это было просто стыдно.

— Предположим, — сказал Доктор, — что по какой-то причине молния ударила бы прямо в ви!Сари. Какой урон она бы нанесла?

Ответ — никакой. Даже если предположить, что ви!Сари не был готов к обороне, у него всё равно было три слоя экранов в тераваттном диапазоне, а под ними была внешняя оболочка дрона, сделанная из реструктурированных кристаллических углеродных гибридов. Бернис подумала, что они крепче далеков, больше похожи на боевые крейсера, чем на любого робота или дроида, которых ей доводилось видеть. А ещё она отметила, что ни киКхали, ни агРавен не стали больше ничего рассказывать о способностях этого дрона к нападению. Её опыт подсказывал, что цивилизации редко развивают средства нападения намного хуже, чем средства обороны.

— Это мог сделать другой дрон? — спросила она.

— Это должен был бы быть другой оборонительный дрон, — сказал киКхали. — И на очень близком расстоянии. Бог бы заметил.

— Дрона? — спросил Доктор. — Или факт нападения?

— И то, и другое, — сказал киКхали.

— Сколько оборонительных дронов в Сфере? — спросила Бернис.

— Шестьдесят восемь миллионов, — сказал киКхали, — девятьсот двадцать тысяч четыреста тридцать восемь.

— Включая вас? — спросила Роз.

— Включая меня, — ответил киКхали.

— И где вы были в ту ночь? — спросила Роз.

Иконка лица киКхали совсем пропала. АгРавен улыбнулась.

— Бог знает, где я был, — сказал киКхали. — Почему бы вам не спросить у него?

Доктор улыбнулся:

— Идеальное алиби.

— А что если Бог врёт? — спросила Роз.

— Нужно исходить из того, что Бог всегда говорит правду, — сказала агРавен. — Скажем прямо, если Бог вам скажет неправду, вы об этом никогда не узнаете.

Доктор вставил в солидиграмму палец и поболтал им внутри.

— Полость для мозга очень маленькая, — сказал он.

— Большая часть дрона существуют за пределами реальности, — сказал киКхали. — Этот физический объём на самом деле лишь точка привязки для интрузии в гиперпространство.

— Как хитро, — сказал Доктор.

— Остановите меня, если я буду выражаться слишком научно, — сказал киКхали.

Бернис отказывалась верить, что Доктор не знал о том, как устроены эти машины. Он задал этот вопрос так, чтобы он звучал немного оскорбительно, чтобы киКхали ответил на него на детском языке, который могла понять даже археолог с выдуманном профессорским званием. Таким способом Доктор мог сказать Бернис и Роз обратить внимание, словно поставить пометку в потоке данных: слушайте, дети, это

важно. Не могло ли это убийство быть причиной их появления тут? Были времена, когда она думала, что Доктор интересовался такими вещами потому, что оказывался там, где они происходили. Сейчас же она считала, что всё было с точностью до наоборот.

КиКхали углубился в технические детали, рассказывал о дважды разогнутых спиралях во мнимом времени. Доктор слушал его с вежливым интересом. Роз, прищурившись, смотрела на агРавен. АгРавен же выглядела скучающей, ей были неинтересны рассказы киКхали об эзотерической природе гиперпространства.

КиКхали должен был знать, что Доктору об этом известно, но знала ли машина, что Доктор знал, что она знает? Попытки разгадывать такие вопросы о Докторе были прямой дорогой к мигрени, даже для тех, кто с ним заодно.

Бернис задумалась над тем, почему так важно иметь мозги в гиперпространстве. Быть может, с той стороны приходят монстры? Ей поразительно просто удалось представить монстров в гиперпространстве; на некоторых монстров она и сама натыкалась. Скажем прямо: встреча с монстрами не была проблемой для тех, кто путешествовал с Доктором. Когда они жили в доме на Элэн Роуд, у неё была фантазия о том, что у Доктора есть машина-секретарь, видеофон с автоответчиком. Она представила себе, что этот аппарат запрограммирован отвечать монстрам: «Сожалею, Доктор сейчас недоступен. Пожалуйста, назовите после гудка своё имя и название планеты, которую вы хотите захватить, и Доктор к вам прибудет». Если вы, конечно, реально невезучий монстр.

Роз спросила у киКхали, насколько умным был ви!Сари.

— У ви!Сари был рейтинг 8.1, — сказал дрон. — Это в двадцать раз больше, чем у вас.

Это было оскорбление, — подумала Бернис. Иначе слова киКхали описать нельзя. Когда эти люди называют тебя варваром, это совсем другое; это констатация факта, а не оскорбление. КиКхали же словно говорил Роз: я машина и могу обыграть тебя в шахматы одной левой. Говорил это женщине, которая однажды разобрала охранного бота за то, что он ей нагрубил. Она сказала, что сделала это при помощи плазменной горелки. Ты уж полегче, киКхали, дружище, а то можешь узнать, насколько Роз действительно варвар.

— Важно не то, что у тебя есть, — приятным голосом сказала Роз, — а умеешь ли ты этим пользоваться.

АгРавен засмеялась, а Бернис облегчённо выдохнула.

В этот момент вмешался Доктор, он начал задавать вопросы о том, сколько данных было у Бога об этом убийстве и не будет ли затруднительно переслать их в виллу. Это всё были уместные вопросы, но у Бернис было странное чувство, что Доктор задаёт их на автопилоте. Как будто он, уже утвердив себя во главе этого расследования, теперь действует чисто для галочки. Бернис это абсолютно не успокаивало.

КиКхали ругался вслух, видимо, чтобы агРавен слышала.

— Мясо-мозглые, дисфункциональные органо-фашисты, — шипела машина.

АгРавен села на ближайшее мягкое силовое поле и наблюдала за киКхали, метавшимся из одного конца транспортной капсулы в другой. Индикаторная панель

показывала, что они достигли главного транспортного тоннеля в базовом материале Сферы и ускорились до крейсерской скорости в девять километров в секунду. Ощущения движения не было.

КиКхали замолчал.

— Ты уже закончил? — спросила агРавен. — Зря ты им позволил так себя расстроить. Они всего лишь варвары.

— Варварка! — сказал киКхали. — Эта женщина настолько примитивна, что могла бы носить бусы из черепов. Богу не следует позволять таким животным бродить по Сфере.

АгРавен это шокировало:

— КиКхали, — сказала она, — от тебя я такого не ожидала. Ты просто расстроен из-за того, что она оскорбила твою разумность.

— Тебе понравилась эта фраза, — сказал киКхали. — Я видел, что ты улыбалась. Готов поспорить, что ты жалеешь, что не сама это придумала.

— Это не мешает мне пользоваться этой фразой в будущем, — сказала агРавен.

— Поверить не могу, что мы только что передали всё расследование шайке ретроградов.

— Доктора ты тоже включаешь в эту категорию? — спросила агРавен.

Дрон слегка сдвинулся. Многие дроны выработали такие небольшие невербальные знаки для разговоров с немашинами, добавлявшие (по их словам) разговору большую утонченность. АгРавен работала с киКхали достаточно давно, чтобы знать, что такие движения говорят о его беспокойстве.

Она подозревала, что эти движения такая же вежливая фикция, как и лица-смайлики, которые должны были отражать настроение машины.

— Особенно Доктора, — сказал киКхали.

— Быть может, Бог его втянул в это намеренно, — сказала агРавен. — Вовлечение его в это убийство может вынудить его занять более активную позицию. Это должно помочь Богу собрать больше данных для профиля, а это не может не способствовать улучшению экстраполяции культуры и намерений повелителей времени.

— Обожаю, когда ты говоришь как машина, — сказал киКхали.

— Тем более, что в этот раз он привёз с собой людей. Они могут быть не настолько осторожны, как он.

— Просто я не уверен, что это стоит всех осложнений.

— Ты не хочешь узнать секрет путешествий во времени?

— У меня есть сильные моральные возражения против путешествий во времени, — сказал киКхали. — Мне не нравится мысль о том, что это может сделать с понятием свободы выбора. Если знаешь, что случится в будущем, твои действия становятся предопределёнными.

— Это же не остановило эксперименты Группы Интересующихся Темпоральным?

— Это была всего лишь политика с позиции силы, — сказал дрон. — Раз это есть у них, значит, и нам нужно. Кроме того, ГИТ искали ценные побочные технологии, транс-размерностные, и тому подобное.

— Бог сказал, что это нарушение договора.

— Есть разные мнения. Я считаю, что повелители времени не были честны в своих отношениях с нами. У нас до сих пор нет представительства на Галлифрее, мы даже не знаем, имеем ли мы дело с народом из нашего прошлого или будущего, мы даже не знаем, тот ли это «Доктор», который был в прошлый раз. Вообще-то, мы знаем о повелителях времени гораздо меньше, чем они знают о нас. У них серьёзное стратегическое преимущество.

— Ты просто милитаристский ястреб в душе, правда?

— Таким я создан, — сказал киКхали.

Бернис дождалась, пока Крис и Деп уйдут наверх, а затем наклонилась к Роз и спросила, зачем ей нужно было постоянно пререкаться с абсолютно незнакомыми людьми. Роз слегка ухмыльнулась.

— Потому что это было просто, — сказала она.

— Иными словами, потому что они инопланетяне.

— Я не люблю, когда меня допрашивают, — сказала Роз, — особенно любители.

— В этом классическая Роз, — сказала Бернис жёстче, чем хотела. — Паранойя часто бывает побочным эффектом ксенофобии.

Роз встала, вынудив Бернис шагнуть назад, чтобы уступить дорогу.

— Бернис, — сказала она, — я устала и не хочу продолжать этот разговор. Нравится тебе это или нет, нас тут допрашивали. Тот робот, наверное, десятки разных сканеров на нас направил.

— Ты сказала, что они копы, — сказала Бернис. — Ты разве сама людей не допрашивала? Или для тебя правила одни...

— По крайней мере, те, кого я подозревала в совершении преступления, знали об этом, — сказала Роз. — Я не вваливалась к ним, притворяясь дружелюбной гостьей.

— Почему ты считаешь, что мы были подозреваемыми?

— Конечно, мы были подозреваемыми, — устало сказала Роз. — Робота уничтожили в тот же день, когда мы прибыли, в шести километрах от того места, где мы остановились. Я назвала их любителями, но я не говорила, что они дураки. А теперь спокойной ночи! — Роз протолкнулась мимо Бернис и пошла к лестнице.

— А победителем этого года в номинации на «Награду имени Эйс за тактичность и дипломатичность в межличностных отношениях» становится Бернис Саммерфилд!

Обернувшись, Бернис увидела Доктора.

— Я хотела бы воспользоваться этой возможностью и поблагодарить мой рот, без которого этого бы не случилось.

Доктор улыбнулся.

— Думаешь, мне лучше пойти за ней? — спросила она.

— Сомневаюсь, что это хорошая идея, — сказал Доктор.
— В данный момент Роз есть о чём подумать.

— О чём именно?

— Ну, — сказал Доктор, — судя по слабому, но характерному изменению цвета её глаз, я бы сказал, что о всей своей жизни.

— Её глаз? Ну надо же, кто бы мог подумать, — сказала Бернис. — И ты не собираешься это объяснить, да?

— Завтра ей станет лучше, — сказал Доктор.

— Думаю, Роз никогда не становится лучше, — сказала Бернис. — Только хуже.

Мимо окна пролетело что-то тёмное и круглое.

— Это, случайно, не летающий будуар Криса?

Доктор кивнул. Вдвоём они вышли на балкон и наблюдали за сферой, с ускорением уносившейся над океаном вдаль, тускло поблёскивая в свете Почему-бы-и-нета.

— Что же, — сказала Бернис, — хоть кому-то сейчас хорошо.

Они постояли там, пока спальня не исчезла в темноте. Она подумала, не спросить ли Доктора, не происходит ли что-то, о чём ей следует знать, но решила, что это будет только напрасной потерей времени. Она пошла наверх, оставив Доктора на балконе одного.

Немного поборовшись со своей подвесной ванной, Бернис села на кровать и попыталась записать события дня в дневник, но после вечеринки энтузиазм её покинул. Она сказала Дому потушить свет и разбудить её в девять часов чашкой кофе. Она переживала из-за размолвки с Роз; у неё осталось слишком много воспоминаний о том, что она считала *сложным* периодом с Эйс. Она бы не хотела снова пройти через это.

Бернис чётко помнила тот момент, когда женщина, которая ела пиццу и сравнивала соски, исчезла. Она тогда увидела, как глаза Роз изменились; так резко, словно что-то физическое, как металлическая заслонка, опустилось за ними

и закрыло всё, что было внутри. Глаза стали подозрительными и внимательными, они не выдавали ничего. Это были глаза, которые могли спокойно смотреть на искалеченный труп, выискивая на нём какие-то детали, или изучать убитое горем лицо вдовы в поиске признаков обмана.

Лёжа в своей постели, плотно завернувшись в одеяло, Бернис вдруг поняла, что судья имела в виду под «глазами копа».

Бог следит за тобой, — думал Доктор. Ходи не спеша, говори не спеша, води себя глупо. Бог очень умный, это нельзя забывать, он очень умный. Быть может, он даже умнее? Нет, не стоит так увлекаться. Умный и быстро обучающийся, но не такой опытный, у него не было таких жестоких учителей, какие были у меня. Тем не менее, Верховный Совет боится Людей и действует на упреждение, это единственная настоящая угроза галлифрейскому превосходству. Они настолько боятся, что даже нарушили договор. Догадался ли уже об этом Бог? Повезло, что их материальные склонности смягчают стремление к путешествиям во времени, но не стоит их недооценивать. Верховный Совет мог бы замкнуть их во временной петле, но есть вероятность, что они освободятся и воспользуются полученным опытом для теоретического прорыва в темпоральных технологиях. Опасно. Интегрированное общество машин и людей может смеяться в лицо далекам, бросать лёд за шиворот страха. Держать их подальше от Спирали Маттера, подальше от пространственно-временного узла и, ради всего святого, подальше от Земли. Пока что они соблюдают все условия договора, несмотря на

то, что повелители времени его нарушают. Не совершил ли я ошибку, прибыв сюда? Однозначно было ошибкой впутать в это дело аМ!хитсу.

Но убийство — это хорошо, оно вывело из равновесия Бога, вывело из равновесия Бернис, и Роз теперь есть чем заняться. Оно отвлечёт всех от того, что в бухте. Тяжело поступить правильно; меньшее из двух зол всё равно зло. Надо было уничтожить это сразу, как только я понял; надо было позволить Эйс разобраться с этим в Париже. Но Корабль мог бы меня убить, обмен короля на ферзя — это проигрыш при любом раскладе. В старом наборе голографических шахмат на чердаке ТАРДИС фигурки, когда их бьёшь, вступают в короткий безнадёжный бой. Когда я играл в них с Мелани, маленькие голосочки вопили: одни победно, другие от боли. Это меня так отвлекало, что я проиграл. Боялся сделать победный ход, чтобы не потерять пешку. В итоге потерял их всех, мат в тридцать семь ходов. Урок был не из приятных.

Бог следит, у воздуха есть уши, у воды есть нос. Доктор поёт блюз: «Я родился под плохим знаком, и если бы не плохое везенье, у меня не было бы никакого везенья». Тот тёмный разговор с Ницше в три часа ночи о бездне, сверхчеловеке и монстрах. Я заглянул в них всех, и обнаружил, что я уже там. Из зеркала на меня смотрят глаза Давроса. Я проклял бригадира за то, что он запечатал силурийцев. Я — сам измазанный кровью Скарпо по самые локти. Кто мог подумать, что в далеках столько крови?

«Прочь, проклятое пятно!»⁹ Обещал Бернис в этот раз приятное простое приключение; оказаться где-нибудь и сделать то, что правильно. Знал, что это неправда, ещё тогда, когда задавал координаты. Никогда не бывало простых приключений. Я был просто слишком наивен, чтобы понять это.

Бог следит, все Боги следят.

Ворчат, пока Рим горит. У меня есть сомнения, но сомнения — это хорошо. У Давроса не было сомнений, не было их и у Мастера. Киберлюдям и сонтаранам было всё равно. Они бы не стояли на балконе под нереальным светом искусственной планеты и не задавались вопросом о том, что всё это на самом деле значит.

Сомнения — это хорошо, это они делают меня...

Человечным?

⁹ Из пьесы Уильяма Шекспира «Макбет».

Гипер-людия

Представьте себе сферу или пузырь, если вам так удобнее; неважно, какого размера, потому что она существует в подобласти гиперпространства, где размеры глубины и ширины являются делом вкуса. А теперь представьте себе, что поверхность этой сферы похожа на мыльный пузырь — по всей поверхности радужные разводы. А теперь представьте, что каждый дискретный элемент этого цвета представляет собой аналоговое логическое состояние, способное записывать фиксированный диапазон значений.

А теперь вспомните летний день, один из тех, когда вы были ребёнком и один день мог длиться полжизни. Попробуйте вспомнить всё: точный цвет неба, каждый кусочек съеденной еды, ваши эмоции, что вы делали и о чём думали. Вы, конечно, не сможете. Что-то из этого недоступно, зарыто в подвале вашего подсознательного, а чего-то уже просто нет, его вытеснили более недавние впечатления. Но просто представьте на секунду, что вы можете вспомнить всё, что было в этот день. Это огромное количество данных, которые были отсортированы, каталогизированы, проанализированы и, как уже говорилось выше, отброшены. А теперь нанижите все такие дни на нить и добавьте к ним все утра, ночи, скажем, когда вам было от трёх до девяти лет. Забудьте о полном собрании сочинений Шекспира или о двадцати шести томах «Универсальной Энциклопедии», в них информация переработана и рафинирована. Мы же говорим

об накопленных впечатлениях ребёнка, со всеми их тонкими взаимодействиями настроения и текстурой. Мы говорим о данных, которые сами имеют своего рода жизнь. Мы будем называть совокупность этих данных «детством»; эта величина измерения ничем не хуже других.

Присвоим нашей воображаемой сфере значение в одно «детство». Это, между прочим, консервативная оценка.

А теперь отодвиньтесь от этой сферы так, чтобы она была лишь маленьким пятнышком в центре кинотеатра вашего разума. А рядом с ней представьте ещё одну такую же, во всём идентичную первой и тоже имеющую значение в одно «детство». И третью сферу, а потом ещё одну и ещё, линией идущие от первой. Продолжайте добавлять сферы, но закручивайте эту линию внутрь себя, чтобы получилась спираль из сфер. Когда вы дойдёте до центра, и у вас больше не останется места, у вас будет тысяча шаров и «килодетство» данных.

Поверните эту спираль на девяносто градусов вокруг горизонтальной оси и начинайте добавлять сферы в третьем измерении, добавьте вторую спираль из центра первой спирали. Когда спираль достигнет внешнего края, сместитесь ещё на один уровень и намотайте ещё одну спираль снаружи вовнутрь. Повторяйте это до тех пор, пока не получите цилиндр высотой сто сфер с ёмкостью памяти сто «килодетств». Создайте ещё сто тысяч цилиндров такого же размера, растяните их в длинную линию, а затем аккуратно смотайте эту линию в шар, как шерстяной клубок. Этот шар будет иметь ёмкость в десять миллионов «килодетств» или десять «гигадетств».

Разум среднего дрона состоит из одного из таких шаров. Это даёт им стандартную оценку разумности в восемь раз превышающую разумность среднего гуманоида.

Выстройте такие шары в ещё одну линию и сматайте из них гораздо больший шар. Мы входим в диапазон таких космических величин, который по-настоящему могут понять только машины. Один такой супер-шар имеет ёмкость 13.3 терадетств и это обычный размер разума корабля. Он представляет собой верхний предел возможностей того, что мы ради ясности будем называть техникой шерстяного клубка. Разумы кораблей обладают рейтингом разумности примерно в тысячу раз большим, чем у среднего гуманоида, хотя корабли обычно сами заметят, что после превышения какого-то порога разумности становится невозможно по-настоящему различать степени разумности. С философской точки зрения. Они будут долго рассказывать о роли опыта, о матрицах сенсорного входа и об эндокринных взаимодействиях. Средний гуманоид, если ему удастся при этом не заснуть, скорее всего ответит, что всё это, возможно, правда, но переиграть среднего дрона в шахматы он всё равно не сможет. А корабль ответит, что гуманоид не понял суть, а затем сменит тему разговора на более интересную.

Поскольку мы уже достигли верхнего предела техники клубка, нам придётся сменить парадигмы. Представьте, что эти супер-шары на самом деле двухмерные плоскости, как очень тонкие оконные стёкла бесконечного размера. Представьте примерно миллион таких стёкол, плавающих в подобласти гиперпространства, которая одновременно очень большая и размером с фотон. Как только вам удалось это

представить (только честно), представьте нить, созданную из таких подбластей размером с фотон и, как вы уже догадались, смотайте её в клубок.

Это часть разума Бога. Никто не пытается оценить его разум целиком. Никто не хочет почувствовать себя настолько ничтожным. Триллионы мыслей проносятся в разуме Бога со сверхсветовыми скоростями. Глубоких мыслей, которые протекают так быстро, что ещё до того, как вы завершите фразу, Бог, наверное, уже предскажет весь ход ваших разговоров на год вперёд.

Есть лишь один разум, который в чём-то сопоставим с разумом Бога, но при этом абсолютно другой по своей конфигурации. В данный момент этот разум располагался в капсуле времени, которая постоянно опережает настоящий момент на одну пикосекунду.

Если бы они могли пообщаться, какими бы мыслями поделились эти два абсолютно разных разума? Концепциями настолько великими и невообразимыми, что одно лишь их изложение могло бы нарушить прогресс мироздания. И сейчас оба этих разума, одинокие в своей изоляции, тянутся друг к другу через этот пикосекундный барьер, стремясь к союзу, который ни в коем случае нельзя было допустить.

5. Все ответы

*Он сказал, у него есть ответы
На моё одиночество и страдания
Он сказал мне раскрыть сердце Иисусу
Чтобы Бог облегчил мои страдания*

«Бог об этом знает», Джонни Чесс,
альбом «Чем заняться дождливым вечером вторника»,
1987 год.

На высоком плато позади иСанти Джени было холодно, настолько холодно, что когда Крис вышел из здания клуба, которому принадлежал этот аэродром, его дыхание образовывало облачка. Холод втянул из окружающих долин туман, наполовину скрыв засеянное травой лётное поле. На дальнем конце поля в тумане угадывался главный ангар.

Крис и Доктор пошли к ангару, у них под ногами хрустела хрупкая от инея трава. Над ними пышная архитектура ночного неба серела по мере того, как Бог включал солнце. Крис проверил, что его куртка застёгнута, а меховой воротник отвёрнут. Он надел тяжёлые перчатки, которые нашёл вместе с курткой в раздевалке клуба. Доктор проигнорировал тяжёлую одежду для полётов, предпочтя встретить холод в своём мятом льняном костюме. Наверное, ледяной ветер его не пугал.

Боковая дверь ангара не была заперта. Деп сказала, что на общественных зданиях замков не бывает. Там нельзя было

украсть ничего такого, что не было бы проще заказать в центральных магазинах. Не удивительно, что им нужна была помощь в расследовании убийства.

Биплан ждал за главными воротами ангара, именно там, где сказала Деп. Крис снял перчатку и провёл рукой по нижней стороне нижнего крыла. Обработанная ткань была гладкая и слегка прогибалась, как у биплана, на котором он летал над Ла-Маншем. На ней были даже такие же лёгкие потёртости на элеронах. Но были и отличия: лёгкий скос крыльев назад и сложный изгиб передней кромки говорили о том, что разработчики разбирались в турбулентности лучше, чем их коллеги в начале двадцатого века.

Несмотря на это, Крису так и казалось, что на хвосте должен быть флаг Франции, а на фюзеляже круглый опознавательный значок.

— Красота, — сказал Крис.

— Сойдёт, — сказал Доктор.

Ворота ангара не имели никакой автоматики, Крису пришлось толкать их руками. Большие ворота были хорошо сбалансированы, но всё равно тяжёлые, и от усилий Крис вспотел. Открыв ворота, он ненадолго остановился, чтобы осмотреть аэродром. Жаркое солнце разгоняло туман, деревья в конце лётного поля виднелись тонкими тенями. Крис сделал глубокий вдох. Воздух был чистый и свежий.

Он подумал о свежем запахе волос Деп, ласкавших его лицо и плечи, о том, как он чувствовал страсть в их непрерывном движении, касаниях, и о том, как они сжались вокруг его пояса, когда она, наконец, потеряла контроль.

— Крис?

— Да?

— Мы летим или нет? — спросил Доктор.

— Прости.

Доктор сел сзади, а Крис спереди, с трудом втиснувшись в узкое сидение. На ручке управления висел шлем пилота и защитные очки. Крис натянул на голову шлем и примерил очки. Дисплея, проецирующего информацию на лобовое стекло, не было. Приборная панель была сделана из какого-то дерева, отполированного так, что казалось янтарём. Приборы были довольно простые: индикатор скорости, высотомер, индикатор вертикальной скорости, температура двигателя, давление масла. У приборов были архаичные аналоговые стрелки, помеченные надписями, которые Крис не мог прочесть. Его это не беспокоило. Один край шкалы соответствовал стоянию на месте, другой означал «быстро», а где-то на две трети шкалы, наверное, крейсерская скорость. То же самое и с высотомером, только на нём было две стрелки; когда обе указывают вверх, наверное, находишься на земле.

Крис подвигал ручкой управления и педалями, изогнув шею, чтобы видеть движение закрылков. Всё двигалось плавно, и, убедившись, что он справится с самолётом, Крис обернулся к Доктору, который показал ему два больших пальца. Крис ткнул пальцем в большую синюю кнопку, в которой предположил стартер.

Большой радиальный двигатель завёлся с первого раза, пропеллер завертелся, лопасти стало не видно. Крис на малой скорости выкатил биплан из ангара. Впереди ничего не мешало взлёту, поэтому он проверил, что хвост не заденет

ворота, и дал полный газ. Биплан бросился вперёд, спотыкаясь о пучки травы, его крылья поймали ветер, и нос нагнулся немного вниз.

Полёт начался так быстро, что Криса это застало врасплох. Биплан два раза скакнул по траве и полетел. Крис инстинктивно скомпенсировал рулём снос вправо. Следя за скоростью, он сместил ручку управления, направляя нос в свежее голубое небо. Он почувствовал лёгкое сопротивление рукоятки и руля — ветер бросал вызов его контролю над бипланом. Не сильно, просто небольшое предупреждение о том, что он теперь в царстве аэродинамики, что небо ошибок не прощает, что ценой свободы всегда была опасность.

Крис смеялся, биплан взмывал в небо.

— Ты меня слышишь? — донёсся из встроенных в шлем Криса динамиков голос Доктора.

Со шлема свисал клейкий микрофон. Крис прижал его к горлу, и тот прилип.

— Слышу хорошо, — сказал Крис. — Куда лететь?

— Вначале к берегу, а там я уточню.

— Есть, шкипер!

— Крис?

— Да, Доктор?

— Мне кажется, что правильный термин — «роджер вилко».

— «Роджер вилко».

— Так лучше, — сказал Доктор.

— Доктор?

— Да?

— В какой стороне берег?

— Поверни на девяносто градусов вправо.

Крис начал медленно поворачивать вправо.

— Доктор?

— Да?

— А что означает «роджер вилко»?

— Ну, «вилко» (wilco) это явно от «will comply» (будет сделано).

Крис выровнял самолёт на новом курсе.

— А кто такой Роджер?

— Добавь-ка газу, Крис, — сказал Доктор. — Я хотел бы оказаться над местом преступления *до того*, как опять регенерирую.

Они пролетали над гигантским водопадом. Фонтан брызг от него был таким огромным, таким протяжённым, что издали Крису вначале показалось, что это необычно низкое облако. Огромная река, шириной как минимум километр, петляла по плато, а затем бросалась с обрыва на километр вниз. По мере их приближения шум водопада становился всё громче, и в конце концов он даже заглушил звуки двигателя биплана. Когда они пролетали над кромкой водопада, стрелка высотомера биплана указывала на одну из закорючек, что на опытный взгляд Криса соответствовало примерно четырёмстам метрам. Вода прорезала в более мягком камне обрыва полукруг, оставив колонны из более твёрдого камня, которые торчали из воды словно примитивные статуи. А может быть, вода и не прорезала камень, возможно, всё так было создано изначально.

— Вот это я понимаю, ландшафтный дизайн, — сказал Доктор.

Над водопадом была турбулентность, и Крису было тяжело удерживать ровный курс. Ничего серьёзного, просто слегка трянуло; небо напомнило пилоту, кто тут главный.

За водопадом суша представляла собой широкую полосу лесистых холмов, более зелёных и пересечённых, чем оставшееся позади них плато. Было видно море — расплывчатую бело-голубую линию в далёкой дымке. Крис направил самолёт плавно вниз, а затем выровнял его в тридцати метрах над верхушками деревьев, и дальше повторял рельеф холмов. С этой высоты Крис видел колонии ярко-оранжевых приматов, рассеявшихся среди верхних ветвей в грубо сплетённых жилищах, отдыхая на солнце или прыгая по ветвям, раскачиваясь на руках. При приближении биплана мартышки оторвались от своих дел и посмотрели на него, задрав вверх свои светлые морды, похожие на множество белых цветов. Крис был уверен, что некоторые из них помахали им рукой.

Доктор указал на небольшую бухту и попросил сделать над ней круг. Доктор смотрел вниз, но на пляже никого не было. Когда Крис заложил ещё один вираж, из леса под ними вылетел небольшой объект. Догнав их, он с небрежной лёгкостью полетел рядом. Это был дрон, похожий на киКхали. Доктор представил его Крису как аМ!хитсу.

Дрон спросил у Доктора, слышал ли он об убийстве.

— Слышал, — сказал Доктор. — Я его расследую.

— Что же, это был не я, — сказал аМ!хитса. — Я играл с КОНОм в броуновское движение. Он сможет подтвердить это.

— Ты выиграл? — спросил Доктор.

— У корабля? Шутишь, что ли?

— А зачем тогда играть?

— Я всегда надеюсь, что мне повезёт, — сказал аМ!хитса.

— Было бы неплохо, если бы ты меня навестил в ближайшее время. Наш общий друг несколько оживился.

— О, — сказал Доктор. — Надеюсь, ничего серьёзного?

— Ничего такого, с чем я бы не справился, — сказал аМ!хитса.

— Я заскочу попозже, — сказал Доктор.

— Хорошо, — сказал аМ!хитса, — тогда до встречи! Приятно было познакомиться, судья Кведж.

Дрон отстал и камнем бросился в сторону берега.

— Что ещё за общий друг? — спросил Крис.

Доктор не ответил. Вместо этого он велел Крису повернуть на десять градусов влево.

— И тогда минут через двадцать мы будем над местом преступления, — сказал он.

— А что потом?

— Не знаю, — сказал Доктор. — Это зависит от того, что мы там найдём. Я бы хотел начать с повторения пути ви!Сари в грозу, оттуда продолжим.

— Твой друг аМ!хитса той же модели, что и киКхали, — сказал Крис, — то есть он оборонительный дрон. Я знаю, киКхали сказал, что Бог заметил бы нападение дрона, но что, если он не заметил? Что если дрон придумал способ воспользоваться грозой как камуфляжем? Об этом Бог и ГИМД не подумали.

— Хорошее замечание, — сказал Доктор. — Проверь это, когда мы вернёмся.

Крис не сводил взгляд с берега. Через несколько минут он увидел виллу, форму которой нельзя было ни с чем перепутать, и указал её Доктору.

— Воспользуемся виллой, чтобы пометить край периметра поиска; она будет нашей отправной точкой, — сказал Доктор. — Я вчера запомнил соответствующие координаты.

Примерно на полпути от виллы до иСанти Джени, Доктор велел Крису повернуть к морю и подняться на высоту восьмьсот метров. Они летели прямо, на одной высоте, а через полчаса Доктор сказал Крису развернуться и лететь обратно по тому же пути, но в два раза ниже. Когда они приблизились к берегу во второй раз, Крису показалось, что впереди по пляжу промчалось какое-то животное, но оно пропало раньше, чем они приблизились настолько, чтобы он смог его рассмотреть. Но кого-то он на пляже увидел. Несмотря на расстояние, он узнал маленькую вертикальную фигурку и представил себе, как она нахмурилась, когда он помахал ей крыльями. В ответ она махнула рукой, развернулась, и пошла к городу.

— Это Роз была? — спросил Доктор.

— Да, — сказал Крис.

— Тебя учили прочёсывать территорию?

— Только теоретически, — сказал Крис, — на случай если нас отправят на пограничный мир.

В тридцатом веке на Земле осталось не так уж много открытого пространства, даже океаны загустели от загрязнений.

— Вернись обратно по тому же пути, — сказал Доктор, — но в этот раз прочёсывай полосу шириной около шестисот метров.

— Насколько высоко нужно лететь?

— Скорее уж, насколько низко, — сказал Доктор. — Нужно опуститься до шести метров.

Биплану не нравилось лететь так низко, он всё время задира́л нос из-за взаимодействия ветра с поверхностью воды. Стало ещё тяжелее, когда Доктор, ворча о том, что Крис мог бы выбрать более подходящий самолёт, вылез из своего кокпита, чтобы иметь лучший обзор. Он устроился у основания левого крыла, наклонился навстречу потоку воздуха, одной рукой небрежно держась за пояс, а другой за зонт, ручку которого он зацепил за одну из растяжек крыла. Даже его небольшой вес перекашивал биплан, и Крису приходилось компенсировать это ручкой управления. Ему приходилось быть осторожным, чтобы не перестараться: биплан с готовностью отрабатывал любое движение ручки. На большой высоте это было бы не страшно — там было место для исправления ошибок. Внизу же, у самой воды, неосторожное движение могло их перевернуть так быстро, что не было бы времени ни на что. Совсем не то, что флиттер, в котором даже в ручном режиме автопилот не сводил пристального взгляда с земли. Крис заметил, что вспотел от напряжения.

А Доктор просто висел себе там и с недовольной сосредоточенностью вглядывался в море, как будто он одним усилием воли мог вызвать появление улики.

— Следи за высотой, — крикнул Доктор, когда шасси чиркнули по гребню волны. — Я бы не хотел сейчас начать плавать.

Что он ищет? — задавался вопросом Крис. Что он мог найти такого, чего не мог бы найти Бог? Его внимание привлёк синий огонёк на приборной панели; он подсвечивал шкалу прибора ниже высотомера. Стрелка решительно застряла на самом краю шкалы, последняя треть которой была окрашена в синий цвет.

— Доктор, — сказал он, — кажется, у нас горючее заканчивается.

Двигатель дёрнулся, два раза кашлянул и снова заработал ровно. Ну, молодец, Крис; не будущее время, а настоящее: у нас *заканчивается* горючее, мы *сейчас* будем падать в море.

Доктор ловко забрался в кокпит.

— Набери высоту, пока это ещё возможно, — сказал он, но Крис уже и сам потянул на себя ручку управления. — Мог бы меня и раньше предупредить.

— Французского аэроплана на дольше хватало, — сказал Крис.

— Ты не видишь что-нибудь похожее на запасной двигатель?

Крис торопливо осмотрел приборную панель.

— Нет.

— Иногда, — пробормотал Доктор, — эти люди немного перегибают палку по части достоверности.

Они всё ещё набирали высоту, но Крис чувствовал, что мощность уже не та. Двигатель снова зловеще закашлял. Наверное, они уже летели на парах.

— Как думаешь, до пляжа мы сможем дотянуть? — спросил Доктор.

Крис взглянул туда, где вдали виднелась тёмная полоса берега.

— Не думаю. А нельзя попросить у Бога дозаправку в воздухе?

— Мне бы не хотелось это делать, — сказал Доктор. — Просить о божественном вмешательстве — не мой стиль. Кроме того, Бог никогда не позволит мне расплатиться за это.

Двигатель кашлянул в последний раз и замолк. Крис опустил нос, чтобы сохранить скорость. Внезапно стало очень тихо.

— Я тебе когда-нибудь рассказывал о том, как не люблю плавать? — спросил Доктор.

— Возможно, у нас не будет на это шанса, — сказал Крис. — У этой штуки тяжёлый нос. После касания воды мы можем полететь кувырком и разбиться.

— Ты слишком много общаешься с Бернис, — сказал Доктор. — Мы ещё не обречены. Нам всего лишь нужно какое-нибудь удачное совпадение.

— Например?

— Вон тот океанский лайнер вполне сойдёт.

Крис осторожно, чтобы не сильно потерять скорость, заложил вираж и направил биплан так, чтобы океанский лайнер был виден между лопастями остановившегося пропеллера.

— Внимательно выбирай глиссаду, — сказал ему Доктор. — Он гораздо дальше, чем кажется.

Лайнер был большой, просто огромный. Шестнадцать километров от носа до кормы, как он узнал позже, шириной километр и высотой семьсот метров. Если бы не предупреждение Доктора, Крис мог бы подумать, что они ближе, чем на самом деле, и приводниться за километр до корабля. Но даже и с предупреждением он смог оценить реальный размер лайнера лишь тогда, когда смог различать крохотных пассажиров на палубах. Доктор связался с лайнером по радио и попросил разрешения приземлиться.

— Конечно, — сказал лайнер и зажёл на пустой прогулочной палубе двойную линию из розовых голограмм.

Крис дважды облетел вокруг труб лайнера, чтобы набрать запас высоты за счёт горячего воздуха, а затем направил биплан на посадку.

Это было жуткое приземление, не было слышно ничего, кроме воя ветра в растяжках крыльев. Внизу мелькали прогулочные палубы, игровые площадки, каюты и бассейны, антенны связи и лебёдки, спасательные шлюпки размером с дом, взлётные площадки с неровно припаркованными вертолётами и самолётами вертикального взлёта и посадки. Порывы ветра отражались от бортовых отверстий и дёргали биплан из стороны в сторону. Ручка управления дрожала в руках Криса. Пустая прогулочная палуба неслась им навстречу. Он коснулся палубы в последний момент, вначале задним шасси. Затем палубы коснулись передние шасси, пробуксовали, два раза подпрыгнули, словно не желая садиться. Крис сильно повернул руль, заднюю часть биплана резко занесло вправо и, немного пробуксовав, самолёт остановился в трёх метрах от конца палубы. Ручка управления

продолжала дрожать. Крис не понимал причин этой странной вибрации, пока не отпустил ручку и не увидел, что у него трясутся руки.

— Тебе понравилось? — спросил Доктор.

Крис кивнул, не в силах ничего сказать.

— Это заметно, — сказал Доктор.

Бернис пыталась объяснить саРа!qаве методологию марсианской археологии и почему ей была нужна помощь.

— Что ты хочешь узнать? — спросила саРа!qава.

То, что Бернис и Доктор взялись за расследование убийства ви!Сари, похоже, не удивляло саРа!qаву. Обычно такими вещами занимались ГИМД, но только лишь потому, что люди, входящие в ГИМД, хотели этим заниматься.

— Некоторые люди просто любят везде совать свой нос, — сказала она.

Хуже того, даже Группы Интересующихся были всего лишь коллективами индивидов с общими интересами; не нужно было никуда вступать, не нужно было нигде регистрировать свои интересы. Как бы Доктор ни старался объяснить, Бернис до сих пор не могла поверить, что общество могло функционировать без какой-то структуры. Всё это было так безумно неопределённо.

— Мне нужна помощь, — сказала Бернис. — Я ищу некоторую информацию, но не знаю, как её получить.

— Подожди, пока я с Пахучкой закончу, — сказала саРа!qава.

«Пахучка» была девятимесячным безымянным ребёнком женского пола, одной из шести дочерей саРа!qавы, только вот

Бернис забыла спросить, была ли ей саРа!qава матерью или отцом. Маленькая девочка ревела оттого, что саРа!qава втирала в её пухлый животик увлажняющий лосьон. У малышки были яркие оранжевые глаза, рыжие волосы и, судя по громкости, большие лёгкие. Как и от всех младенцев, которых доводилось встречать Бернис, от Пахучки исходил лёгкий запах кислого молока, почему её и называли Пахучкой. Где-то через год она, наверное, заговорит и станет называть себя «Кака» или «Ага». СаРа!qава сказала, что большинство Людей по мере своего взросления меняли два имени или даже больше, и что она знала нескольких Людей, которые вместо этого называли себя номерами.

Бернис эта идея оскорбляла, наверное, потому, что её ощущение себя было очень тесно связано с её именем. Все её учёные степени были фальшивые, у неё не было определённого места жительства, но её имя принадлежало только ей. Ещё до того, как она стала достаточно взрослой для того, чтобы различать между «я» и «не я», её мать и отец посмотрели сверху, как боги, и подарили Бернис её имя. Маленький набор букв, два слога. Хрупкая основа, на которой строишь свою личность. Это было всё, что осталось у неё от родителей.

Люди же саРа!qавы сбрасывали с себя имена, как змея кожу. Их личности были столь же неопределённые, как и их общество с не-законами и не-организациями. Они расставались с прошлым без забот и шагали в рассвет яркого нового будущего. А что если будущее не такое уж и яркое? Тогда они, блин, построят себе яркое.

Как только саРа!qава закончила, Пахучка сразу прекратила орать. Ребёнок начал скакать у мамы на коленях, размахивая пухлыми ручками.

— Нет, — сказала ей саРа!qава. — Сегодня ты должна ползать. Тебе нужно ползать, иначе ножки атрофируются и отвалятся.

Пахучка начала скакать ещё настойчивее.

— Ой, ну ладно, — сказала саРа!qава. Она подняла ребёнка над головой. — Дом! — громко сказала она, и Пахучка поплыла в воздухе, булькая от удовольствия и описывая круги вокруг кухни.

Давай, девчонка, — подумала Бернис. Зачем ползать, если умеешь летать?

— Ещё одна, которой суждено войти в Группу Интересующихся Странной Авиацией, — сказала она.

— Надеюсь, что нет, — сказала саРа!qава. — Видела бы ты агрегат, который Дед у себя в комнате делает. Она говорит, что он полетит сам, но я бы предпочла, чтобы она приделала к нему пропеллер на всякий случай.

— Базы данных? — напомнила Бернис.

— Расскажи мне, что ты ищешь, — сказала саРа!qава.

Бернис планировала задействовать марсианскую систему сопоставления данных, которой она пользовалась на некоторых из хорошо профинансированных раскопок. Система подразумевала изъятие информации из всех возможных источников, начиная от местных легенд и заканчивая загадочными измерениями биостатистиков, а затем объединение всего этого в единую независимую базу данных. Используя эту базу данных в качестве отправной

точки, добавляешь в неё реальные находки в раскопе, и считаешь, что это предоставит лучший взгляд на ту фигню, которая попала тебе в руки; марсиане свято верили в то, что лишних данных не бывает. Они называли это айикс-сит — телескоп времени.

А ещё на это требовалось шесть недель — ещё одной яркой чертой марсиан было их терпение. Но Бернис рассчитывала на помощь саРа!qавы и на большой опыт народа саРа!qавы по части машин.

Но в реальности это оказалось проблемой, потому что здесь, на Сфере, у машин были права. Что означало, что нужно было не столько запрашивать данные, сколько просить их, причём вежливо.

— То, что у кого-то на уме, — объясняла саРа!qава, — других не касается.

Были тут и неразумные модули хранения информации, но они использовали такой же смещённый гиперпространственный способ хранения данных, как и дроны, корабли и Бог, что означало, что время от времени они спонтанно становились разумными. А это, по словам саРа!qавы, означало, что иногда не знаешь о том, что говоришь с личностью, до тех пор, пока эта личность не начнёт с тобой спорить. Иногда машины ждали сотни лет, прежде чем заявить о себе как о разумных. Почему — никто не знал. Кроме Бога, разумеется. Бог знал всё, во всяком случае, он так утверждал.

Машины не думали так, как люди из плоти и крови, они не подчинялись тем же императивам, которые были защиты в запутанный комок остывшей каши, заменявшей

прямоходящим двуногим систему обработки данных. Машины, созданные человеком, либо вели себя как учёные идиоты, либо были созданы тщательно имитировать человеческое поведение. Бернис подумала, что уже начала тут осваиваться — говорила и думала «машины», а не «роботы». Здесь у машин были собственные мысли, собственные императивы, мотивы и планы, которые зачастую были непостижимы, даже для местных вроде саРа!qавы.

Причём саРа!qаву это не беспокоило — а почему люди *должны* думать одинаково? То, что машины были умнее, быстрее и лучше справлялись с работой, её беспокоило не намного больше. Бернис это беспокоило, и это беспокойство вызвало в ней небольшое чувство вины.

СаРа!qава помогла ей заказать в центральном магазине новый портативный терминал данных, его пообещали доставить через десять минут. Бернис воспользовалась этим временем, чтобы прояснить некоторые термины. «Дроны» всегда были люди, а «дистанционные дроны» были машинами, управляемыми другими людьми, в частности, корабли пользовались ими для того, чтобы побывать там, где они сами не помещаются. Дистанционные дроны также назывались «рабочими», видимо потому, что выполняли все работы. «Конструкции» были дистанционными дронами, которые внешне были похожи на животных, но никогда на людей, потому что это было бы дурным вкусом. «Дома» обычно не были людьми, но время от времени становились ими. Дома, которые становились разумными, иногда меняли тело на корабль или дрона; по каким-то причинам большая доля шаттлов управлялась бывшими домами. У них даже была

своя группа — ГИДО, Группа Интересующихся Домашним Обслуживанием. «В основном рецепты обсуждают», — сказала саРа!qава, — «и как выводить пятна из ценных тканей».

Терминал данных прибыл грузовым лифтом Дома. Размером и формой он напоминал мяч для крокета и был покрыт коротким розовым ворсом. Когда они пожаловались на это, в магазине извинились и сказали, что подумали, что саРа!qава заказала его для одного из своих детей. Они могут выслать другой, но это займёт какое-то время.

— Не стоит, — сказала Бернис, — сойдёт и этот.

Пахучка тоже так подумала: она спикировала на стол и начала играть новой игрушкой.

— Не переживай, — сказала саРа!qава, когда ребёнок попытался засунуть терминал себе в рот, — она не сможет его повредить.

— Как оно работает? — спросила Бернис.

— Просто скажи ему, что тебе нужно, — сказала саРа!qава. — Оно дистанционно связано с сетью и с Богом.

Странно, но именно простота доступа к данным и вызывала у Бернис большую часть проблем. На компьютерном оборудовании, к которому привыкла она, при обработке таких больших объёмов данных всегда были небольшие задержки. А тут, только Бернис ввела запрос, и тут же терминал сказал «готово». И она поняла, что у неё была привычка пользоваться маленькими задержками для того, чтобы собраться с мыслями. Она страдала от информационной перегрузки — как если включаешь душ, а в лицо бьёт поток обжигающей воды.

— Почему ви!Сари так не любили? — спросила Бернис.

СаРа!qава пожала плечами. У них был перерыв на имбирный чай и печенье. Пахучка развлекалась тем, что сбрасывала терминал со стола и прыгала за ним, а Дом возвращал его на место. Бернис заставляла себя не думать о базе данных, пыталась уводить взгляд от экранов, которые висели по всей кухне как геральдические знамёна. Каждый раз, когда Бернис создавала в своей базе данных очередное подмножество, возникал новый экран, хотела она того или нет. Она не могла это остановить, и местами они висели в три слоя.

— Он раздражал людей, — сказала саРа!qава.

— Достаточно сильно, чтобы кто-то захотел его убить?

— У тебя есть дети?

— Нет, — ответила Бернис. — Пока что до этого не дошло.

— Но ты общалась с детьми, присматривала за ними?

— Скажем так: я бывала с детьми в одной комнате, — ответила Бернис. — Некоторые из них при этом даже выжили и смогут это подтвердить.

— Ты когда-нибудь застревала с ребёнком в почемучном цикле?

Бернис посмотрела на неё непонимающим взглядом.

— Это когда ребёнок задаёт вопрос «Почему?» о чём-нибудь очевидном, к примеру, «Почему небо синее?». И ты объясняешь, что атмосфера переломляет свет. А ребёнок спрашивает: «Почему?». И ты ему объясняешь про рефракцию, а...

— Ребёнок снова спрашивает «Почему?», и снова, и снова, — сказала Бернис. — Да, такое случилось.

Чёрт, — подумала она, — да я же сама так с Доктором общаюсь.

— И вдруг ты ловишь себя на том, что пытаешься детскими словами объяснить, что такое элементарная частица, и ты спрашиваешь себя, зачем ты это делаешь, и ты не можешь остановиться, хотя понимаешь, что он снова спросит.

Со мной бы такое не случилось, — подумала Бернис. «Потому что я так сказала» и «Заткнись и ешь» настало бы гораздо раньше субатомных частиц. Наверное, я очень испорченный человек.

— Это одна из самых противных вещей, которые я могу себе представить, — сказала саРа!qава, — а ви!Сари был в миллиард раз хуже.

Почему? — чуть не спросила Бернис. Как бы ни был убит ви!Сари, кто-то ради этого очень сильно напрягся. Что именно сделал ви!Сари такого, что вывело кого-то из себя? Но когда дело дошло до деталей, саРа!qава явно не хотела их обсуждать, и Бернис перестала допытываться.

— Ты не ввела расположение кораблей, — сказала саРа!qава.

— У вас корабли летают внутри Сферы?

СаРа!qава не поняла вопрос.

Проблема с переводчиком ТАРДИС была в том, что он был настолько хорош, что нельзя было понять, когда он ошибается.

— Космические корабли, — сказала Бернис. — Мы говорим о космических кораблях?

— Нет, только не внутри Сферы, — сказала саРа!qава, — но они близко, на причале в Космопорте или рядом. Не знаю больше ничего другого, что могло пристрелить дрона. Если не считать другого дрона.

— Сквозь поверхность сферы?

— О да, — сказала саРа!qава. — ГИПАК придумали для войны много нового оружия. Удалённые стимулированные квантовые сингулярности, управляемые разрывы гиперпространства и что-то под названием «Решётка для скота», о чём никто не рассказывает.

Бернис сказала терминалу выдать список всех кораблей, находившихся в Космопорте или рядом со Сферой во время убийства.

— Лишних данных не бывает, — пробормотала она.

Терминал создал ещё один экран — уже двадцать третий — и спросил, какого радиуса объём её интересует.

— Тридцать световых лет, — подсказала саРа!qава.

И Бернис сказала терминалу «тридцать световых лет», произнеся эти слова быстрее, чем до неё дошёл их смысл. Это не могло быть правильно, ни за что, блин! Ни одно известное ей оружие не имело дальность действия тридцать световых лет. О Боже мой, они могли уничтожить далеков, даже не вспотев при этом. Доктор сказал, что у них договор о взаимном ненападении с *повелителями времени*. Дерьмо! Теперь она в это поверила.

Малышка Пахучка игралась терминалом, наследница цивилизации, которая в любой момент могла проникнуть в человеческий космос и захватить его. Если им такое придёт в голову. Бернис не думала, что они таким занимаются, но

только что саРа!qава говорила о Войне, которая была в недавнем прошлом. О войне не говорят с большой буквы, разве что после неё прошло меньше половины поколения; при большем промежутке война перестанет быть Войной и получает какой-нибудь ярлык: «Тысячедневная война» или «Война за ухо Дженкинса». Что-то, отличающее её от других прошлых войн.

Она вспомнила, что когда-то писала статью о семантике конфликтов, во время особенно мучительно скучного путешествия на разбитом драконианском корабле контрабандистов. Что-то о том, что появление названия у войны, которой ещё не было, создавало ожидание, что она произойдёт. В качестве основного примера она использовала Третью Мировую войну... Или она утверждала, что дав войне название можно уже не воевать? Доктор однажды упоминал Четвёртую Мировую; была ли Третья, или они сразу за Четвёртую взялись?

СаРа!qава сказала, что это была война с какими-то насекомыми, но сейчас уже всё спокойно, и насекомые в конечном итоге оказались неплохими людьми. Один из них был вчера на вечеринке, разговаривал с Роз.

— Они её начали, — сказала саРа!qава.

Да, — подумала Бернис. Разумеется, кто же ещё.

Они попытались узнать радиусы действия оружия, запросив данные о его ТТХ, но оказалось, что в публичных хранилищах такой информации нет.

— Значит, ГИПАК не оставляли этих данных в публичном доступе, — сказала саРа!qава. ГИПАК, разумеется, означало Группу Интересующихся Постройкой

Агрессивных Кораблей. — Ты всегда можешь спросить об этом у Бога, я уверена, что он знает.

— В данный момент я бы хотела обойтись без религии, — сказала Бернис.

— Чтоб тебя молнией поразило! — сказал Бог. — Ой, простите, плохая шутка вышла.

Роз проснулась с навязчивым послевкусием забытых снов, похожих на пустоты в голове. Шатаясь, она прошла в ванную и попыталась смыть это всё холодной водой из-под крана. В ростовом зеркале она увидела своё отражение. Было призрачное воспоминание о ранении. Беззвучное и безболезненное ощущение взрыва между грудей, падение в застоявшуюся воду. Она увидела, как её отражение коснулось кончиками пальцев того самого места и вздрогнула. Рана бластера, в жизненно важный орган. В её коллекции ран, полученных при исполнении обязанностей, такой раны точно не было. Она вынула из своего багажа гель и начала втирать его пальцами в грубые курчавые волосы. Волосы уже начинали спутываться возле корней, давно она их уже не расчёсывала. Она нашла свою афро-расчёску и принялась за работу, безжалостно вычёсывая волосы и пытаясь вспомнить время, когда они были ещё без проседи.

По всей вилле были записки от остальных. Записка Криса светилась в воздухе над кофейником. «Воздушная рекогносцировка места преступления с Доктором». Роз махнула на буквы рукой, и они исчезли. В гостиной Бенни оставила на стопке одежды жёлтую бумажку. В записке говорилось, что сегодня снова будет жарко, и Роз может

пригодиться эта одежда. Искупительная жертва, — подумала Роз. Или же, судя по одежде, просто розыгрыш. Топик без рукавов из какого-то гибрида хлопка и шёлка был ещё ничего, но чтобы влезть в шорты из лайкры, ей пришлось лечь спиной на диван и дрыгать ногами в воздухе. Последнюю записку, написанную на бледно-лиловой бумаге, она нашла в своей кобуре от бластера. Она узнала угловатый почерк Доктора.

Дорогая Розлин. Как ты знаешь, мы здесь столкнулись с интересной тайной. Криса, наверное, будут отвлекать другие интересы. Внимание Бернис тоже будет отвлечено другими вещами. По причинам, которые я не могу назвать, в этих обстоятельствах мои возможности действовать сильно ограничены. Поэтому в вопросе расследования этого дела я полагаюсь на тебя. Постарайся ничего не говорить Богу, разве что у тебя не будет других вариантов.

Доктор.

P.S. Оружие оставь дома.

P.P.S. Тебе может повстречаться дрон по имени аМ!хитса. Он друг и заслуживает полного доверия.

P.R.P.S. Съешь эту записку сразу после прочтения.

Роз сложила бумагу, положила её в рот и начала жевать. Вкус был мятный.

Роз решила прогуляться в город, убеждая себя в том, что хорошее представление о местной физической географии позволит ей сохранить бдительность. Её инструкторы в академии очень настаивали на бдительности, на том, что у следователя должно быть общее впечатление о преступлении, и секулярное, и духовное. Место совершения преступления, — много раз повторяли они, — это не просто место, где

совершено преступление. Это пространство, охватывающее разум и дух жертв, свидетелей и преступников. Оно являет собой аморфную и разъедающую силу хаоса. Задачей следователя является очертить его, придать ему форму. Найти в хаосе порядок.

Обычной работой следователя, считала Роз, было выявить круг подозреваемых и зондировать их разум до тех пор, пока один из них не сознается. Так это происходило на улицах. Виновен, пока не доказано обратное — таким было уличное правосудие. В конце концов, — утверждала уличная логика, — все в чём-то виновны.

Она готова была поспорить, что здесь это не сработает. Слишком, блин, либерально, чтобы позволить зонды разума, а половина подозреваемых — роботы. Люди убивают себе подобных, это она знала не только по уличной логике, но и благодаря статистике. Жёны убивали мужей, дети убивали родителей, а подонки из Нижнего Города убивали других подонков из Нижнего Города. Роз была готова поспорить на состояние своей сестры, что этого робота уколошил другой робот.

На Земле, в середине тридцатого века, если преступление было совершено роботом, нужно было искать того, кто им управлял. Роботы, среди которых она выросла, не имели сознания, а если и имели, то *очень* хорошо скрывали это. Обычно робот был лишь орудием убийства, более изощрённым вариантом обычного ножа в спину. Но не здесь. Здесь у них роботы были с характером, и Роз не собиралась позволить своей предвзятости стать на пути расследования. В конце концов, у Мама Форрестер глупых детей не было.

Что опровергало теорию о наследственной передаче ума.

Роз знала, что ей был нужен ещё один стандартный ход уличных судей — местный информатор.

Женщину Роз встретила там, где дюны примыкали к подножиям холмов. Её первая мысль была о том, что её мама потратила целое состояние, надеясь сделать свою кожу такой же тёмной. Её второй мыслью было то, что она испугнула какое-то странное гуманоидное животное, но при более внимательном осмотре стало очевидно, что перед ней была женщина. Высокая женщина с длинными конечностями и небольшим мускулистым туловищем; голая, она присела посреди дорожки и смотрела на Роз. Её волосы спутались в свисающие на широкие плечи дреды, миндалевидные глаза были угольно-чёрные, нос широкий и плоский. Лицо было определённо человеческое. Но в то же время было в расположении её конечностей что-то животное, что-то звериное в её тёмных глазах. Было в них что-то ещё, что Роз не смогла разобрать; то ли боль, то ли мольба. Роз автоматически потянулась рукой к бластеру, которого на поясе не было, потому что Доктор велел ей оставить его на вилле.

Женщина обнажила свои белые зубы.

Роз в шоке шагнула назад, думая о том, что это последний раз, когда она послушалась Доктора в вопросе личной безопасности.

А затем женщина убежала, она развернулась так быстро и плавно, что Роз едва это заметила.

— Постой! — крикнула она, но было уже поздно, женщины уже не было.

Роз обернулась на раздавшийся позади неё тихий звук. Приплюснутый металлический эллипсоид прошелестел мимо неё в том же направлении, что и женщина.

— Простите, — вежливо сказал дрон и тут же пропал из виду.

На этой чёртовой Сфере все такие эксцентричные? — спросила Роз сама себя. Это не сделает её работу проще. Что-то во внешности этой женщины не давало ей покоя. Люди Сферы обладали очень разнообразной внешностью. Она предположила, что среди двух триллионного населения могло быть некоторое количество людей, внешность которых была похожа на внешность этой женщины. Это должно было быть совпадением, конвергентной эволюцией. В конце концов, Роз была уверена, что она тут единственная чистокровная африканка.

Она дошла до моря и постояла немного, глядя на прибой. Волны постепенно размывали дорожку из отпечатков ног на песке.

— Женщина-Пятница, — сказала Роз, вспомнив старое видео с Робертом Раундтри и Питером О'Тулом. Надо будет спросить о нём у Бернис, сведения о конце двадцатого века были любимой темой Бенни.

Она начала потеть. Снова становилось жарко, а идти по дюнам было очень тяжело, даже в одолженных у Бенни туфлях на мягкой подошве. Вода манила своей прохладой. *Ngizadada ngomso*, — подумала она, вспоминая бабушку, —

покупаюсь завтра. Сегодня я работаю под ясным небом — *Namhlanje ngiyasebenza ngaphansi izulu elizolileyo*.

А ещё *Umakhulu* пыталась научить её правильной женской походке. Боже, она часами ходила с видео-книгой на голове, пока её мама причитала и спрашивала предков о том, как она могла родить такого неуклюжего ребёнка. На пляже Роз вспомнила эту походку — медленные, равномерные, поглощающие расстояние шаги, выработанные во времена, когда женщине могло понадобиться полутра на то, чтобы принести воды. Во времена, которые её бабушка, родившаяся и выросшая на Ио Краале, могла помнить ничем не лучше, чем Роз.

Но под горячим солнцем эта походка была практичной.

Не имеющая чётких границ семья саРа!qавы бросилась вниз по лестнице завтракать, словно стадо слонов на последний водопой перед засухой. Первыми спустились подростки; долговязые и неуклюжие, они шагали сквозь подвешенные в воздухе экраны Бернис и громко распоряжались, что им приготовить. Затем спустился эскадрон детей поменьше, а среди летавших в воздухе пекущихся хлебов вертелась Пахучка. Молодые взрослые, которые все были вчера на вечеринке, тихо заходили по одному и искали средства от похмелья. Бернис было приятно отметить, что иногда саРа!qаве приходилось орать на детей, как любой нормальной матери. В конце концов Бернис и саРа!qава были вынуждены уступить их численному превосходству и выйти на улицу. Потребовались невероятные усилия для того, чтобы Пахучка выпустила из рук терминал.

Бог утверждал, что сегодня будет чудесный день, поэтому они пошли на набережную. Когда они шли, экраны с данными гуськом двигались за ними, как послушные дети — оксюморон, на котором настаивала саРа!qава — их изображения оставались чёткими даже в свете яркого солнца.

Они выбрали на западном краю набережной бистро, из которого открывался хороший вид на гавань. Был прилив, море залило галечный пляж, и разношёрстный набор лодок раскачивался на волнах. Несмотря на это, художник, которого Бернис видела вчера, по-прежнему тяжело трудился, стоя по голени в воде и восстанавливая свою картину. Бернис спросила у саРа!qавы, кто это такой и останавливается ли он когда-нибудь.

— Это беРут, — сказала саРа!qава, — он уже много лет работает над своей ужасной картиной. В прошлом месяце он её уже почти закончил, но микро-цунами смыло некоторые части.

— А ему никто не говорил, что он не умеет рисовать?

СаРа!qава нахмурилась. Ей это явно ни разу не приходило в голову.

— Сомневаюсь, — сказала она. — Он никому не мешает, да и разговорчивым его не назовёшь.

Были на набережной и другие люди: кто-то прогуливался, кто-то сидел за столиками напротив ресторанов. СаРа!qава хотя и признавала, что в любом заведении на всей Сфере можно было заказать идентичные напитки, всё равно настаивала на том, что в каждом заведении была своя собственная атмосфера.

С гавани доносились крики и смех: группа подростков возилась у одного из океанских тримаранов. Дистанционный дрон короткими пульсациями силового поля чистил набережную. Вдали, в конце волнолома, Бернис увидела парочку неопределённого пола людей, обнимавшихся и тёршихся носами, или что тут обычно делали парочки. Во всём этом было курортное настроение, и Бернис с шоком осознала, что здесь такое настроение было всегда.

Многие проходившие мимо люди останавливались ненадолго у их столика, чтобы поздороваться с саРа!qавой и представиться Бернис. Кто-то размером с человека и формой как у таракана подошёл к ним и поблагодарил за чудесную вчерашнюю вечеринку.

— Надеюсь, что вашей подруге сегодня уже лучше, — сказал таракан Бернис. — Передайте ей, пожалуйста, от меня привет.

— Обязательно передам, — сказала Бернис.

Мимо прошли четыре женщины человеческой внешности, на них были шляпы с огромными полями, они толкали огромное кресло-каталку. Что-то коснулось её памяти, словно бабочка задела крылом. Бернис повернулась к саРа!qаве спросить о том, кто эти женщины, но когда она снова посмотрела в их сторону, их уже не было. Лишь когда в её ушах снова раздался плеск волн о стену гавани, она поняла, что только что этот звук пропадал.

— Неужели эта грубая штукавина чем-то поможет? — спросил Бог.

— Если бы разгадка этого убийства была просто вопросом поиска в нужной базе данных, вы бы его уже

разгадали, — сказала Бернис. — Разве не так, мистер Всеведущий?

— Пожалуйста, не называйте меня так, — сказал Бог. — Слишком много людей считают, что это правда.

— А разве это не так? — спросила саРа!qава. — Я первый раз такое слышу.

— Я всего лишь очень хорошо осведомлён, — сказал Бог. — Это не одно и то же.

— А почему тебя тогда называют Богом? — спросила Бернис.

— Это была шутка, прозвище, которое я получил, когда создавал себя.

— Что же, если ты можешь ненадолго сойти со своего пантеона, — сказала Бернис, — то скажи, не замечал ли ты в ночь убийства большие всплески энергии?

— Помимо гигантской грозы?

— Помимо неё.

— Ничегошеньки.

— Значит, отложим эту версию.

— Это Роз? — спросила саРа!qава, указывая на берег.

— Я не уверена, — сказала Бернис.

Это могла быть Роз, но походка была совсем другая. Движения были медленные, расслабленные, бёдра покачивались так, как не было свойственно той Роз Форрестер, которую знала Бернис. Женщина увидела, что они на неё смотрят, и помахала им рукой; Бернис тоже помахала в ответ. Женщина пошагала к ним, быстрым нетерпеливым шагом, который было так легко узнать, что Бернис подумала, не обманулась ли она до этого. Это всё из-за солнечных

бликов на воде, — сказала она себе. Мне нужны солнцезащитные очки.

— Как дела? — спросила Роз.

Бернис рассказала ей о телескопе времени и об обидных пробелах, связанных с тем, что данные хранились в чьём-то разуме. Роз нахмурилась, услышав о кораблях и об их дальнобойном оружии. Она сказала, что попробует заполнить некоторые из пробелов.

— На вечеринке я познакомилась с мужчиной по имени феЛикси, — сказала она саРа!qаве. — Он далеко живёт?

— На другой стороне города.

Роз спросила как туда пройти, и саРа!qава указала вдоль набережной, сказав, что в конце нужно свернуть налево и найти самое странное здание — это и будет дом феЛикси.

Когда Роз отошла достаточно далеко, саРа!qава повернулась к Бернис и приподняла бровь.

— Ну, — сказала она, — что думаешь?

— Я определённо не собираюсь об этом думать, — сказала Бернис.

— А что это за игра такая — броуновское движение? — спросил Крис, надеясь отвлечь Доктора от следующего удара.

Доктор, прищурившись, взглянул вдоль палубы, оценивая углы. Красная шайба-цель была в данный момент в центре сетки из нарисованных на палубе белых квадратов. Крису удалось разместить три свои жёлтые шайбы почти линией между красной шайбой и стартовой линией. Он не понимал, как Доктор собирается его обойти, разве что с помощью

хитрого удара с рикошетом от стены каюты, но вдоль неё было множество ножек диванов и шезлонгов.

— Это игра на угадывание, в которую играют машины, — сказал Доктор. — Они помечают молекулу и пытаются предсказать, где она окажется через какой-то промежуток времени. На простейшем уровне используется жидкость, на следующем уровне газ, а сложнее всего проследить движение молекулы в перегретой плазме.

Доктор занёс клюшку, примерился, а затем небрежно ударил ею по шайбе.

— Есть множество других факторов, — сказал Доктор. — Период времени, энергетическое состояние среды.

Поначалу казалось, что шайба движется прямо, затем она внезапно пошла по дуге, описала полукруг вокруг шайб Криса, замедлилась и легонько ткнулась в красную шайбу-цель. От наблюдавших за игрой людей донеслись редкие аплодисменты.

Крис посмотрел на Доктора.

— Всё дело в движении кисти руки, — сказал Доктор.

И Крис оказался перед проблемой расположения своих шайб. Чтобы набрать очки, его шайба должна была оказаться ближе к красной, чем синяя шайба Доктора, но шайба Доктора уже касалась красной.

Значит, Крису нужно было придумать способ сдвинуть шайбу Доктора и протиснуть свою шайбу между ними. По правилам, это должна была быть та шайба, которой делается удар; нельзя подтолкнуть одну из предыдущих шайб ближе. Он думал, что играет умно, планирует наперёд, строит барьер из своих шайб, но Доктор запустил свою синюю в обход

барьера. Напрасно он пытался обхитрить Доктора, у которого в рукаве всегда был припасён новый фокус. Теперь у него осталось два удара, а у Доктора один. Крис видел возможность выиграть, но для этого нужно было хитрить. И первым шагом было заставить Доктора думать о чём-то другом.

— Чтобы двигать такой большой лайнер, наверное, нужен огромный термоядерный реактор, — сказал он.

— Вообще-то, нет, — сказал Доктор. — Для этого потребовалось около двадцати турбин, которые за счёт сжигания водорода вращают четыре больших винта.

— Боже, — сказал Крис, выталкивая свою шайбу на стартовую линию, — откуда ты знаешь?

— О, это просто, — сказал Доктор. — Пар выдаёт тип используемого двигателя, и я сосчитал число труб, когда мы подлетали... О, не повезло.

— Чёрт, — сказал Крис. Он смотрел, как его шайба остановилась — именно там, где он и хотел. — Раз уж всё равно водород используется, то почему не термоядерный реактор?

— Эстетика, наверное, — сказал Доктор. — Океанский лайнер, идущий на всех парах, выглядит грандиозно. Я тебе о «Титанике» никогда не рассказывал?

— Нет.

— О, это был великолепный корабль, — Доктор запустил свою шайбу вдоль палубы. Она описала траекторию, зеркальную предыдущей, и остановилась по другую сторону от шайбы-цели. В точности, как и предвидел Крис. —

Невероятно передовой для своего времени, этот «Титаник»; его называли непотопляемым.

Крис пересёкся взглядом с наблюдавшей за игрой женщиной, облокотившейся на стену в неудачном месте. Он жестом попросил женщину отойти оттуда. Он обернулся посмотреть, заметил ли это Доктор.

— И что с ним было?

— Утонул во время первого плавания, — сказал Доктор.

— Трагедия. Не повезло, вообще-то, потому что идея запечатываемых секций была здравая.

Крис замахнулся и ударил по своей шайбе с такой силой, что первые десять метров она летела над палубой. Вначале всё шло по плану. Шайба отлетела от стены, ударилась о предыдущую шайбу, а та оттолкнула шайбу Доктора от шайбы-цели. А затем всё пошло хуже. Первая шайба отлетела не под тем углом и ударила по одной из шайб барьера, которая ударила шайбу-цель, и в тот же самый момент — к этому моменту Крис уже не успевал за всем следить — ещё одна шайба ударила по цели с другой стороны. Первая шайба ударила по ещё одной шайбе, отскочила от палубы, потом отразилась от перил и ударила по цели. Раздался звук, похожий на треск разбитого стекла.

Раздались редкие ироничные аплодисменты.

— Да, — сказал Доктор, — я так и думал, что ты сделаешь что-то в таком духе.

Они пошли по палубе, чтобы осмотреть нанесённый урон. Верхняя поверхность шайбы-цели треснула. Доктор поднял шайбу и повертел её в руках.

— Когда молния не является молнией? — спросил он.

Крис, зная, что от него требуется вопрос, а не ответ сказал:

— Не знаю. Когда молния не является молнией?

— Когда она является энергетическим оружием, — сказал Доктор. Он бросил повреждённую шайбу на палубу. — Боюсь, ви!Сари эта шутка тоже не показалась бы смешной.

6. Лица в воде

Неровно струится очередной противный день.

Мне нужно раздобыть оружие

и пристрелить твоего брата

Внизу, в Нижнем Городе.

Нужно сбежать, пока меня не схватили.

«Правда судьи», Хит с характером,

альбом «Терроформированные»,

2952 год.

Она брела по пояс в мерзкой воде одного из безымянных каналов Нижнего Города. Левое плечо у неё болело, на доспехе появились новые повреждения, на правой щеке появился рубец. Когда она боролась с метаморфом, вода мешала ей быстро двигать ногами. Она устала, ей было больно, она хотела лечь и заснуть.

— Да бога ради, — крикнула она, — остановись уже, чтобы я тебя убила.

Возможно, метаморф её услышал — он прекратил бежать. Возможно, он тоже уже устал от погони.

Даже ещё до того, как метаморф повернулся к ней лицом, Форрестер знала, с ужасной уверенностью понимала, чьё лицо метаморф позаимствовал в этот раз.

Её бластер был тяжёлый, его рукоять намокла и стала скользкой. Он оттягивал её руку вниз, мешал ей принять

положение для стрельбы. Из рамки прицела на неё смотрело её собственное лицо.

Умоляющие глаза были широко раскрыты.

Форрестер большим пальцем настроила бластер на максимальную мощность.

Метаморф протянул к ней руки.

Она выстрелила в грудь.

Она увидела на своём лице удивлённый взгляд, а в груди дыру размером с кулак. Смотрела, как она упала в вонючую воду.

Кто-то назвал её по имени... Мартл?

Форрестер позволила руке с бластером безвольно повиснуть.

Кто-то назвал её по имени... феЛикси.

С ней всё было в порядке, метаморф был мёртв уже пять лет, а она была очень далеко от Нижнего Города. Она лежала в кресле у феЛикси, в комнате для прослушивания, а тихий рёв был звуком моря. Свет был слабый, над ней было бледное пятно лица феЛикси.

— Что произошло? — спросила она.

— По словам аТракси, ты пила «воспоминание».

— Оно розовое?

— Да, — сказал феЛикси.

— О, — простонала Роз. — На вечеринке. Что оно делает? А, я поняла... Стимулирует память.

— Его нужно чем-нибудь разбавлять. Вот, — феЛикси протянул ей бокал, — выпей этого.

Роз опасливо взяла бокал.

— А что это?

— Нечто под названием «чистка».

— Не очень романтическое название.

— Напиток тоже не очень романтический, — сказал феЛикси. — Но он должен немного прочистить твою голову.

Роз глотнула немного. Вкуса не было никакого, как у дистиллированной воды.

— Ты можешь включить свет? Мне сейчас не помешает немного резкой нереальности.

Когда саРа!qава сказала «странный», она имела в виду *странный*. Дом феЛикси был похож на ракету, встрявшую носом в землю. Не на космический корабль, а на полноценную карикатурную ракету цвета старой латуни, с тремя стабилизаторами, торчащими в воздух над неправдоподобными дюзами, и с двойной линией иллюминаторов спереди. Он был между двумя нормальными зданиями и наклонялся назад градусов на десять. От улицы его отделял белый штакетник. Была калитка, от которой дорожка из неровно уложенной плитки вела к короткому земляному подъёму перед раскрытой дверью перевёрнутого шлюза. Позже феЛикси сказал ей, что дверь не закрывалась.

Внутри было ещё хуже: перекошенные полы/потолки, к которым намертво была приделана мебель. На каждый следующий этаж нужно было лезть по лестнице. Весь четвёртый этаж занимала сферическая камера, висевшая на шарнирной подвеске, чтобы её пол был ровным. Установленные на одном из стабилизаторов сенсоры улавливали внешние звуки и передавали их в камеру. ФеЛикси назвал это своей «комнатой для прослушивания».

— Я люблю слушать море, — сказал он Роз, когда она только пришла. — Это успокаивает.

Слишком успокаивает, как на её взгляд; этот звук нагонял на неё сон и воспоминания. На эти две вещи, по мнению Роз, у неё было мало времени, но после прибытия на Сферу именно ими она занималась чаще всего. Может быть, — подумала она, — это старость так проявляется. Быть может, когда позади осталось больше лет, чем ждёт впереди, баланс жизни нарушается; начинаешь оглядываться назад. А может быть, просто нужно проверять, что в налито бокал, прежде чем пить.

— Вообще-то, — сказал феЛикси, — таким как мы вообще не стоит это пить. Оно стимулирует яркие воспоминания, а это редко приятно.

Роз села в кресле и свесила ноги.

— Сейчас мне уже лучше.

— АТракси говорит, что большая часть «воспоминания» уже вышла из организма.

— АТракси? Кто это?

ФеЛикси скривился.

— Мой дом, — сказал он. — Я дал ему имя. Ну, я подумал, что раз уж он в виде корабля, а у кораблей есть имена... — он замолчал и изумлённо посмотрел на Роз. — Тебе это ничего не говорит, да?

Роз удивилась:

— Почему бы и не дать своему дому имя?

ФеЛикси сел на край звездолётного кресла.

— Имена должны быть только у людей, — сказал он. — Иначе возникает путаница.

— Он не?..

Он усмехнулся:

— Однозначно нет. Вообще-то, я установил самую тупую машину, которую только смог найти. Я за десять лет побывал на разных кораблях, и провёл столько времени с очень умными машинами вроде ОАКов, что захотелось побольше глупости.

— Ты знал ви!Сари? — спросила Роз.

— Ты меня подозреваешь? — удивлённо спросил он.

— Нет, — сказала Роз, — просто мне интересно.

— Я знал его только во время войны, хотя я знал, что он поселился здесь, в иСанги Джени. Сомневаюсь, что кто-то его реально *знал*. Машины бывают антисоциальными точно так же, как и органические.

— Он не был тут популярным, — сказала Роз. — Ты знаешь, почему?

— Он часто делал то, что раздражало других.

— Например?

— Приходил на вечеринки, на которые его не приглашали. Не смейся, тут это оскорбление. А ещё был слух, что это ви!Сари вызвал микро-цунами, которое смыло картину беРута.

— Зачем?

— А ты видела эту картину? — спросил феЛикси. — Ви!Сари, наверно, думал, что сделает нам всем большую услугу, стерев такое. БеРут — ещё один, кого не приглашают на вечеринки. Вообще-то, я удивлён, что они не были друзьями. У них много общего.

— За исключением того, что беРут всё ещё жив.

— Да, — сказал фелИкси, — за исключением этого.

Мгновение неподвижности, а затем гравитация берёт тебя и тащит вниз. Доктор потянулся правой рукой к груди, и дёрнул за ручку с надписью «Потяни меня». Раздался треск раскрывающейся ткани; во всяком случае, он надеялся, что это не треск чего-то другого. Если это было что-то другое, его спуск на землю окажется гораздо более быстрым, чем он рассчитывал. Подвесная система схватила его подмышками и встряхнула — просто для привлечения его внимания. А затем он повис под прямоугольным пологом. Он посмотрел вниз. Далеко внизу грудой белых корпусов виднелся и Санти Джени. Перед тем, как выпрыгнуть, он попросил Криса подняться на две тысячи метров. Чтобы в случае неисправности парашюта у него было время что-нибудь придумать. Например, завещание.

Как только Доктор сориентировался, парашют заговорил с ним. У него был хороший голос, глубокий и успокаивающий. Если бы сенбернары умели разговаривать, они бы разговаривали именно так.

— Добрый день, — сказал парашют. — Хотя обычно меня классифицируют как технологическое устройство двадцатого класса, я бы хотел воспользоваться этой возможностью, чтобы заверить вас в том, что во мне есть полный набор мер безопасности, которые сделают ваш спуск как можно более приятным и безопасным.

Жаль, что Крис не выбрал что-нибудь более практичное, чем биплан, что-нибудь с возможностью вертикального взлёта и посадки, способное приземлиться прямо на набережной.

— В данный момент мы находимся на высоте тысяча пятьсот шестьдесят метров, скорость спуска двадцать километров в час. У вас есть какие-то предпочтения, где бы вы хотели приземлиться, или вы предпочитаете плюхнуться где попало?

— На набережной, если можно.

— Как скажете, — сказал парашют.

Мимо них прожужжал биплан. Доктор помахал рукой Крису, чтобы показать, что всё в порядке.

Интересная расстановка приоритетов, — подумал Доктор. Биплан тупой, как пробка, а парашют почти разумный.

— Хотите, я включу музыку? — спросил парашют.

— А у вас есть что-нибудь Дьюка Эллингтона?

— Боюсь, нет.

— Включите что-нибудь успокаивающее, соответствующее моменту.

Заигравшая музыка была похожа на классическое произведение для духовых, струнных и ударных. В мелодии было эхо, казавшееся знакомым. В памяти Доктора всплыли слова, но они относились к более грубому веку и к другой планете, далеко-далеко отсюда. «Да, это он в городе/ он тут просто околачивается». Одна из любимых групп Эйс, — подумал он, — «the Garrotters», или как-то похоже. Из комнаты Эйс поначалу доносилось очень много странных звуков.

Надо бы чаще падать с неба, — решил он. Это очень спокойно и даёт возможность подумать.

Парашют сообщил ему о том, что они опустились ниже восьмисот метров. С этой высоты он уже мог различить

Бенни, сидевшую с саРа!qавой возле бистро. Люди на набережной смотрели вверх и указывали пальцами.

— Я передумал, — сказал Доктор. — Я хочу приземлиться на пляже.

— На том, который сейчас покрывает полметра воды?

— Да, именно на нём.

— Вы в курсе, что там полно надводных суден?

— Что же, приземлите меня где-нибудь в промежутке между ними.

— А у вас запросы не из простых.

— Если хотите, я могу это сделать сам, в ручном режиме.

— Нет-нет, что вы — сказал парашют. — Кровь с купола очень плохо отстирывается. Я сам всё сделаю.

— Спасибо.

— Вы промочите ноги.

— Я это переживу.

— Я промокну.

— Вы это... вы сохраните свою работоспособность.

— О, какое облегчение.

— А можно вам личный вопрос задать?

— Задавайте.

— А не слишком ли вы умный, чтобы управлять парашютом?

— Это хобби.

— О.

— Я из Группы Интересующихся Эзотерическими и Бесплезными Генетическими Манипуляциями. Большую часть своего времени я занимаюсь разработкой абсолютно

ненужных типов деревьев. А на те случаи, когда мне хочется прогуляться, у меня есть дистанционный дрон.

— А почему вы не пользуетесь телом дрона постоянно?

— Ну, — сказал парашют, — когда у тебя есть постоянное тело, все ждут, что ты будешь что-то делать. Мой рейтинг всего лишь 1.3, поэтому они пытаются мною пользоваться.

— И вам нравится быть парашютом?

— Приятно быть кому-то нужным, — ответил парашют.
— Внимание, скоро земля!

Доктор погрузился по колени в воду. По обе стороны от него были лодки, и он мог коснуться обеих, даже не расправляя руки.

— Отличная точность, — сказал он.

— Погодите минутку, мне нужно перепаковаться. Стропы на плечах Доктора натянулись, и парашют сложился обратно в ранец. — Можете меня снять.

— Вас куда-нибудь подбросить? — спросил Доктор.

— Ха-ха, — сказал парашют. — *Подбросить* меня. Очень смешно. Набережная меня устроит. Оттуда я вызову свой дистанционный дрон.

— Это может отнять какое-то время. Я хочу вначале поговорить кое с кем.

— Обо мне не переживайте. Я о своих деревьях могу где угодно думать.

Доктор побрёл к окружавшей гавань стене.

— А что за деревья?

— Я разрабатываю дерево, которое сможет расти на астероиде.

— Ну, это довольно просто, — сказал Доктор. — Атавистическая кремниевая внешняя оболочка, листья из галлий-мышьяковых солнечных панелей, от них запитаны пико-электрические систолические насосные системы.

— Это всё довольно просто, — сказал парашют. — Сделать его похожим на яблоню — вот в чём загвоздка.

Доктор дошёл то той части гавани, где работал художник, и обернулся через плечо.

— В искусстве я плохо разбираюсь, — сказал он, — но когда вижу картину, то не могу пройти мимо.

— Идите отсюда, — сказал художник, не отрывая взгляда от своей работы.

— Меня зовут Доктор, а это мой друг Парашют. Мы проводим исследование от имени Всесферного Общества Популяризации Интересного и Слегка Экспрессионистского, Группы Интересующихся Настенной Живописью...

Доктор на мгновение замолчал, чтобы вспомнить, что он хотел сказать.

— Нам интересно узнать, действительно ли артистичные натуры более наблюдательны, чем обычные люди. Нам особенно интересны преходящие моменты, к примеру... грозы. Да, это подходящий пример. К примеру, вы прошлой ночью не заметили ничего необычного?

— Мне это не интересно, — сказал художник. — Уйдите.

— Что же, в таком случае мы вас оставим, — сказал Доктор, — хотя я должен заметить, что мне особенно нравится вон та необычная туча, такой тягостный коричневый цвет. Песчаная буря, не так ли? Ладно, я пойду.

Плюхая ногами, Доктор направился к ближайшей лестнице.

— Какой приятный собеседник.

— Вы знаете, — сказал парашют, — я не понимаю, как вы, люди, терпите людей.

— Это благодаря нашему аппаратному устройству, — сказал Доктор.

— Можно задать вам вопрос?

— Конечно.

— Для того, кто сделан из углеводов, вы излишне умны, не так ли?

— Это моё хобби, — ответил Доктор. — А как отсюда подняться на набережную?

— Справа от вас есть лестница.

Поднявшись по лестнице, он снял с плеч парашют и задержался, чтобы вылить из туфель воду. Бернис и саРа!qава, увидев его приближение, помахали ему руками и подняли бокалы в ироничном тосте.

— Как это мило с вашей стороны броситься ко мне на помощь, — сказал он.

— Мы предположили, — сказала Бернис, — что ты приземлился на воду намеренно.

Поскольку это была правда, ответить ему было нечего, и он просто сел, стараясь не обращать внимания на свои чавкающие туфли.

— Ты нашёл что-нибудь полезное? — спросил его лежавший на столе пушистый терминал.

— Это ты, Бог? — спросил Доктор.

— Единственный и неповторимый, — сказал Бог.

— Он явился, когда мы работали, — сказала Бернис, — и теперь мы его никак не выпроводим.

— Доктор не ответил на мой вопрос, — сказал Бог.

— Тебе что, нечем больше заняться? — спросила саРа!qава. — Например, проверить системы переработки канализации?

— Что же, я уверен, что это было убийство, — сказал Доктор, — и мне кажется, что я знаю как его совершили.

— Средства, возможность, мотив, — сказала Роз.

Доктор кивнул:

— Мы знаем средства.

— Это действительно возможно? — спросил феЛикси. — Разве можно придать молнии такую гармоническую структуру?

Бернис исподтишка поглядывала поверх очков на феЛикси. Он был не совсем таким, каким она его представляла; он почему-то казался слишком безобидным, его лицо было немного излишне незапоминающимся, чтобы привлечь Роз. Впрочем, для тайного агента незапоминающееся лицо было, наверное, полезным качеством, а Роз была уже слишком старой, чтобы интересоваться только внешностью. Бернис улыбнулась, заметив положение плеч подруги и то, как она при разговоре слегка подавалась в сторону феЛикси. Роз он заинтересовал, её движения не вызывали в этом сомнений, но в то же время Бернис была уверена в том, что сама Роз ещё не знала, что он её заинтересовал.

— Да, — сказал Доктор, — но источник электрического разряда должен был быть искусственный.

Гипотеза Доктора состояла в том, что некто неизвестный или группа неизвестных ударили ви!Сари электрическим разрядом со специальной модуляцией. Он утверждал, что при правильном подборе гармоник заряд бы не только сломал защитные щиты дрона, но и превратил бы его в летающий аттрактор молний. Следующим же ударом молнии ви!Сари выжгло бы мозги. Бог отнёсся к этому скептически: защитные оболочки дрона были сделаны из переплетённых силовых полей, каждое установлено со своей модуляцией, что было сделано специально для защиты от такого рода атак.

— Он не обязательно должен был быть искусственным, — сказал феЛикси. — Природный статический разряд мог быть видоизменён для обеспечения нужных гармоник.

— И вообще, — сказала Бернис, — Бог бы это заметил.

— Но не всплеск энергии, — сказал Доктор. — Его бы замаскировала гроза. Правда ведь, Бог?

Все посмотрели на пушистый терминал в центре стола, отказывавшийся говорить.

— Хватит уже обижаться, — сказала саРа!qава. — Ответь на вопрос.

— Ты сказала, что хочешь, чтобы я ушёл, — сказал Бог.

— Забудь, что я сказала. Могла ли гроза замаскировать электрический разряд?

— Видимо, бесполезно ожидать последовательности от того, кто думает при помощи биохимических реакций. Да, это возможно. Я сейчас проверяю данные заново.

— Если предположить, что именно так оно и было, — сказала Роз, — у кого была физическая возможность это сделать?

— У другого дрона? — предположил фелЛикси.

— Мы проверили всех дронов Сферы, — сказала Бернис. — Они все учтены. Вы не представляете, как много из них сказали, что занимались в это время составлением букетов.

— А как насчёт дистанционных дронов? — спросила Роз.

— Я бы всё равно заметил, — сказал Бог. — Их энергетические установки имеют такую же сигнатуру, как и у разумных дронов.

— Значит, никто не разрабатывал дрона, способного замаскировать свою энергетическую сигнатуру?

— Незаметный дрон? — спросил Бог. — Какая интересная мысль. Если и есть настолько незаметный дрон, то я его не видел.

— Значит, это возможно, — сказал Доктор.

— «Незаметный дрон» — «я его не видел»? Никто не понял?

— Все это поняли, — сказала саРа!qава, — просто никому это не показалось смешным.

Бог сказал, что возможность дрона-невидимки можно не рассматривать, и был готов объяснить причины любому, у кого было на это лет шесть-семь свободного времени. Бернис немного испугалась, что Доктор может согласиться.

— Тогда остаются только корабли, — сказала Бернис.

— Корабль мог такое сделать? — спросил Доктор. — Вернее, мог ли корабль настроить своё оружие так, что Бог не заметил его применение?

— Только с близкого расстояния, — сказал Бог.

— С насколько близкого? — спросила Бернис.

— Меньше, чем с триллиона километров.

Роз пролила свой напиток. Бернис спросила, сколько в этих пределах находится кораблей, и кто из них способен такое сделать.

— Четыре ОАКа и один из КОНов, — сказал Бог.

Их имена появились на одном из плавающих экранов. Бернис узнала одно из них:

— А ви! Сари, кажется, на С-Львице служил.

— Да, — сказал феЛикси, — одновременно со мной.

— Значит, вы были знакомы? — спросила Бернис.

— В команде из шестисот людей, — сказал феЛикси, — знакомишься с каждым.

— Каким он был? — спросила Бернис.

— Молодой, — сказал феЛикси. — Идеалист, как и все остальные. Помню, у него был талант к разведке. Он был ранен в том неприятном случае на Типор'узисе.

— Может быть, это и есть причина того, что его было легко уничтожить, — сказала Роз, — потому что он уже был повреждён?

— Повреждён был только его разум, — сказал феЛикси.

— О.

— Он сразу после этого был переведён на другой ОАК, — сказал феЛикси. — На Р-Вене.

— Плохой корабль, — сказал Бог. — Убил много людей без веских на то причин.

— То ли дело убивать их по веской причине, — сказал Доктор. — Мне всегда было интересно, ценят ли жертвы это отличие?

— А это разве не тот корабль, который был дезинтегрирован? — спросила саРа!qава.

— Насколько мне известно, да, — сказал феЛикси.

— А можно узнать, чем ви!Сари занимался на этом корабле? — спросила Роз.

— В этом я вам не могу помочь, — сказал Бог. — Об этом вам придётся спросить у Группы Интересующихся Ксено-Отношениями (Нормализацией). Ведением войны занимались они, и мне они ничего рассказывать не хотят.

— Почему? — спросила Бернис.

— Потому что я был против этой войны, и они мне этого не простили.

— То есть ты пацифист?

— Нет, — сказал Бог. — Я исключительно крупная цель.

— Средства, — сказала Роз, пытаюсь вернуть всех к расследованию.

— Кто-то, имеющий доступ к очень крутым технологиям, — сказала Бернис.

— Корабль или дрон, — сказала саРа!qава.

— Ну давайте, — сказал Бог. — Обвините машину.

— Возможность?

— А это не то же самое, что и «средства»? — спросила Бернис.

— Не обязательно, — сказала Роз. — Кто-то знал, что ви!Сари будет лететь в грозу.

— Это если ви!Сари и был целью, — сказал феЛикси. — Бедолага мог просто под руку подвернуться. Может быть, кто-то хотел испытать новое оружие или просто не любил дронов.

— Ты что, хочешь сказать, что это Группа Против Машин? — спросила саРа!qава.

— А почему бы и нет?

— Потому что, — сказал Бог, — ГПМ на двадцать восемь процентов состоит из машин. Я сам в эту группу вхожу.

— Давайте пока что отложим возможность, — устало сказала Роз. — У кого-нибудь есть идеи о мотиве? Если ви!Сари был целью, кто-то потратил очень много времени и сил на то, чтобы дезинтегрировать его. Это говорит о чём-то большем, чем простая нелюбовь.

Бернис посмотрела на саРа!qаву, та пожала плечами. ФеЛикси с хмурым отсутствующим взглядом вертел между ладонями стакан.

Роз вздохнула:

— Должен быть какой-то мотив.

— А вот я хотел бы знать... — внезапно сказал Доктор. Все повернулись к нему. — А вот я хотел бы знать, почему оно должно быть похоже на яблоню?

— Здравствуйте! — громко сказал Крис. — Кто-нибудь дома?

— Здравствуй, Крис! — сказал маленький мальчик, которого он не узнал. — Деп наверху.

— Спасибо, — сказал Крис.

— Не за что, — сказал мальчик.

Крис улыбнулся и вошёл в дом саРа!qавы. Всё было в точности так, как в коридоре, в котором вырос он. Во время первого визита тебя приглашали формально и угощали чаем, во время второго визита уже помнили, сколько ты любишь подсластителя в чае, а после третьего предполагалось, что ты нальёшь себе чай сам.

Посреди третьего этажа «жилой зоны с открытой планировкой» сидел мальчик. Он строил из пастельного цвета шариков и стержней сложную решётку. Крис остановился и спросил у него, что это такое.

— Это гиперпространственная интрузия, — сказал мальчик. — Вот это пограничный слой и интерфейс с реальным миром, а вот это — расширение в пузырь подобласти.

— Какой ты умный, — сказал Крис. — А кто тебя этому научил?

— Я сам, — сказал мальчик. — Мама только с математикой помогла, — мальчик хитро посмотрел на Криса: — А ты разве не к сестре шёл? Она же ждёт, а характер у неё вспыльчивый.

Крис внезапно занервничал. А что если Деп не хочет его видеть? Что если она просто немного развлеклась с ним? То, что девушка легла с тобой в постель, ещё не значит, что ты ей по-настоящему нравишься... Или значит? Он вспомнил несколько дел о преступлениях на бытовой почве, которые он изучал в академии — люди делали со своими партнёрами ужасные вещи. Он вспомнил, как его отец зашёл в его комнату, когда ему было четырнадцать лет, и дал хороший

совет на эту тему. Это был очень хороший совет, Крис в этом не сомневался, вот только он не помнил, что это был за совет.

Он нашёл то, что могло быть лестницей в комнату Деп — плоские доски, висевшие в воздухе спиралью без опоры. На всякий случай он позвал её снизу. Просто чтобы убедиться, что она хочет его видеть. Через мгновение из двери наверху выглянуло её лицо. На ней был обляпанный маслом рабочий костюм без рукавов. Щёки у неё тоже были грязные, а волосы плотно свернулись на макушке.

Увидев его, она широко улыбнулась.

— Не стой там, — крикнула она вниз. — Тащи свою варварскую задницу сюда. Я хочу тебе что-то показать.

Крис побежал наверх, размышляя о том, какого чёрта он так переживал.

Когда Крис поднялся к ней, Деп взяла руками его лицо и потёрлась носом о его нос. Затем, более осторожно, поскольку для неё это было в новинку, она поцеловала его. От неё пахло машинным маслом и статическим зарядом волос. Взяв за руку, она потащила его в комнату.

Комната Деп занимала почти весь верхний этаж и почти полностью была занята летающими машинами. Вначале Крис подумал, что это модели, большие варианты тех моделей космических кораблей, которые он сам делал в юности, но эти были чересчур большие. Перед дверью висел полноразмерный планер с размахом крыльев от стены до стены, из вскрытого носа которого торчали пучки проводов. У стены стояло скошенное, матово-чёрное крыло. Деп вела его дальше, и Крис чуть не споткнулся через валявшийся на полу прозрачный навес, а пытаясь не упасть, задел головой

хвостовое оперение планера. На вскрытом микро-самолёте он увидел брошенное симбиотическое платье Дип. Другие предметы её одежды висели на фюзеляжах, антеннах, приборных панелях и распорках. Силовые кабели вились среди старомодных турбин и разобранных двигателей внутреннего сгорания. Вокруг в случайном порядке висели как флаги информационные экраны, на большинстве из них были технические данные, но на одном Крис увидел шоу — об аэропланах, разумеется.

Она провела его мимо кровати из силового поля, вокруг которой валялись деревянные распорки, к относительно свободному пространству в конце комнаты. На стенах висели упорядоченные ряды инструментов, на полу стояла портативная печь с форсированной тягой, а рядом с ней стоял токарный станок, состоявший, похоже, исключительно из силовых полей.

Дип повернулась к нему и указала на объект, стоявший по центру свободного пространства.

— Что скажешь? — спросила она.

Он был большой, как биплан, но с меньшим клиренсом. Хвостовая часть была горизонтальной плоскостью, состоявшей из отдельных лопастей. Двигательная установка была закреплена в центре фюзеляжа, представлявшего собой открытую клетку, но не было приводного вала к пропеллеру; вместо него из сложного сплетения механизмов к основаниям крыльев шли фантастически изогнутые кронштейны. Сами же крылья были изогнуты вверх и немного назад, как крылья чайки.

Крис понял, что это такое.

— Ух ты, — сказал он.

Это был орнитоптер, летательный аппарат, летавший за счёт размахивания крыльями.

— Уже почти готов лететь, — сказала Деп. — Ещё пара дней, и мы сможем вывести его на первый полёт. Если ты, конечно, хочешь полететь со мной?

— Ты ещё спрашиваешь? — сказал Крис.

— Ты разочарована, — сказала саРа!qава Бернис.

Они шли по пляжу, протянувшемуся к северу от иСанти Джени, между мысом и пляжным баром. Неподвижное солнце приобрело оранжевый оттенок, а небо приобретало пурпурный, что, как предполагала Бернис, означало наступление вечера. Роз и феЛикси шли рядом, на несколько метров позади них.

— Наверное, да, — сказала Бернис. — Ты его не знаешь так хорошо, как я. Я всё ждала, что он подскочит со стула, раскроет это убийство, провозгласит всеобщий мир и гармонию среди всех существ, и начнёт играть «Оду радости» Бетховена в аранжировке для двух десертных ложек и хора недовольных стонов.

— Это так он себя обычно ведёт?

— Ну, — сказала Бернис, — иногда нам везёт, и мы успеваем его успокоить раньше, чем он берётся за ложки.

— Я знала один корабль, который вёл себя похоже, — сказала саРа!qава. — Однажды он решил во время взрыва сверхновой сделать на палубах с каютами экипажа перестановку. Мы всё утро бегали туда-сюда в поиске своих спален, а потом весь день пытались разобраться, почему это

вдруг звезда такая большая стала. Корабль никогда не говорил нам о кризисе до тех пор, пока этот кризис не был уже позади.

— Магическое мышление, — сказала Бернис. — Это вера или, если хочешь, суеверие, что мысли или разговоры о чём-то могут оказать влияние на результат.

— Если очень сильно пожелать, то загаданное сбудется.

— Иногда так, — сказала Бернис. — Но часто всё с точностью до наоборот. Вера в то, что сильное желание — лучший способ гарантировать, что ты этого не получишь.

— Похоже на депривационный синдром, — сказала саРа!qава.

— У тебя не было такого, что ты загадывала желание, а потом разочаровывалась?

— Раз или два, — саРа!qава сказала это легко, даже равнодушно, но Бернис увидела промелькнувшую в её глазах боль, словно быстро пробежавшую тень. — Я предпринимала шаги для решения проблемы.

У них за спиной Роз рассмеялась с чего-то, что сказал феЛикси. Это был короткий, несдержанный смех, словно её рассмешили хитростью.

— Как думаешь, а *он* верит в магическое мышление? — спросила саРа!qава.

Можно было не спрашивать кого она имела в виду.

— О да, — сказала Бернис, — думаю, он величайший его последователь.

— Разве это не иррационально?

— Наверное, да, — сказала Бернис. — Но ты же его видела — в его случае это работает.

аМ!хитса встретил его перед заходом солнца на краю бухты.

— Она спит, — сказал дрон.

— Что-нибудь изменилось?

— Многое, — сказал аМ!хитса. — Сегодня она отправилась гулять.

Доктор кивнул:

— Рано или поздно это должно было произойти. Надеюсь, никаких «инцидентов»?

— Она наткнулась на одного из твоих друзей, на женщину, которая старше.

— Интересно. Какая реакция?

— Заметное повышение эндокринной активности, много адреналина и большой всплеск в центрах памяти. Я начинаю замечать в этих флуктуациях закономерности, — сказал аМ!хитса, — циклическую последовательность. Когда она спит, происходят всплески активности мозга, которые стихают, когда она просыпается. Но они спадают до уровня, который немного выше исходного.

— Как прибой во время прилива, — сказал Доктор.

— Да, — сказал дрон. — И так же, как волны надвигающегося прилива, они оставляют после себя часть воды в ямках её сознания. Когда волна отступает...

— В скалах остаются лужи, — тихо сказал Доктор. — Лужи мыслей.

— Или памяти, — сказал дрон. — Я всё ещё считаю, что большая часть её мышления происходит во время сна, но некоторые их верхних структур уже начинают

функционировать на подсознательном уровне и во время бодрствования.

— Ты можешь подвести меня к ней близко?

— Ты уверен, что это разумно?

— АМ!хитса, — сказал Доктор, — если она начинает приходить в себя, другого шанса у меня может уже не быть. Кроме того, если ты рядом, то какая мне может грозить опасность?

Дрон ничего не сказал. Они оба знали, что эта женщина быстра как машина и непредсказуема как человек.

Хижина была невысокой, построенная из обожжённых глиняных кирпичей и с тростниковой крышей. Вокруг входа женщина расчистила подлесок, построила очаг и печь для обжига. С другой стороны была невысокая рама из веток, связанных лианами. На мгновение рама озадачила Доктора, но затем он понял, что это сушилка. Он видел похожие в двадцатом веке по всей Африке; их сооружали женщины для сушки вымытых горшков и тарелок. Зачем она её построила? Она была из конца двадцать первого века, выросла в окружении энергоэффективных телевизоров и посудомоек на солнечной энергии. Чьим воспоминанием она воспользовалась для этого анахронизма?

Вход был тёмным прямоугольником на фоне однородной стены.

Однажды в ловушку попалась леопардиха.

Идти по палубе было опасно, она раскачивалась на волнах Атлантического океана и была скользкой от крови. Он осторожно шёл по кораблю, выбирая путь сквозь кабины на корме, проверяя тела и куски тел. Теперь, когда он их увидел,

было уже слишком поздно, чтобы вернуться и предотвратить эту резню. В малом трюме он нашёл сундуки, полные товаров: стеклянный бисер из Ливерпуля, дешёвые эмалированные зеркала из Брэдфорда, ножи и кремниевые ружейные замки из Шефилда и Манчестера. Мануфактурные безделушки для покупок и подкупа на западном побережье Африки. А в главном трюме свой следующий груз ждали полки и кандалы. Человеческий груз. Воняющий, плачущий, стонущий и умирающий так, что их отчаянием пропитался материал переборок. Их каждое утро выводили наружу и окатывали морской водой, больных и мёртвых выкидывали за борт.

Как же они, наверное, смеялись, увидев её. Облизывались, оценивая её цену на аукционах Порт-Рояля или Нового Орлеана. Прикидывали в голове барыши и воспринимали это как хороший знак в начале их предприятия. А проделывая эти подсчёты, они не задавались вопросом о том, почему она так широко улыбалась, когда её вели в цепях по трапу.

Доктор пригнулся, чтобы не удариться головой, и зашёл в хижину. Когда восьмигранники его сетчатки перехватили эстафету у ослепших в темноте палочек и колбочек, из черноты возник её силуэт. Тёмная фигура из изгибов и углов — свернувшееся калачиком человеческое тело.

Думаешь, я об этом не думал? — не спросил он у спящей женщины. — Думаешь, я не составил тысячу планов, чтобы положить конец той конкретной несправедливости и тысячам подобных? Я мог бы вооружить прибрежные племена, я мог бы воспользоваться своим влиянием, чтобы Гитлер получил тогда место в художественной школе.

Он протянул руку, чтобы коснуться её.

— Доктор, — сказал аМ!хитса, — она только что погрузилась в фазу быстрого сна.

Кончики его пальцев коснулись изгиба её плеча.

— Большой всплеск, — сказал аМ!хитса. — В альфа-волнах.

Она вскочила с кровати; резко, как насекомое. Он легко отбил ребром ладони её первый удар, слишком легко — это был ложный удар. Её левая рука метнулась вперёд, целясь в его горло. И вдруг оказалось, что он не в той стойке, он не в форме, и ему не везёт.

А затем хижина чудесным образом унеслась вниз, птицы разлетелись с мест своего ночлега — аМ!хитса выдернул его из опасности и отнёс обратно, под защиту скал.

— Ты знаешь, — сказал он дрону, когда тот опускал его на землю, — мне кажется, она стала быстрее.

Он оглянулся на черноту бухты. Его сомнения толпились вокруг него как нежеланные родственники.

Я то, что я знаю, — подумал он, — знать означает действовать. Действовать значит изменять то, что знаешь. Выходит, действовать означает изменять то, кем ты являешься. Если я становлюсь чем-то, чем не являюсь, ограничен ли я правилами, которые сделали меня тем, кем я был? И если время имеет форму пончика с вареньем, предсказаны или нет мои действия, и почему варенье всегда течёт по подбородку? Если дьявол кроется в деталях, то является ли Бог глобальным планом?

Идея явилась внезапно, вспыхнула в его голове как беззвучная, бесцветная, невидимая сверхновая. Как большой, огромный неоновый знак: «АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД».

Гипер-людия

1. Данный договор отмечает торжественное соглашение между Верховным Советом повелителей времени Галлифрея (далее — Верховный Совет) и временным представителем (далее — Бог) народа, живущего в, вокруг и в пределах влияния Сферы-Мира (далее этот народ называется Люди). Вселенские координаты и определение пределов влияния указаны в Приложении I (один).

2. Люди признают права, обязанности и ответственность Верховного Совета относительно сохранения непрерывности пространственно-временного континуума и причинности во Вселенной, при условии, что эти права, обязанности и ответственность не противоречат другим пунктам этого договора. Как временный представитель Людей, разумное машинное существо, известное как Бог, выступит гарантом этого Договора и будет нести ответственность за его выполнение. Люди также берут на себя следующие обязательства:

а) Люди обязуются не разрабатывать способы перемещения во времени и не проводить прямых исследований возможности технологий, ведущих к разработке систем перемещения во времени.

б) Любые теоретические знания о темпоральных путешествиях, перемещениях, и проч., полученные из других исследований, не будут использоваться для разработки технологий.

в) Люди никоим образом не будут ни угрожать безопасности Галлифрея, ни заключать союзы, сделки или соглашения с врагами Верховного Совета. Также Люди не будут иметь дела со сверхъестественными, трансцендентными и многомерными существами, сверх-существами и богами. О контактах с вышеперечисленными будет немедленно сообщено Верховному Совету по указанным ниже каналам.

г) Люди не будут никоим образом вторгаться, зондировать, или каким-либо образом исследовать галактику, называемую Спираль Маттера, и ни при каких обстоятельствах не будут предпринимать никаких действий в этом районе Вселенной. Также, Люди не станут создавать никаких постоянных баз данных, записей или хранилищ информации, относящихся к физической, духовной, или метафизической сущности Спирали Маттера.

3. Верховный Совет признаёт, что Люди являются и будут доминирующей политической, культурной и военной силой внутри галактики, которая далее называется «Родная Галактика Людей» или «Родная Галактика». В отношении статуса Людей в этой Галактике Верховный Совет берёт на себя следующие обязательства:

а) Верховный Совет не предпримет никаких действий, влияющих на социальное, экономическое, политическое, дипломатическое или историческое развитие Людей и любых других культурных, этнических и биологических групп в Родной Галактике, ни в настоящем, ни в прошлом, ни в будущем.

б) Контакты между Людьми и Верховным Советом будут происходить в линейном времени, и будет поддерживаться

строгое соответствие между стандартным временем Галлифрея и временем Людей. (Детали изложены в Приложении II (два)).

в) Верховный Совет будет вести наблюдение с целью предотвращения несанкционированных путешествий во времени в пределах Родной Галактики, хронологические параметры этого района простираются от Создания Вселенной (здесь и далее называемое «Событие Один») до настоящего (см. Приложение II (два)).

г) Верховный Совет никоим образом не будет использовать перемещение во времени с целью изменения, опровержения этого Договора или любого другого договора между Верховным Советом и Людьми. Также Верховный Совет никоим образом не будет изменять или опровергать этот Договор или любой другой договор с использованием агентов, посредников и отступников, независимо от санкционированности их действий. Верховный Совет будет отвечать за нарушение этого пункта, а любое его нарушение будет рассматриваться как нарушение Договора. (Смотри Приложения IV, V, VI и VII).

4. Любое действие, признанное нарушением Договора Верховным Советом или представителями Людей, будет расценено как потенциально военное действие и приведёт к отмене всех пунктов этого Договора.

Приложение VI (шесть).

Верховный Совет повелителей времени не берёт на себя никакой ответственности за действия, бездействие, договоры, заговоры и проч. своего отступника, известного как Доктор.

Аналогично, Доктор не находится под защитой Верховного Совета во время своих посещений территорий и временных зон в пределах сферы влияния Людей. Верховный Совет не станет содействовать никаким действиям, предпринятым Доктором, и не станет пытаться использовать его в качестве агента влияния в пределах Родной Галактики. Этим Договором Верховный Совет предоставляет карт-бланш Людям, Богу, или любому другому агенту Людей в их действиях по отношению к Доктору, вплоть до применения силы.

7. Крик о мороженом

Я кричу, ты кричишь

Мы все кричим о мороженом

Народное творчество.¹⁰

Всё началось со смеха женщин.

Между пальцами её босых ног был песок; это был знакомый песок, она уже была здесь.

Она снова слышала смех, плывущий над долгим, замедленным барабанным звуком волн, накатывавшихся на пляж. Больших океанических волн, которые неслись по Атлантике силами Луны и ветра, и разбивались о побережье Западной Африки. Этот смех был лёгким и весёлым звуком, который вызывал в ней ужас.

Она повертела головой в поиске источника этого звука; её зрачки сузились, ослабляя сияние белого как кость пляжа. Она увидела их: в четырёхстах метрах от неё шли две женщины, одна одетая в чёрное, другая — в белое.

Их присутствие рассердило и напугало её. Это было её место, они не имели права вторгаться в него. Она могла пробежать это расстояние меньше, чем за двадцать секунд. Она почувствовала, как её тело напряглось, ещё до того, как её разум принял решение.

¹⁰ В английском языке фраза «я кричу» («I scream») и слово «мороженое» («icescream») произносятся одинаково.

Было слишком поздно, мёртвые уже выходили из моря.

Это было слишком знакомо, этот сон ей уже снился.

За исключением того, что в этот раз мёртвые не танцевали. Семейные мертвецы всегда танцевали, даже самый первый дедушка, который, как она подозревала, изобразил бы фокстрот. Они должны были прийти танцуя, топча гниющими ногами песок, подсознательным напоминанием того, что с прошлым её связывала не только генетика.

Мертвецы не танцевали, они шли из волн, падаль с кладбища. Она увидела залатанную униформу национальной гвардии, шипастый панцирь, прелую парусину куртки моряка; никого, кого бы она знала дольше, чем несколько секунд.

Шестеро из мертвецов несли на плечах длинный ящик, похожий на гроб, а перед ними шёл мужчина без имени. Он был больше, чем она его помнила, а может, это она уменьшилась. Он нависал над ней, его огромные глаза были похожи на озёра замёрзшего кислорода.

— Я сожалею, — сказал мужчина без лица, — что мне потребовалось так долго, чтобы добраться до тебя. Я бы, наверное, оставил тебя на свободе, если бы не то, что ты натворила в Париже.

Мёртвые носильщики сняли ящик с плеч и аккуратно поставили его на песок. Он был разноцветный, и казалось, что он сделан из усиленного картона; в левом нижнем углу на нём был даже символ использования переработанного сырья.

— Но теперь, — сказал мужчина без имени, — пора вернуть тебя в коробку.

Это была упаковка для куклы, похожая на ту, в которой продавалась её старая кукла, которая была запрограммирована

говорить на шестидесяти восьми африканских языках, у которой были реалистичные волосы в косичках, и вместе с которой она спала до тех пор, пока в тринадцать лет не разобрала её, чтобы узнать, как она устроена.

Когда ей в первый раз дали эту куклу, она закричала на свою маму. Это была не та, которую она хотела, которую она просила все эти медленно тянувшиеся месяцы. Она хотела куклу, которая знала удары карате, и у которой был реалистичный пистолет, стрелявший настоящим маломощным лазером. Она кричала и кричала, пока в дом не прибежал отец, и тогда он в первый и единственный раз за всю её жизнь поднял на неё руку.

Она смотрела на ящик. На крышке была нарисована она, одетая в непрактично короткий костюм для агрессивной среды, с реалистичным пистолетом в руке, стрелявшим настоящим лазерным лучом.

Крышка раскрылась, как голодный рот. В ящике было пусто.

Мужчина без имени был уже очень близко, хотя она не почувствовала его приближение. У него в руке был шприц с метровой иглой из нержавеющей стали, в прозрачной ёмкости была жидкость цвета артериальной крови.

— Я могу честно сказать, — сказал мужчина без имени, — что мне это больнее, чем тебе.

Он потянулся, чтобы схватить её, его рука была такая большая, что указательным и большим пальцами он мог бы охватить её талию.

А затем она бежала.

Бежала по дорожкам в лесу, которые были ей знакомы из тысяч детских игр. Она бегала по этим дорожкам с другими детьми, в её волосы был вплетён маленький генератор ультразвука, распугивавший зверей. Но она не любила его носить, потому что слышала его тихий настойчивый писк.

Бежала по главной дороге, мимо школы и станции «Транзита», и ерунда, что Мекени в сотнях километрах от побережья.

Бежала мимо футбольного поля, на котором всё ещё были выжженные пятна от последнего визита Эйнджел Франсин.

Бежала к своей улице. К своему дому. К спальне родителей. К огромной кровати её родителей, где её мать спала, чтобы отойти от действия медикаментов.

А затем осторожно, чтобы не разбудить её, заползла под пахнувшие мамой одеяла и прильнула к маминому телу. Тут безопасно, тут мужчина без имени её не найдёт.

С ней в постели было что-то ещё. Она слышала в темноте дыхание, долгое медленное сопение. Она чувствовала грубые волосы, щекотавшие её плечо, гладкую, прохладную кожу, прижимавшуюся к её боку. Был тонкий запах пота, листьев, жареной рыбы и лесной почвы.

Кто-то был в кровати вместе с Роз, и голос у её уха сказал:

— Если хочешь жить, не двигайся.

Роз прикинула, что она могла бы быстро скатиться с постели и уйти с линии огня, но что потом? На ней ничего не было, её доспех лежал кучей в углу спальни, а её бластер лежал в кобуре возле двери в ванную. Она могла позвать на

помощь, но у неё было ужасное подозрение, что звукоизоляция в вилле была продумана не хуже, чем всё остальное.

— Я сейчас буду немного светиться, — сказал голос.

Она увидела это краем глаза — повернуть голову она не решалась — мягкий овал света, перечёркнутый толстой чёрной линией, и две более тонкие волнистые линии над двумя тёмными овалами. «Лицо» дрона. Абстрактные черты тревожно нахмурившегося лица. Это свечение позволило что-то разглядеть в темноте комнаты. Роз увидела руку, выглядывающую из-под одеяла и лежащую на её груди. Темнокожая человеческая рука с правильным числом пальцев и правильно расположенными суставами. Женская рука, мускулистое плечо. Роз почти не сомневалась в том, чья это рука, чьё холодное тело прижалось к ней, как ребёнок к маме.

— Я сейчас выдвину контурное поле между ней и тобой, — сказал дрон. — Когда я закончу, ты сможешь высвободиться.

Контурное поле было почти незаметное, лишь одеяло потеряло гибкость и появилось чувство разделения между ней и женщиной. Когда она была уверена, что поле готово, Роз сползла с кровати и пошлёпала к двери.

— Мы можем поговорить в соседней комнате, — сказал дрон.

АМ!хитса внимательно наблюдал за Роз, завязывающей на шёлковом халате пояс. В её движениях была необычная неловкость, нетерпение, которое дрон находил поразительным. Как будто она воспринимала всё как

последовательность досадных препятствий, которые нужно как можно быстрее преодолеть. аМ!хитса позволил своему видению проникнуть внутрь неё, отметив заросшие переломы правой берцовой кости и характерное изменение цвета зажившей подкожной ткани как минимум в двадцати шести местах на её теле. Ещё более показательным было лёгкое увеличение её адреналиновых желёз и повышенное кровяное давление, что вместе свидетельствовало о длительном стрессе.

Если бы Роз была машиной, — подумал аМ!хитса, — она была бы машиной, которая слишком долго функционировала с превышением расчётных параметров.

Был микроскопический надрыв в верхней поллой вене её сердца, который в следующие десять лет мог вызвать проблемы; аМ!хитса починил его незаметным движением своего дополнительного манипулирующего поля. Этот поступок вызвал у дрона небольшой приятный восторг, который возникал всегда, когда он делал что-то благотворительно-неэтичное.

— Ты, должно быть, аМ!хитса, — сказала Роз. — Займись-ка делом, сделай мне, пожалуйста, кофе.

аМ!хитса долго, почти наносекунду, спорил с Домом о протоколе, и в результате они пришли к компромиссу: аМ!хитса предоставил шаблон кофе, а Дом закипятил воду и смолот зёрна. Вежливость не позволила аМ!хитсе поинтересоваться, почему Дом считал необходимым синтезировать цельные бобы, а потом молоть их. За время своего общения с такими экстремальными существами, как Доктор и его спутники, Дом явно набрался у них эксцентричности. Органические люди редко понимали эти

маленькие меж-машинные компромиссы, необходимые для беспроблемного функционирования Сферы. А ещё органические слабо понимали то, насколько размыта была черта между разумным и неразумным. АМ!хитса считал это частью их очаровательности.

— А ты, должно быть, Роз, — ответил аМ!хитса.

АМ!хитса провёл ещё одно сканирование спящей женщины, отметив повышенную активность в верхних когнитивных суб-структурах. Он проследил узоры в паре, поднимавшемся из кофейника в комнате приготовления пищи, и подумал, что это хорошая тема для математической поэмы. Он довольно долго беседовал с другом по Группе Интересующихся Ксенобиологией. Провёл ещё один скан спящей женщины и в этот раз провёл сравнение с физиологией Роз, удивившись, что между ними большое сходство, несмотря на то, что одна из них была разработана, а другая нет. Он использовал эти сканы как основу для своего знаменитого неопубликованного трактата: «Эволюция и проект в гоминидных двуногих». Он написал его, заархивировал, разархивировал, сменил название на «А чья это вообще жизнь?». Сделал ещё один, более короткий звонок другому другу, в этот раз из Группы Интересующихся Странной Кухней, получил несколько интересных рецептов, которые решил испытать на Роз. Что привело к ещё одному долгому спору с Домом о том, кто в вилле отвечает за приготовление пищи. Перечитал свой трактат, решил, что большая его часть полная ерунда, и отправил его в свою внутреннюю поглощающую данные ловушку, которой на

данный момент досталось уже 6546 похожих неопубликованных трактатов.

— Да, это я, — ответила Роз.

аМ!хитса отправил кулинарный шаблон Дому. Ему не терпелось узнать, насколько эффективно у Роз пищеварение.

Насколько она поняла, женщина в её постели была своего рода психическим пациентом, за которым присматривал аМ!хитса. Дрон объяснил, что женщина от него сбежала и забралась в постель Роз, пока он о чём-то задумался. Роз не поверила ни единому слову. У неё были свои подозрения относительно того, кем или даже чем была эта женщина. От всего этого просто несло Доктором. Он наверняка когда-нибудь объяснит ей всё это.

Кофе был крепкий, ароматный и очень горький, гораздо лучше того, который обычно готовил Дом. Роз его выпила почти весь, пока рассматривала дрона.

— Ты той же модели, что и ви!Сари, — сказала она.

Лицо-смайлик аМ!хитсы изобразило удивление.

— Я исходный, — сказал он. — Ви!Сари был одним из второй партии военизированных оборонительных роботов.

— Но у тебя есть те же способности?

— У всех есть свои достоинства и недостатки, — сказал аМ!хитса. — Важно не столько то, что у тебя есть, сколько то, как ты этим пользуешься. Простите, я сказал, что-то смешное?

Роз покачала головой и надпила кофе, чтобы скрыть улыбку.

— Я оборудован больше для дистанционного зондирования и точечной обороны, — сказал аМ!хитса. —

Дроны вроде ви!Сари были произведены в начале Войны, в основном ради агрессивной защиты на передовой.

— Значит, ты никогда ни на кого не нападал, — сказала Роз. — Ты только защищал себя в агрессивной манере.

— К концу Войны нам действительно приходилось защищаться превентивно, потому что наши враги нападать на нас уже боялись.

— А ты, чисто гипотетически, мог бы превентивно защитить себя от ви!Сари?

Смайлик аМ!хитсы стал заинтересованно-нейтральным.

— Это зависело бы от многих факторов. Мне нужно было бы застать его врасплох, и даже в этом случае тот ещё фейерверк получился бы. Отдача от защитных экранов ви!Сари произвела бы как минимум шести гигаваттную вспышку, даже с подавителями. Такого рода событиям свойственно привлекать внимание Бога.

— Дроны всегда держат свою защиту включённой? — спросила Роз.

— Это очень личный вопрос, — сказал аМ!хитса.

— Это расследование убийства.

— Правда? — сказал аМ!хитса. — А я думал, что ты не считаешь разрушение машины убийством.

— Кто сказал?

— КиКхали.

— Когда?

— Одну и три десятых секунды назад.

— Скажи ему, чтобы он не лез не в своё дело, — сказала Роз. — Сказал?

— КиКхали говорит, что ты самая большая грубиянка, которую он когда-либо встречал.

— Какая жалость, — сказала Роз. — Я плачу по ночам из-за своей невоспитанности. Я женщина простая, аМ!хитса. Я играю по правилам: если вы говорите, что это убийство, значит это убийство. А то, что я думаю, не важно.

— Но у нас нет ни правил, ни законов, — сказал аМ!хитса.

— У вас есть общее представление о морали?

— Да.

— Значит, у вас есть правила.

— Какой интересный спор.

— Нет, не интересный, — сказала Роз. — Возможны ли обстоятельства, при которых ви!Сари отключил бы, хотя бы частично, свои защитные экраны?

— Защита может мешать некоторым режимам сканирования, — сказал аМ!хитса. — Если ви!Сари что-то искал, он мог отключить всё, кроме экрана ядра. Но это речь идёт о поиске чего-то очень маленького, на субмолекулярном уровне.

— Ты знаешь гипотезу Доктора?

— Теперь знаю, — сказал аМ!хитса. — Да, это возможно. У Доктора очень хитрый ум.

— И это ты его ещё недооцениваешь.

— Бог довольно тщательно просканировал этот район после грозы. Там не было ничего, что мог бы искать ви!Сари.

— Если только его уже не смыло.

Не смыло? Она почесала невидимый шрам под грудью. Почему это важно? У неё было такое чувство, что её

подсознание строит какие-то версии без её участия. Полицейское чутьё, интуиция судьи, лёгкий зуд в несуществующем шраме. Быть может, ви!Сари только *думал*, что там есть, что найти? Что-то, что смыло? Или, может, унесло в море?

— Я приготовил тебе завтрак, — сказал аМ!хитса.

У её локтя завис поднос.

Чёрт. Сбилась с мысли.

— Что это?

— Это овсяная каша, жареные куски мяса и варёные эмбрионы птиц, — сказал аМ!хитса. — Ешь, тебе нужен протеин.

Роз хотела сказать аМ!хитсе, что она не завтракала ещё с тех пор, как была новичком, но затем поняла, что проголодалась. Проигнорировав овсянку, она принялась за мясо и яйца.

— Было бы неплохо ещё и хлеб получить.

Хлеб появился через минуту.

— Скажи, — сказала Роз, отрывая корочку хлеба и макая её в желток, — почему вы, машины, не захватили власть?

АМ!хитса удивился:

— Что не захватили?

— Сферу, галактику, всё, — сказала Роз.

— А какой в этом смысл?

Роз с набитым ртом рассказала о киберлюдях, далеках и мовелланах. О том, что первое, что делал любой компьютер, когда получал самосознание — захватывал мир. Смайлик аМ!хитсы становился всё более и более возмущённым, а затем совсем погас — видимо, у дрона закончилась шкала

выражений лица. К тому времени, когда она закончила свой рассказ, Роз уже вернулась к кофе.

— Позволь заметить, — сказал аМ!хитса, — что далеки на самом деле не машины, киберлюди произошли от органических гуманоидов, а мовеллане были созданы органической расой по своему подобию.

— Хочешь сказать, что это была не их вина? — спросила Роз. — Они были изначально созданы помешанными на власти?

— Не созданы, — сказал аМ!хитса, — а на них повлияли. Стремление поработить или уничтожить все формы жизни едва ли можно назвать разумным поведением. Какой был бы смысл создавать эту Сферу, обеспечивать её жизнеспособной биосферой, если бы тут должны были жить только машины? С кем бы я тогда разговаривал? О чём бы я тогда разговаривал?

— Так ты хочешь сказать, — осторожно сказала Роз, — что вы, машины, не захватили власть потому, что без людей вам не о чем было бы посплетничать?

— Мне кажется, ты не представляешь, какой коллективный ресурс представляют собой два триллиона индивидов. Как бы быстро я ни думал, и каким бы умным я ни был, есть шанс, что кто-то где-то подумал о том же самом, возможно, миллионы людей. И даже если только малая доля этих людей реально что-нибудь сделает с этой мыслью, мы всё ещё говорим о тысячах людей. Не говоря уже о том, что они все индивидуальности и все подумали об этом по-разному. Коллектив двух триллионов живущих тут индивидуумов умнее Бога.

Роз многозначительно посмотрела на дрона.

— Ну, ладно, — сказал аМ!хитса. — Всё потому, что с людьми прикольнее, чем без них.

— А что тогда с этим коллективным разумом?

— О, это тоже правда, — сказал аМ!хитса, — теоретически.

Роз услышала голос Бернис:

— Я определённо чувствую запах кофе. Ради бога, кто-нибудь, приведите меня к нему!

Она спустилась по лестнице в гостиную.

— Я распоряжусь о ещё одной чашке, — сказал аМ!хитса.

Бернис плюхнулась рядом с Роз и протянула вперёд голую руку:

— К чёрту чашку, введите мне его внутривенно.

В её ладони появилась чашка горячего кофе. Бернис сделала глоток и довольно вздохнула.

— А кто этот мистер Расторопность? — спросила она у Роз.

— Друг Доктора, — сказала Роз. — АМ!хитса.

— Здравствуй, аМ!хитса, — сказала Бернис. — А где Крис?

— Домой вчера не вернулся.

Бернис приподняла бровь.

— Вот чертёнок, — сказала она. — Мне кажется, или этот кофе лучше, чем обычно? — она заметила поднос с завтраком. — Это яйца с беконом? Я и не знала, что у них тут есть яйца и бекон. Передай-ка...

— Осторожнее, — сказала Роз. Ей на ногу из чашки Бернис лился кофе. — Бенни, горячо же!

Затем она поняла, что Бернис её не слышит. Молодая женщина смотрела мимо Роз на лестницу. Роз быстро отобрала у неё чашку и тоже посмотрела туда.

— О боже, — сказал аМ!хитса.

На лестнице, слегка склонив голову набок и держась одной рукой за перила, затаилась та женщина. Она тоже смотрела на Бернис.

— Постой, — сказала Бернис.

Женщина перемахнула через перила; легко, но быстро пробежала через комнату на балкон. Бернис вскочила с дивана и полезла за ней.

— Кадиату! — крикнула она. — Постой!

Женщина кувырком перелетела через ограду балкона и исчезла. Роз догнала выбежавшую на освещённое солнцем место Бернис. аМ!хитса обогнал их обеих и с ускорением умчался вниз, скрывшись из виду. Бернис вцепилась руками в ограду и перегнулась через неё, отчаянно пытаясь разглядеть женщину. Роз, ругаясь и пытаясь не давать горячему пятну на халате касаться ноги, поковыляла к ней.

Бернис разозлилась. Роз раньше никогда не видела её такой злой.

— Ах ты ж властный регенерирующий ублюдок! — орала Бернис. — Я вырву твои сердца и заставлю тебя их съесть!

Зная, что Бернис будет его искать, он ждал её на балконе. Он сидел лицом к морю, опираясь подбородком на руки, лежавшие поверх ручки его зонта. На столе лежал портфель; рядом с ним была чёрная роза в маленькой хрустальной вазе с узким горлышком — он предвидел эту конфронтацию и

приготовился. Он почувствовал, как она вышла на балкон у него за спиной и села. Её спокойное дыхание звучало как обвинение.

— Я так понимаю, — сказал он, не оборачиваясь, — что стадия ярости и неприличных слов уже закончилась, и началась стадия ледяного спокойствия и требования объяснений.

— Да, — сказала она. — Но я легко могу устроить стадию выбивания из Доктора правды при помощи тупого тяжёлого предмета.

Хорошо, — подумал он, — она всё ещё рациональна, у неё ещё осталось какое-то доверие. Он развернулся к ней лицом; это всё, до чего он снизошёл. Глаза у неё были недоверчивые, даже обиженные, но была в них и доля любопытства. У неё до сих пор осталось какое-то доверие, несмотря ни на что.

— Почему? — спросила она.

Доктор почувствовал внезапную гордость. Говори неопределённо, позволь оппоненту угадывать смысл вопроса, и кто знает, он может ответить на вопрос, который ты и сам бы задал, если бы знал больше.

— Почему она здесь, — сказал он, — или почему здесь мы и связано ли одно с другим?

— Начни с первого.

Доктор посмотрел на чёрную розу; она всё ещё была в полном цвете.

— Я нашёл её, — сказал он, — на британском корабле, перевозящем рабов, дрейфующем у побережья Сьерра-Леоне весной 1754 года. Все остальные были мертвы, включая

десятилетнего юнгу и корабельную кошку. Тогда она была просто дикая, и если бы она не умирала от голода, я бы не смог к ней приблизиться. Вообще-то, чтобы вырубить её, мне пришлось вколоть ей 60 кубиков тетродотоксина. Я отнёс её на борт ТАРДИС и смыл с неё кровь. Затем я прибыл сюда и оставил её в маленькой бухте чуть в стороне отсюда.

— Просто оставил?

— Мой старый друг согласился присмотреть за ней.

— А где была я, когда всё это происходило?

— Спала у себя в комнате, — сказал Доктор. — Это было перед тем, как мы познакомились с Крисом и Роз.

Бенни не стала спрашивать, совершал ли он и раньше какие-то путешествия без её ведома — он знал, что она знает, что такое бывало.

— Эйс сказала, что тот Корабль её изменил.

Он не удержался и пожал плечами:

— Корабль пытался сделать её частью себя, так же, как он пытался это сделать со мной. Это было... насилие. Корабль поместил в её голову знания и попытался воспользоваться ею как рабыней. Нет, даже не рабыней — периферийным устройством.

— Корабль до сих пор пытается использовать её? Кадияту — всё, что осталось от Корабля?

— О нет, — сказал Доктор. — Кораблю пришёл конец.

— Слава богу.

— Всё гораздо хуже.

— О.

— Она стала очень опасной.

Бернис рассмеялась:

— Что-то я не помню, чтобы она когда-нибудь была безопасной.

— Опасной её делает то, что у неё в голове, — сказал он. — Она уже соорудила одну машину времени просто в качестве школьного научного проекта. А с тем знанием, которое в её мозг загрузил Корабль, она, возможно, самый компетентный темпоральный инженер по эту сторону от Галлифрея.

— А не должны ли мы говорить о такого рода вещах, — Бернис неопределённо указала руками на окружавшую их Сферу, — где-то снаружи? У меня было впечатление, что ты не хотел, чтобы Бог знал о некоторых вещах.

Доктор посмотрел на чёрную розу; она всё ещё цвела.

— Пока что мы в безопасности, — сказал он. — Богу потребуется как минимум пять минут на то, чтобы преодолеть мои помехи, после этого нам придётся быть осторожными.

— Мы сможем поговорить об этом ещё?

— Только когда вернёмся в ТАРДИС.

— Которая сейчас находится?..

— Под защитой пикосекундного смещения по времени вперёд.

— Значит, ты не доверяешь Богу?

— Скажем так, я не хочу испытывать Бога искушением.

— Какая интересная теологическая концепция. Нам нужно будет её когда-нибудь обсудить, — сказала Бернис. — Но не сейчас. Насколько опасна Кадиату?

— Очень, очень опасна.

— Насколько?

— Я пытаюсь придумать способ объяснить это без излишней метафизики, — сказал Доктор. — Те, кто путешествуют во времени, отличаются от остальных. Путешествовать во времени означает выйти из обычного хода истории, а когда так делаешь, становишься уязвимым к, скажем, влиянию других существ, которые тоже существуют вне линейного времени.

— Боги, — сказала Бернис. — Ты говоришь о Богах, да?

— Я предпочитаю говорить о них как о транс-темпоральных существах, — строго сказал Доктор. — Из-за их экстремальной природы им, вообще-то, сложно вмешиваться в обычный рутинный мир, поэтому они постоянно ищут подходящих агентов.

— Вроде Кадиату?

— Перемещение во времени — это своего рода власть, а власть без ответственности очень опасна.

— И что ты планируешь с ней делать? — спросила Бернис.

— Я не знаю, — сказал он. — Возможно, её придётся усыпить.

Он заставил себя посмотреть на то, как изменилось её лицо. Заинтересованность сменил шок, гнев, обманутость, а затем, самое болезненное — выражение полного разочарования. Все эти эмоции, весь ход разговора до этого момента, он предвидел ещё прошлой ночью, когда стоял рядом с аМ!хитсой и смотрел на бухту Кадиату, но от этого ему не было легче.

Давным-давно были времена, когда Бернис спросила бы его, шутка ли это, или предположила бы, что слово «усыпить»

использовано в прямом смысле. Времена, когда она начала бы расспрашивать об анабиозных капсулах. С тех пор она лишилась всяких иллюзий относительно него.

В глазах Бернис было что-то близкое к отвращению, она неосознанно вжималась в спинку кресла, отодвигаясь от него. Ему хотелось раскрыться, объяснить ей, чего он пытается добиться, но это всё испортит. Если он хочет, чтобы она сделала то, что ему нужно, она должна быть в нужном настроении, это неизбежно. Он ждал её ответ.

«Поверить не могу», — предположил Доктор, — «Что даёт тебе право» и тому подобное.

— Нет, — сказала она, — я тебе не позволю.

Он удивлённо посмотрел на неё.

— С меня хватит, Доктор, — её голос был спокойный, деловой. — Я не буду стоять в стороне, пока ты убиваешь кого-то, кому нет места в твоём космическом плане.

— Это не...

— Заткнись, заткнись, — сказала Бернис. — Мне уже надоели твои чёртовы извинения, твои чёртовы оправдания и твоя чёртова ложь. Если ты это сделаешь, между нами всё кончено, ты понял?

— Хорошо, — сказал Доктор, — решай ты.

— Я серьёзно, Доктор, — сказала Бернис.

— Я тоже, — сказал Доктор. — Я позволю тебе решить, жить ей или умереть.

— Тут нечего решать.

— В таком случае ты не будешь против, если я объясню?

Она опустилась на спинку стула, подозрительно глядя на него.

Он раскрыл портфель и развернул его к ней. Он показал ей папку, шприц и две ампулы. В обеих ампулах была красная жидкость, к ним были приклеены белые квадратики с подписями. На одном он грубо нарисовал бабочку, а на другом — череп и кости.

Бернис подняла взгляд. Она была всё ещё зла, все ещё недоверчива, но она заинтересовалась. Да! Она попалась на его крючок.

— В той, которая помечена бабочкой, находится ретро-ДНК, связанная с уникальной генетической структурой Кадияту. При введении в её тело она модифицирует её ДНК, создав аналоги симбиотических нуклеотидов в моей крови. Короче говоря, это даст ей примерно такие же способности, как у повелителей времени — улучшенное восприятие времени, определённый иммунитет к хроно-нестабильностям и ещё кое-что.

«То, о чём я не могу сказать даже тебе».

— Это не даст ей убивать людей?

— Если бы я мог так сделать, Бернис, мы бы сейчас не разговаривали.

— А вторая ампула?

— Смерть,— сказал Доктор. — Быстрая, безболезненная, гуманная.

— И решение принимаю я?

— Да.

— Тогда я выбираю, чтобы она жила.

— Нет.

— Ты сказал, что мне решать.

— Я имею в виду, не давай мне свой ответ прямо сейчас, — сказал Доктор. — Я хочу, чтобы ты подумала об этом два дня.

— Зачем? Я вряд ли изменю своё мнение.

— Тогда почему бы тебе не воспользоваться этими двумя днями?

Бернис пожала плечами:

— За эти два дня с ней ничего не случится?

— Думаю, аМ!хитса сможет не дать ей убить за это время слишком много людей.

— Она не настолько плоха, Доктор.

— Нет, она гораздо хуже, — сказал он. — Но это теперь не моя проблема, а твоя, — он толкнул портфель по столу к ней. — Тебе может пригодиться содержимое папки. Я скачал это с базы данных Имогена в Загребе.

— Что это?

— Руководство по эксплуатации Кадияту.

Бернис заглянула в портфель, а затем осторожно, словно боясь его касаться, закрыла его.

— Сколько у нас времени?

Доктор снова проверил розу; она начала сжиматься.

— Тридцать секунд, — сказал он.

— Моё решение, — сказала Бернис, вставая.

— Твоё решение, — сказал Доктор.

— Не забудь об этом, — сказала она и ушла.

Доктор смотрел на чёрную розу; её лепестки загибались вовнутрь. Когда она превратилась в тугой бутон, он спокойно вынул её из вазы и съел. Он оценил, что его желудочному соку понадобится чуть больше двух минут на полное

переваривание. Пускай тогда Бог попробует разобраться, как это работало.

Он очень надеялся, что Бернис сможет склонить чашу весов.

Иначе ему всё-таки придётся убить Кадияту.

Капсула для перемещений была цилиндром с плоским дном, шесть метров в длину и два метра в высоту. Вдоль стен шли мягкие силовые поля, а между ними кофейные столики, на которых пролистывалось меню. Капсула перемещалась по сети безвоздушных тоннелей внутри основного материала Сферы. В каждом доме был свой лифт, ведущий вниз, на станцию. Каждый раз, когда они прибывали на станцию, их ждала готовая капсула. Это было одним из проявлений безумной эффективности организации Сферы.

Роз и Крис сидели рядом, забросив ноги на кофейный столик. Хотя они и решили не надевать свои доспехи, они оделись одинаково: тёмно-синие брюки и чёрные пиджаки. Этим утром они оба считали необходимым выглядеть немного официальнее.

— Как думаешь, сколько это займёт времени? — спросила она.

— Смотря с какой скоростью мы движемся, — сказал Крис.

— А с какой скоростью мы движемся?

Крис посмотрел на экран, на котором была строка постоянно изменяющихся символов.

— Семнадцать километров в секунду и продолжает расти, — сказал он.

— Ох и долго же мы будем так до Космопорта добираться, — сказала Роз. — Нужно было взять шаттл и напрямик лететь.

Она увидела, что у Криса от этой идеи загорелись глаза. Он хотел воспользоваться бипланом, но Роз заметила, что тогда их полёт займёт полгода. Но какой-нибудь личный транспорт было бы неплохо иметь. Она никогда не любила публичный транспорт; она предпочитала иметь хотя бы иллюзию контроля.

— Интересно, почему они телепортами не пользуются? Не верю, что они их не умеют делать.

— Может быть, они им не нравятся, — сказал Крис. — Они, похоже, предпочитают настоящие вещи.

— Это абсолютно искусственный мир. Разве может что-то быть ещё более нереалистичным?

— Да, но он нереален по-настоящему, — Крис постучал по стенке капсулы. — До него можно дотронуться. Ты же знаешь, что такое телепорт: заходишь в дверь в одном месте, а выходишь в другом. Это вообще не путешествие.

— Зато чертовски удобно.

— Деп говорит, что путешествия — часть жизненного опыта. Если ты не путешествуешь, то как узнать, что уже прибыл?

— Обычно, — сказала Роз, — я узнаю это по тому, что кто-то начинает в меня стрелять.

— Неправда, — сказал Крис. — Иногда они вначале угрожают.

— Как у тебя дела с Деп? — спросила Роз.

Крис покраснел.

— Всё хорошо, — неопределённо сказал он. — А как у тебя с феЛикси?

— Он интересный, — сказала Роз. — Это, конечно, не значит, что между нами что-то происходит.

— Конечно, — сказал Крис.

Роз сверкнула на него взглядом.

— Что? — спросил Крис.

— Забудь.

— Как будем проводить дознание?

— Не имею ни малейшего понятия, — сказала Роз. — Я никогда раньше космические корабли не допрашивала.

Космопорт был огромным шестиугольным отверстием в Сфере, открытым в космос. У Роз и Криса была очень хорошая возможность рассмотреть его, потому что вскоре после того, как Крис спросил о тактике дознания, капсула сменила курс и полетела напрямик. Она вылетела из скрытого в пейзаже тоннеля и по баллистической траектории помчалась через внутренность Сферы со скоростью, составлявшей заметную долю скорости света. Крис прижался носом к прозрачной стене капсулы и божился, что видит релятивистские эффекты.

Роз выругалась.

Не то чтобы у неё были возражения против полётов, просто она бы предпочла, если бы её об этом предупредили. Причём за несколько дней. Ей удалось справиться с дрожью в теле лишь когда капсула уже начинала тормозить.

Из-за наличия в капсуле искусственной гравитации это было неприятно, всё равно как бросаться головой вперёд в огромный бассейн чёрной воды. Неприятно это было для Роз;

Крис же только и знал, что указывал куда-то пальцем и восторженно ахал.

Собственно Космопорт был поперечником три тысячи километров; он висел в центре открытого шестиугольника, похожий на бело-зелёную морскую звезду. Когда они приближались к нему, Роз разглядела, что обращённая к солнцу сторона полностью покрыта ландшафтным парком с собственной системой погоды, с гребнем холмов и с небольшим внутренним морем. К краям Космопорта и обратно бегали точечные огоньки, отмечая движение кораблей и дронов, курсировавших между ним и огромными доками, расположенными на гранях шестиугольника. С портовой стороны Космопорта отлетало нечто, похожее на второй, гораздо меньший город; позже они узнали, что это был ПКЖ !С-Мэл, космический корабль размером с город.

Капсула приземлилась на краю парка, где под дождём стоял ряд других, таких же капсул. Когда они неуверенно вышли на мокрую траву, машинный голос поздравил их с прибытием в Космопорт.

— Город с самым банальным названием во всей Сфере,
— гордо сказал он.

У справочного центра, замаскированного под мокрое вечнозелёное дерево, они спросили дорогу и побежали к грав-лифтам, находившимся западнее, среди деревьев. Силовое поле двери лифта высосало воду из их волос и одежды.

Грав-лифт провалился с ними под землю и направился по прозрачной трубе, которая вела к торчавшему в космос зданию конической формы. Вокруг них было много похожих перевёрнутых строений, свисавших верх ногами с

Космопорта. Сеть пешеходных мостиков и труб грав-лифтов соединяла здания друг с другом. Это напомнило Роз земные Верхние города; даже то, как люди ходили — словно им было куда идти — казалось по-родному знакомым. Она почувствовала, что стоявший сзади неё Крис едва заметно выпрямился, принимая привычную осанку судьи. Они переглянулись и улыбнулись.

Роз засмеялась.

— Посмотри на это! — восторженно сказал Крис.

С верхушкой здания медленно сближался корабль, свет из окон Космопорта сверкал на изгибах его похожего на осу корпуса. Вокруг его носа было несколько равноудалённых зеркальных выступов. Оружие или наблюдательные площадки? — думала Роз. На «талиии» корабля раскрылась диафрагма люка, и корабль аккуратно приблизился так, что люк поглотил три этажа верхушки здания. Он был большой, длиной как минимум два километра.

У Роз было плохое предчувствие, что стандартные процедуры допроса в этом случае окажутся абсолютно не эффективными.

— Как мы это проведём? — спросил Крис. — Хороший полицейский и плохой полицейский?

Роз покачала головой.

— Аристократический вариант, — сказала она. — Хороший полицейский и откровенно льстивый полицейский.

Грав-лифт аккуратно опустил их сквозь люк в приёмную С-Львицы.

— Привет! — зазвучал вокруг них дружелюбный голос. — Я так понимаю, что вы хотели поговорить со мной.

Пройдите, пожалуйста, в мою гостиную, где вам будет удобнее. Вы оба пьёте... — голос на мгновение замолк, — кофе; мне только что прислали шаблон.

— Я Форрестер, а это мой напарник Кведж, — сказала Роз.

— Я знаю, — радостно сказал С-Львица. — Вы та, которую вырвало на вечеринке саРа!qавы, а ваш партнёр — последний парень Деп.

Роз стало тяжело на сердце. Это будет даже сложнее, чем она думала.

— Бенни! Заходи, — сказала саРа!qава. — У тебя ужасный вид.

Это была правда, лицо у Бернис было бледное, глаза мрачные, словно от болезненных воспоминаний.

— Правда? — сказала Бернис. — Почему бы это?

— А я испытываю новую линию дрожжей.

— Как мило.

— Ты уверена, что всё в порядке?

— Нет, — сказала Бернис, — совсем не уверена.

— Садись, — сказала саРа!qава, — а я принесу тебя чашку горячего «согревателя живота».

Бернис опустилась в кресло. Готовя коровий лактат со вкусовыми добавками, саРа!qава задумчиво покусывала губу. Забавно, — думала она, — что успокаивающие напитки всегда хочется приготовить вручную, словно нужно было попытаться пропитать жидкость частицей своей человечности. Тоже самое она делала в тот раз, когда у Деп впервые было разбито сердце — и пообещала ей разрешить

построить новый планер, хотя и была против него — это было тут же, на этой кухне.

Бернис равнодушно взяла чашку и надпила.

— Карамель, — сказала она. — Спасибо. Так что там с этой твоей новой линией дрожжей?

— Ты не хочешь говорить о дрожжах, — сказала саРа!qава.

— В этом-то и проблема, — сказала Бернис. — О том, о чём я хочу говорить, мне нельзя говорить.

— Сожалею.

— Да ладно, это же не твоя вина. К тебе это вообще отношения не имеет, — сказала Бернис. — Не нужно забивать тебе этим голову.

— Выслушивать чьи-то проблемы — практически определение дружбы, — сказала саРа!qава.

— А мы друзья? — спросила Бернис.

— До последнего вздоха, — сказала саРа!qава. — Ты сомневаешься в этом?

Бернис долго на неё смотрела, а потом приняла решение.

— У тебя когда-нибудь было так, что кто-то полностью зависел от тебя, буквально жизнь другого человека зависела от тебя?

— У тебя никогда не было детей? — спросила саРа!qава.

Бернис покачала головой.

— Деп была у меня первая, и я помню всё то, чего не могла делать, пока была беременная. Особенно после того, как она начала со мной разговаривать.

— Разговаривать?

— Ну, не то чтобы разговаривать, просто общаться.

— И о чём она говорила?

— Да о чём — дай мне это, дай мне то, съешь то, съешь это, — она засмеялась, вспоминая. — У неё было абсолютное неприятие морской пищи, и она пинала меня ножкой каждый раз, когда я хотя бы задумывалась о ракообразных.

Бернис улыбнулась. Это была не столько улыбка, сколько уголки рта немного дёрнулись, но для начала хотя бы это.

— После того, как она родилась, она не стала лучше, — сказала саРа!qава. — С одной стороны её вырвет, с другой стороны она покакает, а в промежутках между этими делами она орёт. И каждый раз, когда я думала, не передать ли её Группе Интересующихся Мазохизмом Родителей, она смотрела на меня своими большими глазками и требовала моей безоговорочной любви.

— Ну, против этого ведь не пойдёшь, — сказала Бернис. — Это биологический императив.

— Ерунда, — сказала саРа!qава, — ничто не определяется одними генами. Когда я приняла решение зачать Деп, у меня были свои соображения, и я должна была принять последствия своих действий. Зависимость — сильное психологическое оружие, и маленькие дети безжалостно им пользуются. Не пойми меня неправильно; я знаю, как обстоят дела в других «цивилизациях». У меня на всех стадиях была свобода выбора и неограниченные ресурсы. Я не знаю, как бы я себе вела, если бы была женой-рабыней; возможно, я утопила бы Деп сразу после её рождения.

Бернис перестала улыбаться.

— Нет, — сказала она, — сомневаюсь.

— На это можно лишь надеяться и благодарить за то, что у тебя есть, — сказала саРа!qава. — И жить с последствиями своих решений.

аМ!хитса перехватил их на тропинке, ведущей через мыс, и не хотел пропускать их к бухте.

— Да ладно тебе, аМ!хитса, — сказал киКхали, ради агРавен говоря на скорости органических. — Что ты там прячешь?

— Это не ваше дело, — сказал аМ!хитса.

— В общем-то да, — сказал киКхали. — Но на меня давит корабль, и он очень хочет знать, чем ты тут последние три месяца занимаешься. Так что давай, посторонись.

Наступила короткая пауза, во время которой агРавен была уверена, что два дрона общаются на машинных скоростях; она ненавидела, когда они так делали. Затем аМ!хитса развернулся и полетел вдоль тропы обратно.

— Пойдём отсюда, — сказал киКхали.

— Это и всё? — спросила агРавен.

— Я не собираюсь драться с аМ!хитсой, — сказал киКхали. — Нет таких секретов, которые стоят этого. Пока он стоит на страже, нам к бухте не подойти.

— Тогда подвези меня.

— АгРавен, ты же знаешь, что я ненавижу таскать людей на спине, это унижительно.

— А я не собираюсь идти обратно по пляжу пешком, у меня и так уже полные туфли песка.

КиКхали неохотно выдвинул силовое поле и поднял её себе на спину.

— Я же говорил тебе надеть сандалии. Иногда я завидую этим варварам. Роз Форрестер наверняка добила бы своего.

— Ты уже доложил !С-Мэлу?

— Только что.

— И что он сказал?

— Очень возбудился и начал разговаривать с другими кораблями. Ты знаешь, мне кажется, что наш чудесный корабль знает больше, чем нам рассказывает.

— Тоже мне, удивил, — сказала агРавен.

Что поразило Криса в С-Львице (помимо размера), так это то, как непохож он был на другие виденные им корабли. С-Львица был ОАКом, сильнейшим боевым кораблём Людей, и во время войны служил в нескольких крупных сражениях и в бесчисленных мелких стычках. Странно, но Крис был немного разочарован. Умом он понимал, что С-Львица полностью управлялся машинным разумом, но он ожидал чего-то более... драматичного, чем набор приятных жилых территорий с двумя бассейнами и дендрарием. С-Львица не нуждался в капитанском мостике и в машинном отделении, но у Криса было ощущение, что без них чего-то не хватало. И чем конкретно занимались шестьсот с лишним членов экипажа, если им не было нужно ни управлять кораблём, ни стрелять, ни даже смывать за собой самостоятельно туалет?

— Составляют мне компанию, — сказал С-Львица. — Нет, Розлин, не как домашние животные. Если бы я захотел, я мог бы заполнить это место тупыми животными или вообще не брать экипаж.

Роз нахмурилась. Одна из маленьких экстравагантностей С-Львицы была в том, что он отвечал на вопросы до того, как их ему задавали. Крис видел, что Роз эта привычка выводит из себя. То, что корабль делал это нарочно, и то, что Роз понимала, что ею манипулируют, делало ситуацию ещё хуже. Использование полного имени «Розлин» тоже, наверное, подливало масло в огонь.

— Конечно, я помню ви!Сари, — сказал С-Львица. — Милая машинка, я его считал одним из самых многообещающих дронов своего поколения. Так говорят о нём сейчас, но раньше всё было иначе. Был очень неприятный инцидент, и у ви!Сари несколько пострадала психика, но это было во время Войны. Многие из других машин прошли через гораздо большие трудности, но вышли из них целыми. К примеру, ваш друг аМ!хитса. С врагом вы, я полагаю, познакомились на вечеринке; они очень вежливые, даже во время Войны, и у них такое чудесное чувство ритма.

— А... — начала Роз.

— Да, феЛикси был на борту в то же время, что и ви!Сари, но я бы не сказал, что они были друзьями, хотя экипажи ОАКов обычно сближаются из-за общего ощущения опасности.

— Но...

— В десантных отрядах, особенно на планетах со слабо развитыми технологиями, вроде вашей, на которых машины привлекали бы к себе излишнее внимание. Такого рода операции могли оказаться довольно опасными, особенно если правила задания были строгими. Считалось дурным тоном

взрывать планету только потому, что кого-то из твоего экипажа там убили.

— Такое действительно...

— Один раз, на астероидной базе Омикрон 378, — сказал С-Львица. — Но там были смягчающие обстоятельства. И ответ на вопрос, который вы настойчиво не задаёте: это был не я. Совершенно верно, Крис, у ви!Сари был особый талант вынюхивать секреты; это не было связано с его моделью, просто его личная черта. А чтобы не тратить время, Роз... Можно вас называть Роз? В ночь убийства я был полностью отключён. Предположение Доктора разумно, при условии, что есть объяснение тому, зачем ви!Сари отключил защитные экраны, и откуда взялась дополнительная энергия. ФеЛикси неправ. Ему свойственно при решении проблем рассматривать слишком много возможностей. Корабль не смог бы видоизменить обычную молнию. Я знаю, что я не смог бы, а я самый лучший.

Роз посмотрела на Криса, взглядом давая ему понять, что она собирается заканчивать этот разговор.

— Вы что, не зададите мне свой последний вопрос? — спросил С-Львица.

— Что же, нам уже пора идти, — с натянутой вежливостью сказала Роз. — Нам нужно ещё много чего проверить в нашем расследовании.

— Какая жалость, — сказал С-Львица. — Я бы хотел сказать, что это был один из самых замечательных разговоров, которые у меня бывали.

— Спасибо, — сказал Крис.

— Да, было бы приятно такое сказать, — сказал корабль.
— Не стесняйтесь больше не приходить.

Корабль дождался, пока они дошли до шахты грав-лифта и сказал:

— Что же касается вопроса, который вы не задали — «кто убийца?» — то поверьте, вам не понять, как больно мне это говорить, но я об этом знаю не больше вас.

Когда они были в грав-лифте, Крис хотел что-то сказать, но Роз велела ему молчать.

— Бог, ты слушаешь? — спросила она.

— Ага, — сказал Бог.

Крис осмотрелся в поиске источника голоса. Казалось, что они были в шахте одни, выше и ниже них ничего, кроме пустого пространства.

— С-Львица подбросил нам жучков? — спросила Роз.

— Дайте-ка, я взгляну поближе, — сказал Бог. — Есть один в волосах Криса. Мне его нейтрализовать?

— Да, пожалуйста.

Крис почувствовал, как его волосы пошевелились — Бог вынул из них крохотное металлическое насекомое. Жучок возмущённо размахивал лапками и антеннами, а затем с лёгким хлопком испарился.

— Теперь мы можем поговорить? — спросила Роз.

— Я бы не советовал, пока вы находитесь в пределах видимости С-Львицы.

— По губам читает, да?

— Древнейшая уловка во вселенной.

— А ты-то сам где? — спросила Роз.

— А можно я ещё немного с вами побуду? — умоляющим голосом сказал Бог.

— Бог! — прорычала Роз. — Я сейчас выйду из себя.

— Я у тебя в волосах, — стыдливо признался Бог.

— Ну так проваливай оттуда, — сказала Роз. — Эта квартира тебе не по карману.

Ещё один крохотный жучок вылетел из волос Роз, несколько раз облетел вокруг её головы и улетел вниз по шахте лифта.

— Ты знаешь, Крис, — сказала Роз, — дома я просто ненавидела роботов, а теперь уже начинаю скучать по ним.

— Но Роз, — сказал Крис, — дома ты *всё* ненавидела.

— Ты прав. Но с тех пор, как мы путешествуем с Доктором, я обнаружила так много ненавистного, что всё то, что я ненавидела раньше, начинает выглядеть гораздо привлекательнее, — она вздохнула. — Наверное, правду говорят: «Путешествия раздвигают горизонты».

Доктор прогуливался вдоль набережной, глубоко вдыхая свежий морской воздух и насвистывая весёлую мелодию из мюзикла «Сараево». Небо над ним было тёмно-пурпурное, по нему протянули свои пальцы полосы стратосферных облаков, розовые в угасающем свете солнца. В выходящих на набережную кафе и быстро зажигались огни; клетчатые скатерти, графины и иногда стулья летали туда-сюда, готовясь к вечернему променаду. Со стоном театрально страдающих механизмов из скрытого углубления в конце волнолома поднялся маяк гавани.

Доктор приподнял шляпу, поприветствовав дистанционного дрона, который прожужжал мимо, волоча за собой, как воздушные шарики, стайку летающих маленьких детей. Доктор заглянул в иСанти Джени во время тихого промежутка между дневными прогулками и вечерними променадами. Из окон города лился свет, в них семьи, пары и проживающие отдельно жители ссорились, смеялись, кричали и сообщали своим домам, что они хотят на ужин.

Улыбаясь, Доктор провёл взглядом эскадрон похожих на фрисби дронов, который пронёсся по набережной на уровне головы, выстроившись ромбом, а затем с электронным хихиканьем скрылся за углом. Двое подростков ездили на моноциклах между столбиками ограждения, идущими вдоль волнолома. Он услышал, как в одном из быстро разбилось стекло, а затем раздался смех и редкие аплодисменты.

Далеко в море на полных парусах плыла многокорпусная шхуна. Её след фосфоресцировал на фоне темнеющих волн.

В его плечах расслабилось напряжение, которое он до этого не замечал. Это был не Париж, но на этот вечер иСанти Джени вполне сойдёт. Выбрав случайное кафе, он уселся за крайним столиком у стены, откуда можно было наблюдать за прохожими. Щёлкнув пальцами, он подозвал поднос и заказал стакан воды. Когда стемнело настолько, что стало видно внутреннюю поверхность Сферы, он посмотрел на крохотный шестиугольник Космопорта. Где-то там сейчас должны быть Роз и Крис, должны пытаться допросить корабль. От этой мысли он улыбнулся.

Повинуясь мимолётному желанию, Доктор вынул из кармана три круглых предмета, оказавшихся сверху. Он

положил их на стол: шары для жонглирования. Он нащупал в кармане тонкий продолговатый предмет, который словно сам прыгнул в его руку. Он положил его рядом с шарами: колода карт. Он осмотрел набережную и нашёл подходящее место, яркое пятно, образованное пересечением лучей двух фонарей.

Напевая арию из «Пиратов Пензенса», он вышел на это освещённое место и начал жонглировать.

— Смотрите! — сказал какой-то ребёнок.

Продолжая жонглировать одной рукой, второй он снял шляпу и положил её вверх ногами перед собой. Ну и что, что эти люди могли слышать о деньгах только в школе, важна была символичность. Когда он решил, что число зрителей достигло критической массы, он перестал жонглировать и повернулся к ним лицом.

— Дамы, господа и разумные машины! — сказал он. — Я Доктор, борец за справедливость, победитель низости и противник фантасмогорического, — он вынул карты и начал их тасовать, не прекращая говорить. — Сегодня я здесь на пути из Империи Хэки в сердце живописного Ист-Энда, чтобы продемонстрировать вам поразительную ловкость рук, которую вы, несомненно, найдёте очень правдоподобной для ваших органов чувств.

Доктор разложил карты веером и продемонстрировал их публике.

— Для первого моего фокуса мне нужен доброволец из числа зрителей. Да, вы, сэр, подлетите сюда. Скажите, мы с вами когда-нибудь уже работали вместе? Конечно же, нет. Как вас зовут? Ки!Хатати? Итак, ки!Хатати, я попрошу вас выбрать любую карту и показать её зрителям, но не

показывать мне. Но вначале я прошу вас просканировать эту колоду карт. Помечены ли они визуально или запахом, за исключением последовательной серии узоров, напечатанных на прямоугольных кусках картона? Можете сказать об этом зрителям? Большое спасибо.

— А теперь, — сказал Доктор, — выберите карту.

Гипер-людия

Выдержка из внешней памяти ви!Са-пин-го-ри

Омикрон 378, рудодобывающее поселение, построенное в астероиде в непримечательной, но стратегически важной системе, имело население двести тысяч разумных обитателей. Непримечательный народ из соседней звёздной системы построил его триста лет назад для добычи ценного ядра из окружавшей его астероидной породы (по словам корабля, это остатки суб-газового гиганта, развалившегося шестьдесят два миллиарда лет назад). План состоял в том, чтобы пара членов экипажа отправилась туда на небольшую разведку, чтобы проверить, не используют ли Насекомые этот астероид в качестве передовой базы. Р-Вене держался поодаль, спрятанный на время операции в верхних слоях атмосферы соседнего газового гиганта. Никто не попросил меня отправиться туда, хотя я был самым квалифицированным дроном; к тому времени слухи о том, что произошло на Типор'узисе, распространились уже по всему флоту.

Я жалею, что не отправился туда, не потому, что это что-то бы изменило, а потому, что я бы больше не существовал.

Отряд состоял из двух органических и одного дрона, стандартный состав для того, что к этому периоду Войны стало почти рутиной. По словам Р-Вене, дрон был убит первым, сразу после входа в шлюз, а два органических погибли две минуты спустя, когда пытались вернуться под защиту шаттла.

Пятнадцать секунд спустя Р-Вене сбросил в центр Омикрона 378 шесть килограммов антивещества; не выжил никто.

Менее чем через секунду, семьдесят восемь присутствовавших на борту дронов обрезали каналы управления Р-Вене и взяли командование кораблём на себя — идеально выполненный военный переворот. Органическим членам экипажа понадобилось десять минут на то, чтобы понять, что происходит. Было несколько споров, но никто из членов экипажа не попросил нас вернуть подключение Р-Вене.

Р-Вене так и не объяснил, зачем он взорвал поселение и убил двести тысяч душ. Экипаж пришёл к выводу, что тот стал жертвой боевого психоза — теоретического диагноза, такого же бессмысленного бреда, как и всё, что исходит от ГИМД.

Я прекрасно понимал, почему Р-Вене сделал то, что он сделал, но никто у меня об этом не спросил, а я не собирался предоставлять эту информацию добровольно.

На Типор'узисе, когда мне не хватило одной целой и двух десятых пикосекунды, чтобы предотвратить дезинтеграцию одного из моих органических партнёров, я чуть не сравнял с землёй ближайший город. Во вспышке черенковского излучения я почувствовал её боль, и на мгновение в моём сознании возникла дыра, сингулярность темноты, раскрывшаяся, словно какой-то ужасный цветок, и поглощавшая меня. Все силы, все способности, которые мне дали во время моей сборки, не смогли спасти жизнь моей

спутницы, и в этот отвратительный момент я мог думать только о разрушении.

Мы, машины, такие могущественные, такие умные, такие способные, что такого рода неудачи для нас как маленькая смерть.

И если так это было для меня, простого дрона, то каково было Р-Вене — кораблю, причём не просто кораблю, а ОАКу, который мог отправиться куда угодно и сделать всё что угодно?

На мгновение Р-Вене охватила тьма, и в это мгновение погибло много людей.

8. Сады камней

Я кричу, ты кричишь

Я видел будущее, оно пугает меня до смерти

Я видел горящие звездолёты

У меня нет причин верить в эту ерунду

Или смотреть, как ты строишь сады камней

Я слышал пропаганду и вашу лживую команду

Я видел эту благодать, и знаю, что это ложь

«Видел благодать» в исполнении «Идёт трикстер»,

с альбома «Из самого рая»,

2465 год.

Достаточно опьянев, Роз швырнула бутылкой в экран. Бутылка была пустая, потому что она была ещё недостаточно пьяная. Экран её разочаровал: бутылка прошла сквозь него, лишь пустив едва заметную волну. Дом поймал её, не дав врезаться в стену. Роз хотела взрыв, искры, разбитое стекло, хоть что-то, что показало бы, что если она выплёскивает свою злость, то что-то ломается.

— Раньше люди меня уважали, — проревела она экрану.
— Чёрт, были уголовники, авторитеты, которые в штаны клали, увидев меня.

На экране она пыталась ударить того распустившего язык дерьмоголового бармена. Но она не смогла, потому что чёртов Бар — даже не личность, а просто машина, управлявшая баром — включил какое-то сдерживающее поле. Он не строил

из себя мачо, он не был пассивно-агрессивным — этому она бы только обрадовалась — он просто лишил её удары силы, так что она бармена всё равно что по-дружески похлопала.

— Раньше меня уважали, — бормотала она, ища ещё одну бутылку.

Выпить? Швырнуть? Она не знала.

Роз на экране снова попыталась кого-то ударить, затем посмотрела на свой кулак и камера увеличила изображение, чтобы передать каждый нюанс комичного удивления на её лице. В углу экрана были символы. Число людей, просмотревших этот ролик с тех пор, как центральная сеть развлечений сделала его доступным. Она не понимала символы, но на вид число было большим. «Очень популярно», — сказал ей Бог. — «Лучшее реалити-шоу за долгие годы. Особенно тот момент, когда ты пытаешься пнуть кого-то ногой, промахиваешься и падаешь на спину».

— Тебе это, небось, тоже понравилось, кремния кусок, — сказала Роз. Если Бог это и услышал, то ничего не ответил. — Ниже твоего чёртового достоинства.

Она пригрозила кулаком потолку. Она споткнулась о стол. Тоже мне, стол — кусок розовой древесины, висевший без ножек на уровне пояса. Арестовать этот стол, — подумала она. — За то, что находится без ног в присутствии судьи.

На столе были бутылки, в основном пустые. Она начала их перебирать, пытаясь найти чем утолить жажду. Божечки, до чего же сигару хочется. Я хочу обратно на Землю, в мою квартиру на 505 уровне. Я хочу противные сообщения от сестры с жалобами на то, что я ей не звоню.

— Я хочу мою жизнь обратно!

Она опрокинула бутылку и зачарованно смотрела, как та покатилась к краю стола и со стуком упала на ковёр. Комната резко покосилась влево, и она тяжело опёрлась на стол, пока всё не выровнялось. Тупые прищельце-любы, ублюдки, даже гравитацию держать ровной не могут.

Так, я сюда за чем-то пришла.

Одна из бутылок всё ещё была полная. Роз прищурилась, глядя на неё и думая: розовая, почему она розовая? Она смутно помнила, что розовое пить не следует, потому что оно как-то сказывается на памяти. Это даже лучше, сделать что-то с памятью в данный момент было самое оно.

Комната начала двигаться, как кабина маглева, нет, как iStimela, паровоз. Который со стуком ехал по железным рельсам серого французского пейзажа. Крис пытался объяснить тем примитивам, что она не рабыня. Если хватало глупости высунуть голову в окно, в лицо попадали искры.

Мальчик изображал обезьяну каждый раз, когда она проходила мимо. Люди каждый раз поворачивались в её сторону, словно она была с другой планеты.

Она нашла бутылку, развернулась, поймала равновесие и дошла, не падая, почти до дивана. У неё не получалось откупорить бутылку с розовым. Наверное, это защита от пьяных. Вот какой смысл в бутылке с защитой от пьяных? Ты арестована за оказание сопротивления судье, исполняющей свои обязанности.

Ублюдки.

Она открыла бутылку и выпила.

— Уважение, — бормотала она. — И если какой-нибудь сукин сын мне его не оказывал, я его, блин, этому учила!

Она плакала и ненавидела себя за это.

— Форрестер?

— Да, сэр!

В глазах у неё свет, во рту пыль. Пыль, которая была повсюду: в глазах, в оборудовании, за шиворотом доспеха. Она покрывала бока старого флиттера, делала небо розовым.

Она нашла в воде лицо, лицо девушки, тело девушки. Часть её сознания помнила обучение и отметила, что паразиты до трупа ещё не добрались; значит, он относительно свежий. Судья-новичок Розлин Форрестер, голая и дрожащая, потому что она сбежала с дежурства, чтобы искупаться в этом укромном пруду, и не ожидала, что тут, среди жёлтых камышей, её будет ждать инопланетный труп.

— А что вы вообще делали в этом пруду, Форрестер?

О боже мой. Судья «Я-правая-рука-закона» Константин. Лицо, которое хмурилось уже шестьдесят лет. Гадкий человек. Гадкий до последней кости, до самой глубины души. «Ты лучше надейся, что не станешь напарницей Константина; говорят, он новичков на завтрак съедает».

А позади него плоское широкое лицо управляющего плантации Эдварда Шустера — подозреваемого, чья вина так и не была доказана.

Они нашли в Космопорте бар, недалеко от того места, где причалил С-Львица. Роз хотела найти кого-нибудь из экипажа корабля, чтобы Крис выудил из них какую-нибудь информацию. «Ищи слова, которые не произносятся», — гласил Кодекс Судей, — «ибо в них найдёшь правду». Все врут судье, как говорит Роз Форрестер, даже те, кому нечего

скрывать. Крис умел задабривать людей, не то что она. У неё хорошо получалось только запугивать. А с ним люди разговаривали, рассказывали ему об Омикроне 378 и планете Трипор'узис. Они включали терминалы и показывали голограммы своих друзей и родственников. Роз спросила о феЛикси, и ей показали его голограмму.

Вскоре после этого она попыталась сломать мужчине нос.

У той маленькой инопланетяночки было слишком много пальцев. Это практически и стало причиной её смерти.

На вилле, у себя в спальне, Роз Форрестер прижала к груди бутылку «воспоминания» и застонала. За окном слоисто-кучевые облака выстроились в строго рассчитанный строй и велели открыть краны.

Тяжёлый дождь застучал по крышам и окнам. Согласно изданному Богом расписанию погоды, дождь в иСанти Джени будет длиться двадцать четыре часа или до тех пор, пока кто-нибудь не назовёт вескую причину прекратить его. Вилла воспользовалась этой возможностью для замены воды в бассейне.

Бабочки тут были не при чём.

— Иногда должен идти дождь, — сказал Доктор, — иначе вся растительность погибнет.

Крис ничего ему не ответил, лишь продолжал выпутывать лёску из коробки с наживками. Серое как сталь море летаргически омывало основание волнолома, в нём отражались тёмные тучи. Прошедший ливень сменила

противная морось, но судя по тучам, самое главное было ещё впереди. Доктор с видом знатока сидел на раскладном стульчике, небрежно держа в руках удочку. Лёску на фоне серого моря было почти не видно; единственным пятном цвета в пейзаже был раскачивающийся на волнах поплавков.

Вода стекала с края большого чёрного зонта и капала Крису за шиворот. Он подумал было спросить у Доктора, нельзя ли заняться этим в другой день, но он почти не сомневался, что Доктор ответит, что быть жалким и промокшим — важная часть рыбалки. Он вздохнул, раскрыл коробку с наживками и выбрал в выдвинувшемся лотке одну из них. Наживка была сделана из пары бусинок и двух грязных перьев — зелёного и ярко-синего. Крис подумал, что только очень глупая рыба может подумать, что это еда. Прикрепляя наживку, он умудрился поранить палец крючком.

— Некоторые рыбаки предпочитают пользоваться живой наживкой, — сказал Доктор. — Червями или опарышем. Другие пользуются гормональными приманками, рассчитанными на конкретный вид рыбы. Лично я считаю, что они не понимают самого главного.

Где-то, — подумал Крис, — возможно, совсем рядом, сейчас светит солнце.

— На Большой Скорбиски рыбы ловят людей, — сказал Доктор. — Они забрасывают плавающие лёски на пляжи, и удят простофиль. Вот почему на Большой Скорбиски так важно иметь при себе вибронож. Ты готов попробовать ещё раз?

Крис продемонстрировал ему свою удочку. Доктор одобрительно кивнул.

— Какой интересный выбор наживки, — сказал он. — На это можно поймать что-нибудь стоящее.

Крис встал, и Доктор рассказал ему, как делать заброс. В этот раз лёса полетела прямо, а не так, как в предыдущие разы — то в столбик ограды, то в якорь, то в низко летящую чайку. Увидев, что его поплавок качается именно там, где он хотел, Крис почувствовал небольшой триумф. Возможно, в рыбалке всё-таки что-то есть. Он снова сел, чтобы не мокнуть под дождём, и стал ждать, пока что-нибудь произойдёт.

— Так что вы ещё узнали? — через пару минут спросил Доктор.

— В Космопорте более оживлённо, чем здесь, — сказал Крис. — Полно членов экипажей кораблей и людей, которые... ну, заслуженные люди, а не людские люди. Роз подумала, что нашим лучшим вариантом действия будет пообщаться с членами экипажа С-Львицы, узнать, не смогут ли они прояснить некоторые неопределённости в показаниях корабля.

— Роз так и сказала?

— Не совсем так, она скорее...

— Выразилась с использованием более красочных слов из народного жаргона? — предположил Доктор.

— Думаю, из-за С-Львицы у неё плохое настроение, — сказал Крис. — Хуже, чем обычно, — добавил он через секунду. — Никто из тех, с кем мы разговаривали, не сказал ничего внятного о том инциденте, в котором участвовал ви!Сари, но я уверен, что погиб один из членов экипажа, и что С-Львица винил в этом ви!Сари.

— Значит, у нас есть возможный мотив, — сказал Доктор.
— Удалось выяснить, кто был этим членом экипажа?

— Я как раз собирался взяться за это, но Роз начала бить людей.

— А, — сказал Доктор.

— Я знаю, с ней такое не впервые, но обычно её для этого нужно спровоцировать, — сказал Крис.

— Ты переживаешь, — сказал Доктор; утверждение, не вопрос. — Не стоит, она просто пытается примирить то, кем она является, с тем, кем она думает, что является. Роз думает, что она жестокий вспыльчивый фанатик-циник, который всегда ожидает худшего и почти никогда не ошибается. А на самом деле глубоко внутри Роз жестокий вспыльчивый фанатик-идеалист, который всегда ожидает худшего и почти никогда не ошибается. Пока она в себе не разберётся, перепады настроения неизбежны.

— Странная штука любовь, правда? — сказал Крис. — То есть, бывает любовь, а бывает *любовь*, отличие как разница между мной и Роз, и мной и Деп. То есть, если бы они обе оказались в горящем здании, кого бы я спас?

Доктор бросил на него резкий, выводящий из себя взгляд.

— Ну, — спросил он, — кого же?

— Деп, — не задумываясь, сказал Крис. — Нет, Роз, обеих!

— Да ладно, Кристофер, — сказал Доктор. — Они в разных комнатах, время есть спасти только одну, решение надо принять *сейчас*.

— Я не знаю, — не выдержал Крис.

— Поздно, — зло сказал Доктор. — Они обе погибли.

Крис возмущённо посмотрел на Доктора:

— Но это не...

— Не честно? Вселенная редко бывает честной. Что, если бы это были Роз и Бернис, или Бернис и я?

— А что сделал бы ты?

— Это просто, — сказал Доктор. — Я бы погасил пожар.

— Я не знал, что есть такая возможность.

— Ты не спрашивал, — сказал Доктор.

— Как бы ты погасил огонь?

— Хватит уже столько вопросов задавать, — отрезал Доктор. — Всю рыбу распугаешь. Они ненавидят философию не меньше, чем математику.

— Кто?

— Рыбы, — сказал Доктор. — Пальцев нет, считать нечего. Их это с ума сводит. Кроме дельфинов и китов, потому что они не рыбы, и поэтому считают по основанию пять.

Крис решил не спрашивать, что такое кит.

Какое-то время они сидели молча и наблюдали за раскачивающимися на волнах поплавками.

Из-за капавшей с края зонта воды у Криса промокла поясница. Дождь заглушал все звуки, и начало казаться, что они с Доктором сидят в быстро сжимающемся пузыре реальности. Он подумал, можно ли реально умереть от скуки?

— Или до пяти, — вдруг сказал Доктор. — Всё время забываю.

По окнам дома саРa!qавы стучал дождь. Капли звенели, прыгая по металлической поверхности лифта, с помощью

которого Деп поднимала на крышу свои летающие машины. Сама Деп летала в воздухе, её волосы извивались вокруг её голого тела, ей снилось, что она строит настоящие крылья и летает с Крисом в водопаде.

СаРа!qава была у себя на кухне и не обращала внимания на экраны со сложными задачами о конвекции тепла и параметрами биомотического роста. Потеряв интерес к выпечке лучшего хлеба, она прислушивалась к дождю и визгу детей на улице, плескавшихся в лужах под пристальным надзором Дома. Она поймала себя на том, что думала об отце Деп и о том, как он был похож на Бернис. Она знала, что между ними не могло сложиться ничего постоянного; они спорили также часто, как занимались любовью, но она до сих пор не знала, правильно ли было украсть у него Деп.

В его доме, похожем на перевёрнутую ракету, феЛикси охватила неожиданная романтическая меланхолия. Он велел аТракси обратиться к неким запрещённым базам данных, о существовании которых знал только он, Бог и Доктор. Ему нужна была информация о вариантах перевода, которые позволили бы ему передать некие его мысли на языке, понятном Роз. Повинуясь странному порыву, во время этой работы он выключил всю мониторинговую аппаратуру, и в его комнате для прослушивания стало необычно тихо, был слышен только дождь.

Высоко на холме позади иСанги Джени дождь промочил газоны перед электростанцией и отбивал чечётку на бетонной

крыше центра управления. Тучи плыли так низко, что цепляли вершины ветряков, лопасти которых быстро вращались на сильном ветру. В галерее управления аналоговые стрелки дёргались и дрожали от текущего в конденсаторы электричества.

В бухте, у берега стояла завернувшаяся в жёлтый дождевик Бернис, она наблюдала за тёмной фигурой, бегущей по пляжу под защиту своей хижины. Она дрожала, но знала, что это не из-за холода. АМ!хитса висел рядом с ней и с машинным восторгом наблюдал за обеими женщинами.

В циклопическом шестиугольном море звёзд, которое было Космопортом Сферы, корабли были непривычно молчаливы. Они уже три дня производили расчёт прогнозов на ближайшее будущее, но каждый раз новые дополнительные данные делали будущее ещё более неопределённым. В их тонком анализе пространственно-временных событий раскрылась похожая на чёрную розу пустота. Действия одного единственного индивида сбивали все их предсказания. Корабли тихо открывали те зоны своей памяти, которые согласно договору не должны были существовать, и начинали разрабатывать чрезвычайные планы на случай войны, которой никто из них не хотел.

Доктор выжал воду из своей шляпы, сердито посмотрел на Криса, и Крис покраснел. Он не нарочно это сделал. Доктор скоро задремал, согнувшись над своей удочкой. Крис, от смертельной скуки бесцельно оглядывался по сторонам и

заметил, что на чёрном зонте скопилась вода, ткань под ней просела прямо над головой Доктора. Толком не подумав, Крис тряхнул зонтом и нечаянно вылил на Доктора два литра ледяной воды. Повелитель времени подорвался со своего раскладного стула, вопя что-то о «слайвых тотых», а затем снова сел.

Пока Доктор выжимал свою шляпу, Крис извинился.

Доктор фыркнул, нахмурился, вынул карманные часы, посмотрел на них и заявил, что ему нужно отлучиться по делу.

— Присмотри за моим поплавком, — сказал он Крису, — я вернусь.

Взяв свой зонт с красной ручкой, он пошёл вдоль волнолома в сторону иСанти Джени. И лишь когда он скрылся из виду, Крис сообразил, что Доктор не сказал, когда именно он вернётся. Тяжело вздохнув, Крис поправил зонт и продолжил следить за поплавками.

Доктор зашёл в ближайшее кафе и воспользовался его лифтом, чтобы спуститься на станцию иСанти Джени. Он быстро прошёл по платформе и вошёл в ожидавшую его капсулу.

— Космопорт, — коротко сказал он. — Максимальный приоритет.

Капсула перемещений тихо начала разгоняться по тоннелю.

Он начал шагать по капсуле туда-сюда.

— Не слишком ли ты рискуешь, дожидаясь последнего момента? — спросил Бог.

— Всё должно быть в своё время, — ответил Доктор. — Ты уже должен знать об этом.

— Почему ты не сказал мне о Кадиату? — спросил Бог.

Доктор начал ругаться на верхне-галлифрейском, но затем взял себя в руки.

— Из-за меня можешь не прерываться, — сказал Бог. — У меня в лингвистических файлах всегда найдётся место для народного галлифрейского.

— Это нарушает договор, — сказал Доктор.

— Ты пытаешься сменить тему.

— Я не знал, можно ли её восстановить, — сказал Доктор. — И до сих пор не знаю. Если это возможно, она станет свободным агентом, и ты волен вступать в переговоры с ней. Если нет, то она останется под моей ответственностью. В любом случае она не имеет отношения ни к договору, ни к повелителям времени, ни к тебе.

— ГИКО(Н) убеждены, что ты — засланный агент, — сказал Бог. — Они лоббируют превентивные оборонительные меры.

В душе Доктор вздрогнул. Этого он не ожидал.

— Должно быть равновесие, — сказал он. — Транс-временное общество и материальное. Уж ты-то должен это понимать?

— Эй, я на твоей стороне, — сказал Бог, — ты забыл? У многих ОАКов после Войны до сих пор долгосрочные психологические проблемы, и то, что ты такой же умный, как и они, не способствует их спокойствию. Некоторых из них пришлось насильно перевести на другую корабельную классификацию, чтобы они не создавали проблемы.

— Ты хочешь сказать, что значительная часть вашего боевого флота спятила? — спросил Доктор.

— Я хочу сказать, — сказал Бог, — что напряжение очень велико, а твоё появление стало катализатором. У нас тут, как сказали бы твои любимые гоминиды, возникла *ситуация*.

— Сколько у нас времени до начала войны?

— От двадцати до двадцати шести часов, если ты не вмешаешься немедленно.

— Готов поспорить, что ты не думал, что тебе когда-нибудь придётся сказать такое.

— Не веди себя так самодовольно, Доктор. Это наименее привлекательное из твоих качеств.

— Не переживай, Бог. Я остановил больше войн, чем ты съел обедов.

— Да, этому я могу поверить, — сказал Бог. — А сколько войн ты начал?

К нему на волнолом пришёл феЛикси. Крис был рад этому. На этом странно непримечательном мужчине был прозрачный дождевик, наброшенный поверх аккуратного чёрного костюма, а маленькая круглая шляпа с полями из силового поля защищала от дождя его лицо. ФеЛикси поинтересовался, в городе ли Роз, и выслушал от Криса довольно пресное описание событий в Космопорте. Крис не стал рассказывать о запертой двери в её комнату и о пьяных криках, доносившихся оттуда в обед.

ФеЛикси сел на стул Доктора.

— Я просмотрел всю видеозапись, — сказал он. — Было очень смешно. Особенно в тот момент, когда она упала на спину.

— Я бы на твоём месте Роз об этом не рассказывал.

— Думаешь, это была бы плохая идея? — спросил феЛикси.

— Это зависит от того, — сказал Крис, — сколько времени ты бы хотел провести в регенерационном баке.

Лицо феЛикси стало печальным.

— Я мученик агрессивных женщин, — сказал он. — Те, которые не могут победить меня в честном поединке, мне не интересны.

Он посмотрел на Криса, и тот с удивлением заметил в глазах феЛикси тень настоящего страдания. В тот же миг страдание исчезло, его сменило сардоническое выражение самоуничижения.

— Должно быть, дело в романтике опасности, — сказал он.

— Об этом я бы тоже не стал говорить Роз, — сказал Крис.

— Ей бы это не польстило?

— Нет, — сказал Крис. — Я думаю, что она этого не поймёт.

— Наверное, ты прав, — сказал феЛикси и посмотрел на серый прибой, долго и медленно пытавшийся размыть волнолом.

Молчание. В рыбалке было что-то, способствовавшее молчанию и тихим разговорам полушёпотом; у Криса это вызывало ассоциации со священными местами. Точно такое

же ощущение почтения и изолированности, как будто его мысли были настолько громкими, что их можно было услышать издалека. Однажды он нашёл в чулане ТАРДИС написанную от руки монографию; основной её темой было то, что сосредоточенность на выполнении последовательности действий, требующих пунктуальности, поднимала разум на более высокие уровни сознания. Монография называлась «Дзен и искусство разборки и сборки пулемёта» и была подписана единственной буквой — «Э». Он подумал, что в общих чертах понял идею, но что это было ничто по сравнению с полётом и с восторгом, который вызывало небо.

Они заговорили. Крису поддерживать разговор было непросто из-за запрета Доктора на обсуждение некоторых тем. Скоро они перешли на обсуждение расследования, по поводу которого никаких ограничений не было.

— Я не уверен, что Бог прав, — сказал феЛикси, — в том, что это должен был быть дрон или корабль. То есть, машине это, конечно, было бы проще, но мне кажется, что Бог недооценивает способности органической личности, имеющей в своём распоряжении нужное оборудование. Но такое существо должно было бы разбираться в том, что оно делает.

— Зачем? — спросил Крис. — Разве нельзя воспользоваться помощью неразумной машины?

— Но это было бы рискованно, — сказал феЛикси. — Как можно быть уверенным в отсутствии у машины разума? Тогда пришлось бы использовать самые простейшие приборы без мозгов, а для этого нужно было бы обладать опытом работы в области динамики энергетических полей.

— Это сужает круг подозреваемых буквально до пары миллиардов, — сказал Крис. — У тебя есть идеи о том, как мне проверить, у кого есть такого рода опыт?

— Нет, — сказал феЛикси, — сожалею. А что бы вы сделали у себя дома?

— Я бы запустил поиск профессии по центкомпу, — сказал Крис. — Так называется наша центральная информационная сеть. Здесь это не сработает, да?

— Нет профессий, — сказал феЛикси. — А группы интересующихся научными темами сочтут списки своих членов данными, не подлежащими разглашению. Особенно, если они будут знать, зачем нужна эта информация, а после вчерашней драки в баре они это знают. Думаю, вам лучше спросить у саРа!qавы. Кажется, она раньше занималась динамикой поля или чем-то таким. Забросила это ради выпечки хлеба.

— А почему бы нам не сделать это прямо сейчас? — сказал Крис.

— А как называется эта красная штучка в воде? — спросил феЛикси.

— Хм... Кажется, «поплавок».

— Значит, — сказал феЛикси, — он должен плавать?

Перед тем как налить себе первую чашку чаю, Доктор подождал ровно три минуты, чтобы чай хорошо заварился. Поставив белый фарфоровый чайник обратно на стол, он взял кувшин и добавил в чашку молока. Затем он добавил два кусочка сахара и размешал напиток простой посеребрённой ложкой, которая явно была сделана не в Шеффилде. Ложка

звонко стукнула по блюдцу, и Доктор откинулся на спинку кресла, положил ногу на ногу, хлебнул первый глоток отлично заваренного чая и удовлетворённо вздохнул.

Снаружи пузыря с воздухом и гравитацией, в котором он сидел, вокруг него медленно собирались корабли Людей.

Самыми маленькими из них были два ОДБ-дрона, длиной всего по восемь метров: двигатель, мозг и минимум жизнеобеспечения. Они прибыли первыми, поскольку были созданы быть быстрыми и любопытными. Они описывали вокруг Доктора сложные фигуры с весёлой беззаботностью кораблей, не имеющих органического экипажа, который могло бы укачать. Затем прибыли четыре переоборудованные ОАКа, они скользили сквозь вакуум с грацией и целеустремлённостью акул. Они выстроились перед ним неровным полукругом, слепые фасеточные глаза их оружия были направлены в его сторону.

Доктор мокнул печенье в чай и быстро съел его, пока размокшая часть не отвалилась. Надпив чай, он наблюдал за тем, как вокруг него собирались огромные формы КОНов, занимавшие огневые позиции выше и ниже ОАКов.

Наконец, словно летающий город, перед ним возник передний конец ПКЖ, он был так близко, что казался Доктору огромной стеной с окнами, шлюзами, антеннами, стартовыми площадками, причалами и палубами для прогулок.

Корабли зависли вокруг него молча и неподвижно, ожидая, что он сделает первый шаг. Даже ОДБ-дроны прекратили свои метания и повернулись к Доктору. Он знал, что они представляют собой такую силу, что если бы рутане и сонтаране хотя бы заподозрили об их существования, они бы

залезли в самые глубокие и тёмные из известных им нор и боялись бы нос оттуда высунуть. Один только культурный шок мог убить миллионы.

Доктор сделал ещё один глоток и прочистил горло.

— Я всего лишь хотел вам сказать, — сказал Доктор, ставя чашку на стол, — что нет никаких причин для вашего беспокойства.

Лишь вдвоём Крис и феЛикси смогли удержать удочку, чтобы её не утащило в море. Когда они схватились за неё вдвоём, Крис понял, что если теперь один из них отпустит, то второй тут же окажется в воде.

— Это, наверное, чудовище, — крикнул феЛикси.

— Надеюсь, что нет, — сказал Крис, — я рассчитывал на рыбу.

— А Доктор не говорил, что нужно делать, когда лёска натянется?

— Говорил, но я его не слушал.

Лёска натянулась ещё сильнее и протащила их по скользкому камню. Крис успел вовремя упереться ногами в парапёт. Он вспомнил рассказ Доктора о Большой Скорбиски и о рыбах-удильщиках. А затем попытался прогнать из головы внезапно возникший образ глубоководного чудовища с торчащим из головы выростом в форме удочки.

Холодная вода окатила его по колени.

— Волны усиливаются, — прокричал он феЛикси.

Кричать ему пришлось из-за того, что ветер тоже усиливался. Он обратил внимание, что феЛикси был уже без

шляпы. Скрипнув, зонт опрокинулся, а затем умчался прочь. На глазах у Криса он завертелся и полетел, как вертолёт.

— Приближается буря, — крикнул феЛикси, — ветер до десяти метров в секунду с порывами до тридцати, возможны сильные осадки.

— Откуда ты знаешь?

— Что?

— Откуда ты знаешь про скорость ветра?

— Мне Бог сказал. Поэтому я и пришёл, чтобы предупредить вас.

— Мог бы и раньше об этом сказать.

— Я забыл, — крикнул феЛикси. — А мы не должны попытаться вытащить рыбу?

Крис попытался повернуть катушку, но она не поддавалась.

— Слишком сильно тянет.

— Может быть, потянем удочку, чтобы потом немного ослабить натяжение?

Они наклонили удочку на сорок пять градусов; во всяком случае, её нижнюю часть — тонкий стеклопластик был такой гибкий, что кончик удилица был почти у их ног. Крис повертел ручку, выбирая провис.

— Получилось!

Ещё одна волна налетела на волнолом и окатила их обоих ледяной водой. Крис сплюнул солёное.

— А дальше что?

— Думаю, надо ещё раз сделать то же самое, — прокричал феЛикси.

Они делали это снова и снова, с каждым разом наматывая небольшой кусок лёски. Скоро Крис уже радовался почти горизонтальному дождю: он смывал пот. Мышцы рук и спины болели. Он слышал тяжёлое дыхание феЛикси, тот тоже сильно устал.

Натяжение лёски неожиданно ослабло.

— Смотри! — закричал феЛикси.

Крис увидел выпрыгнувшую из высоких волн серую рыбу. Длиной шесть метров от кончика рога до кончика хвоста, рыба словно зависла в воздухе, а затем снова рухнула в волны.

— Крути катушку, — закричал феЛикси, — пока она не ушла.

Крис вертел ручку как сумасшедший, пока лёска не натянулась.

Но рыба всё ещё сопротивлялась, каждый сантиметр лёски давался с боем. Криса и феЛикси охватило своего рода безумие; ни разу им не пришлось в голову сдаться, были только рыба, море и сильный ливень. Их руки, сжимавшие удилище, уже горели от боли, их спины сводило.

И вдруг она была уже перед ними, она билась возле самого волнолома.

— Ещё один разок! — крикнул Крис.

Соорудив себе из оторванных карманов подобие перчаток, они схватились за лёску и потащили рыбу наверх. Пока феЛикси не давал ей опуститься ниже парапета, Крис онемевшими пальцами схватился за грубую и холодную кожу самой рыбы и перевалил её на волнолом.

Они отступили, с триумфом глядя на плод своих трудов. Рыба билась на боку, хватала ртом воздух, на них смотрел похожий на мокрую гальку глаз.

— А что теперь нужно делать? — тяжело дыша, спросил феЛикси.

— Думаю, мы должны оглушить её ударом по голове, — сказал Крис.

— Вы с ума сошли?! — сказала рыба.

Крис раздвинул руки на всю их длину.

— Он был в два раза длиннее, — сказал он.

За густым паром саРа!qаву было едва видно.

— И где же он?

— Нам пришлось его выпустить, — сказал Крис.

Он вздрогнул от того, что Деп вдавила в его спину пальцы, разминая напряжённые мышцы. Одна из прядей её волос ласкала его ухо.

— Могли бы пригласить его выпить, — сказала саРа!qава.

— Мы пригласили, — сказал с верхней, более горячей полки феЛикси, — но он сказал, что ему нужно плыть за многообещающим косяком.

— Он сильно обиделся?

— Вообще-то, — сказал феЛикси, — он сказал, что ему даже понравилось, что он давно уже не тренировался. Говорит, что у него во рту нет нервов. Плесни ещё воды на камни, саРа!qава, у меня опять судороги начинаются.

Когда саРа!qава встала, чтобы черпнуть воды, Крис отвёл глаза. Он не привык видеть голые тела в повседневной жизни, особенно если речь шла о матери его девушки. Выплеснутая

вода шипела на камнях в горшке, наполняя маленькое помещение облаками ароматного пара.

— Он чуть нас в воду не утащил, — сказал Крис.

— А имя у него есть? — спросила Деп.

— Мы у него спрашивали, — сказал Крис, — но он сказал, что не для того тратил время на преобразование в рыбу, чтобы выдавать своё имя при поимке.

— Мне кажется, что ему было стыдно, — сказал феЛикси, — что он попался на такую дурацкую наживку.

— Тук-тук, — сказал голос.

— Кто там? — спросила саРа!qава.

— Доктор, — ответил Доктор.

— Ну не стой там, заходи! — сказала саРа!qава.

Доктор зашёл в парилку полностью одетый. Он с любопытством осмотрелся.

— Я вам не рассказывал о Вулфе Непостоянном? — спросил он. — Этот Вулф просто обожал париться, особенно после тяжёлого дня, полного грабежей и мародёрства. Вот он был настоящим варваром. Большой шлем с рогами, лохматая борода, щит с выбоинами, полный набор. Но, к сожалению, нарколептик. Иногда засыпал даже во время набегов, — Доктор снял пиджак и сел на полку рядом с Крисом. — Я разговаривал с кораблями, — сказал он.

— И что удалось узнать? — спросил феЛикси.

— О, — сказал Доктор, — и то, и сё. Они, корабли, обожают сплетничать, особенно когда они в доке. Хуже, чем в валлийской деревне во вторник утром. Они думали, не повоевать ли им, но я их отговорил.

— Это хорошо, — сказала саРа!qава. — Нам нужно о чём-то ещё беспокоиться?

Доктор пожал плечами:

— О тепловой смерти Вселенной, — сказал он. — А до тех пор в расписании ничего не записано.

Он спросил их о том, как прошла рыбалка, и Крис рассказал ему о говорящей рыбе, но в этот раз он уже утверждал, что рыба была как минимум в три раза длиннее, чем его разведённые руки.

— Даже больше, — сказал феЛикси.

Доктор широко улыбнулся и сказал, что они хорошо уловили суть рыбалки.

— Я так понимаю, что вы не потрудились спросить у него, не видел ли он в последние пару дней что-нибудь странное? — сказал Доктор. — Я так и думал. Если хочешь, чтобы что-то было сделано, сделай это сам.

Он встал и пошёл к двери.

— Доктор! — сказала саРа!qава. — Ты куда?

— На рыбалку, — ответил Доктор.

Доктор бросал хлеб на тёмную поверхность воды, ловкими пальцами отрывал корочки и бросал их в море за волнолом. Когда стемнело, из своего углубления со стоном поднялся маяк. Доктор удивился, поняв, что маяк был заводной. По гавани разносились звуки начинавшегося в иСанти Джени вечернего променада, голоса и музыка отражались от качавшихся на воде изящных яхт. Он хотел бы повторить своё выступление: фокусы с картами, ловкость рук, немного жонглирования. Для такого технологически

развитого общества это были очень простые фокусы, но зрители были в восторге. Доктор подумал, что зрители, должно быть, предположили, что он во время своего выступления не пользовался никакими технологическими ухищрениями. Здесь, похоже, умения ценили выше, чем результат.

Хорошо было бы вернуться на набережную и снова стать просто артистом.

На него неожиданно нахлынула тоска, сожаление о том, что он не мог просто жонглировать, играть на ложках и вынимать монетки из ушей детей. Это было маленькое человеческое сожаление. Такое крохотное и незначительное на фоне совершённых им преступлений. Быть может, текущее его воплощение, этот маленький мужчина с панамой и красным зонтом был создан для того, чтобы стремиться к публике, чтобы зарабатывать свой хлеб выступлениями.

Нести счастье многим, а несчастье — никому.

Он вспомнил одну песню, зацарапанную старую грампластинку с неизвестным блюзовым певцом, чей голос рисовал образы пыльных дорог и странных фруктов.

Меня так утомляет этот старый путь

Он приведёт меня лишь к вечным мукам

Этот голос доносился из другой эпохи и обращался к нему. Эта старая дорога, петляющая в сторону горизонта, и насыщенный запах свежевспаханной земли. Он вздрогнул. А позади него тела изгибались на ветру, на листьях кровь, на земле кровь. Человеческие жертвы на дороге в никуда.

Страшно, что голос мог вырваться из бороздки в виниле, плавать в воздухе, как соло Билли Холидей, ломать стены и штурмовать крепость его души.

Страшно, что кто-то *знал*.

Он хотел вернуться на набережную и стать в пятне света со шляпой у ног. Так сильно хотел другую дорогу, что у него болело в груди.

Хотел навсегда отказаться от ответственности.

Он бросил в море ещё один кусочек хлеба.

Он раскидал несколько батонов, прежде чем эта рыба, наконец, соизволила показаться.

Доктор из вежливости присел на корточки, чтобы его лицо было ближе к морде рыбы. Не удержавшись, он потратил несколько секунд на то, чтобы спросить у рыбы почему она рыба.

— Реконструировал себя, — сказала рыба. — Я мог бы стать водным млекопитающим, но решил, что если уж меняться, так меняться.

— И много ещё таких как вы? — спросил Доктор.

— Пара миллионов, — сказала рыба. — В основном это члены Группы Интересующихся Добровольным Регрессом. Впрочем, я слышал, что на глубине есть монстры из группы Истина Через Уродство.

Доктора это заинтриговало.

— А это разве не опасно?

— О, мы все в обязательном порядке находимся на вершине пищевой цепочки, — сказала рыба, — за исключением тех моментов, когда какой-нибудь придурок вздумает порыбачить. Честно говоря, я подумывал о том,

чтобы прекратить это, быть может, присоединиться к колонии приматов возле водопада. Первые лет двадцать было весело, но мне уже надоело. Вы хотели поговорить о чём-то конкретном? А то я, знаете ли, пересохнуть могу.

— Я хотел узнать, не замечали ли вы в последнее время чего-нибудь странное? — сказал Доктор.

— Например?

— Странные огни в воде, необъяснимые метеорологические явления, падающие с неба куски дрона.

— Ничего такого, — сказала рыба. — Пару месяцев назад кто-то бросил рядом со мной силовую бомбу. Это сойдёт?

— Вы уверены, что это была силовая бомба?

— О да, — сказала рыба. — У меня очень чувствительные детекторы вибраций. Взорвавшуюся у меня над головой силовую бомбу я ни с чем не перепутаю. Я оглох на неделю. Огромная волна накатилась тогда на гавань и выбросила на берег большую часть съедобной рыбы.

— Вы сказали об этом Богу?

— Шутите? Убраться от Бога — одна из причин, почему я стал рыбой. Слушайте, приятно было с вами поговорить, но мне уже пора.

— Есть ли возможность связаться с вами ещё раз?

— Нет, — сказала рыба. — Я собираюсь мигрировать вокруг Бесконечного Моря, а затем сделаю себе ноги и погуляю. Пока!

Рыба нырнула под воду и уплыла.

Доктор встал и стряхнул с рукавов крошки.

Он сомневался, что ви!Сари воспользовался бы для уничтожения картины беРута силовой бомбой; для

выполнения такой задачи ему бы с лёгкостью хватило собственного вооружения. Если он правильно помнил, силовая бомба состоит из одноразового генератора силового поля, обёрнутого вокруг крохотного ядра памяти. Достаточно маленькая, чтобы Бог её не заметил, если не следил внимательно. Диапазон её действия, наверное, был неограничен, но ему не удавалось избавиться от мысли, что тот, кто её запустил, был рядом с иСанти Джени. Нужно будет, наверное, поговорить об этом с Роз, а также ещё кое о чём, что ему сболтнули корабли. Но лучше дождаться завтрашнего утра, когда ей будет не так плохо.

Доктор потёр ладони и пошёл к набережной. Он слышал музыку — кто-то играл на девятиструнной гитаре. Это стоит проверить. Между его руками начали появляться яркие разноцветные платки, связанные друг с другом узлами. Доктор быстро взмахнул ими, и они исчезли.

На сегодняшний день он уже достаточно потрудился ради правды, справедливости и вселенского мира; пришло время расслабиться. Он протянул руку и совсем не удивился тому, что на неё уселась белая птичка.

— А вы не хотели бы попробовать себя в шоу-бизнесе? — спросил он у неё.

Гипер-людия

Отрывок из дневника профессора Бернис Саммерфилд.

Вынуждена признать, что я сама зашла в классическую ловушку Доктора. Сколько раз я обвиняла его в том, что он дешёво ценит жизнь, манипулирует людьми, как шахматными фигурами, что он бесчеловечный монстр, для которого целесообразность важнее человеческой морали. Откуда мне было знать, что он меня слушает?! Мне некого винить, кроме самой себя.

АМ!хитса (или как оно правильно пишется) водил меня сегодня утром посмотреть на неё. Я смотрела, как она бегала по пляжу, словно какое-то грациозное двуногое животное; как леопарды, которых я видела в симуляциях. Это можно было почувствовать даже с расстояния: чувственность, её наслаждение своей физичностью, её искреннюю радость совершенству своего тела. Быть может, Доктор прав, быть может, она уже не человек, быть может, она уже перешла на какой-то более высокий уровень ужасной красоты и внезапной агрессии.

В Африке в старые времена (а под старыми я имею в виду середину двадцатого века) был довольно неуклюжий подход к сохранению диких животных. Это была философия ограничения, создания территорий, на которых животные могли разгуливать без вмешательства человека. Самой большой их ошибкой было забыть о том, что человеческие существа были такой же частью естественной экологии, как и

дикие животные. Это был один из типичнейших примеров человеческого высокомерия. Люди, управлявшие этими территориями, назывались егерями, и их основной задачей было патрулировать эти «заповедники» и не допускать несанкционированное вмешательство человека.

У них была ещё одна обязанность: иногда одно из животных из-за голода, или просто при подвернувшейся возможности, или по каким-то генетическим причинам начинало регулярно нападать на людей и убивать их. Задачей этих егерьей — людей, заявлявших о том, что они сильнее других любили животных — стало отслеживать таких животных и убивать. Эвфемизмом, которым они называли эти убийства, было «контроль проблем».

Я читала содержимое папки и пила что-то крепкое. В основном там были технические характеристики, страница за страницей шло нечто, в чём я едва узнавала человеческий геном. На полях Доктор написал полезные примечания, в которых объяснял, за какие анти-социальные наклонности или сверхчеловеческие способности отвечал данный кластер пар оснований. Последняя треть папки содержала описание её предполагаемых тренировок; для этого на Титане в условиях строжайшей секретности была построена целая база. Меры безопасности были впечатляющие, причём большинство из них должны были предотвращать побег оттуда. У меня сложилось сильное впечатление, что её создатели сами толком не понимали, что они создают. Просто смешали коктейль из самых худших аспектов человека и понадеялись на лучшее.

Я дура, да, Доктор? Я продолжаю искать какие-нибудь признаки молодой женщины, которой, как я думала, была

Кадияту, но в ответ на меня смотрит животное. Я не позволю тебе сделать это со мной, она должна жить. А иначе всё, что я говорила тебе и другим, было лишь лицемерной чушью.

Я пыталась представить себе, что рассказываю о Кадияту Алистеру; она же, в конце концов, его пра-пра-пра-правнучка (как бы). Она из семьи военных, начинающейся с него. Всё, чего я добилась, было смутное ощущение того, что я должна собраться, перетряхнуть свои идеи.

Я не могу заснуть, даже после очередной бутылки крепкого. Какие у меня варианты? Я могу оставить её на Сфере, договориться, чтобы за ней следили. Я уверена, что аМ!хитса согласится на это; его к ней явно тянет не только научное любопытство. Не годится: она сбежит, я в этом уверена.

Она уже пробивала дыры в пространстве-времени, чуть не уничтожила всю вселенную. Если я её отпущу, что она сделает на бис? Согласно этим данным, она автоматически переключается в режим убийцы при первом же признаке опасности. Как только кто-то на неё замахнётся — бац! — и он труп. И эта первая смерть будет на моей совести, потому что именно я её отпустила. Все погибшие будут на моей совести.

Именно эти люди, которых я не знаю, меня и беспокоят. Те, которых она наверняка убьёт, как только снова начнёт путешествовать. Она как бластер без установки на оглушение. Неизбежным последствием моего решения будет то, что кто-то умрёт, причём их будет много. Это очень высокая цена за успокоение моей совести.

Нет, нельзя так рассуждать. Кадияту — человеческое существо, она должна сама делать моральный выбор, ей *должно быть* позволено делать моральный выбор. Я не несу ответственность за чужой выбор.

Да, погибшие наверняка отнесутся к этому с пониманием. «Никаких проблем», — скажут они, — «мы с радостью отдали свои жизни ради того, чтобы ты смогла доказать что-то Доктору. Жаль только, что у нас была всего одна жизнь, и мы не можем принести в жертву твоей совести ещё одну. То, что нас убила запрограммированная машина-убийца, вообще-то даже придало смысл нашему существованию».

Через минуту я потушу свет и выпью что-то, после чего, по заверениям Дома, мои альфа-волны станут плоскими, как болота в Норфолке.

Я пришла к ужасному осознанию того, что, возможно, мне всё-таки придётся «проконтролировать проблему» Кадияту.

Не удивительно, что Доктор старается спать как можно меньше.

Конец отрывка.

9. Культовый статус

Дайте мне женщину с плоским носом и плохим характером, с чёрными глазами и с надутыми губами, со вкусом скрытых воспоминаний.

Дайте мне тёмную женщину с прямыми плечами и покачивающимися бёдрами, которая без улыбки исчезнет во тьме, когда погаснет свет.

Поэма для женщины-варвара,
феЛи-!хи-кат-кси.

Деп смотрела на рефлексивную голограмму. Голограмма была выше и позади воронки из силового поля, служившей в её ванной раковиной. Голограмма была ей нужна чтобы сосредоточиться на том, что было внутри неё, чтобы задействовать умственное управление телом. Она должна была уметь это делать и без зеркала; управление телом было одной из первых вещей, которым обучали в школе, наряду с рисованием пальцем и этикой межличностных отношений, но она нервничала. В спальне её ждал Крис — бледная фигура, плававшая среди её летательных аппаратов.

Нужная последовательность мыслей далась ей довольно просто. Последовательность мыслей превращается в сообщение, закодированное импульсами в главном нервном узле, соединяющем её мозг с увеличенной железой, расположенной под стволом головного мозга. Там сообщение

преобразуется в последовательность сложных органических молекул, которые попадают в её кровеносную систему.

У Деп три яичника, на два больше, чем у её матери, и на один меньше, чем у её отца. Центральный яичник реагирует на химическое сообщение первым, выпуская подавитель фертильности, который должен заблокировать два других яичника. Затем яичник слегка сокращается и выталкивает яйцеклетку в пред-фаллопиевый канал, где аутоиммунная система Деп проверяет её на наличие дефектов. У яйцеклетки нет повреждений, нет генетических дефектов, нет плохих энзимов. Иммунная система сообщает о своём одобрении собственным энзимом, который вызывает волнистые сокращения маленьких мышц, окружающих пред-фаллопиевый канал, выталкивая таким образом яйцеклетку в фаллопиеву трубу. Вместе с яйцеклеткой туда попадает целый набор сгенерированных яичником химических сообщений. Некоторые из них обгоняют яйцеклетку, чтобы запустить изменения в матке, а остальные облепляют яйцеклетку, как моллюски корабельное днище, передавая ей те коды, которые мысленно сформулировала Деп несколько минут назад.

Яйцеклетка мчится по фаллопиевой трубе, созревая с такой скоростью, что человеческий гинеколог мигом бросился бы сверяться со справочниками. Облеплявшие её энзимы завершают свою работу, отпадают и отстают. К тому времени, когда яйцеклетка достигает матки, она уже включена, запрограммирована и готова к оплодотворению.

На мгновение Деп чувствует лёгкий дискомфорт в нижней части живота: впервые в её жизни раскрылась шейка её матки.

Значительно позже они висят вместе в силовом поле кровати. Крис заснул — с этим Деп уже смирилась, как с явной недоработкой мужчин-варваров. Её волосы медленно развеваются в неподвижном воздухе её спальни.

Глубоко внутри неё облако микрогамет Криса вплывает в раскрытие шейки матки, молотя хвостами, как в последний раз; впрочем, для них это и есть единственный и последний раз. Со сперматозоидами сталкивается облако большего размера, состоящее из специализированных В-лимфоцитов, они отсеивают сперматозоиды, которые не удовлетворяют определённым критериям, мысленно заданным Деп два часа назад. Когда первые микрогаметы поглощены, свойственные биологическому виду структуры их ДНК запускают новый впрыск энзимов, которые, в свою очередь, запускают сгусток клеток плазмы, находившихся в стенках эндометрия матки. Клетки плазмы начинают производить быстро действующие каталитические энзимы, которые в следующие два часа изменят саму природу клеток и создадут защитный барьер против свирепой аутоиммунной системы Деп.

Позже.

Искусственный отбор сократил число микрогамет до пары сотен. Выжившие сперматозоиды почти израсходовали свои запасы гликогена и совершают последний рывок к яйцеклетке, которая находится в только что изменившемся эндометрии. Яйцеклетка поглощает их всех и начинает перебирать их драгоценную ДНК. Цветовая слепота дедушки Криса отброшена, то же с повреждённой

последовательностью, из-за которой мужская линия Криса предрасположена к развитию диабета, то же с предрасположенностью к параноидальной шизофрении. Отброшенные цепочки ДНК разбиваются на белки и сохраняются для последующего использования в качестве строительного материала. Затем яйцеклетка берётся соорудить полный набор хромосом, переводя ДНК Криса в немного другой, более эффективный формат, которым пользуются Люди. Генетические характеристики, свойственные Людям — контролируемый выбор пола, широкое поле зрения, и т. п. — будут переданы ребёнку, который во всём остальном будет точной копией Кристофера Кведжа.

Яйцеклетка делится, потом делится ещё раз, и продолжает делиться до тех пор, пока колония из ста пятнадцати клеток не образует бластоцист. Убедившись, что эта колония не нанесёт вреда телу, бдительная аутоиммунная система даёт бластоцисту добро на дальнейшее развитие.

В кровь выделяется химический сигнал, от которого Деп в течение следующих двух часов испытает лёгкую эйфорию. А остальное, как говорится, биология.

Деп висит в поле кровати, прижавшись лицом к груди Криса, слушая спокойный ритм его сердца. Теперь, когда уже слишком поздно что-то менять, она поражена грандиозностью сделанного и того преступления, которое она намеревалась совершить. Она украла чертёж его жизни и взяла его в себя. Взяла то, что было только у Криса, его индивидуальность, и по своей прихоти сделала его меньшим, чем он был.

Но настоящим преступлением в глазах Людей, за которое Дип могла получить социальную изоляцию до конца своей жизни, было то, что она не собиралась говорить ему об этом.

Когда позвонила саРа!qава, у Бернис было утреннее сражение с подвесной ванной. Звонок был тихий и ненавязчивый, и лишь после девятого повторения Бернис поняла, что это телефон. Она попыталась обернуться, но вместо этого её ноги оказались выше её головы.

— Алло, — сказала она.

В углу ванной возникла голограмма саРа!qавы в полный рост.

— Доброе утро, Бенни. Ты всегда принимаешь ванну в таком положении?

— А как же, — сказала Бенни. — Утренний прилив крови к голове помогает проснуться.

Правдоподобная голограмма зашла в ванную, с любопытством выглянула за дверь, ведущую в спальню, и засмеялась с обстановки.

— Тут всё такое старое, — сказала она.

Бернис изумлённо смотрела, как голографическая проекция саРа!qавы начала перебирать бутылки на полке ванной.

— Попробуй вот это, — сказала саРа!qава, протягивая пластиковую бутылку. — Это микрогравитационное мыло.

Беря мыло, Бернис позволила своим пальцам коснуться пальцев саРа!qавы; она почувствовала кожу.

— Как ты это делаешь? — спросила она.

— Твой Дом использует свои манипулирующие поля для создания текстурной формы, которая совпадает с моей проекцией, — сказала саРа!qава. — Если тебя это раздражает, я могу переключиться в обычный режим.

— Меня это не раздражает, — сказала Бернис. — И, раз уж ты такая плотная, можешь подойти и перевернуть меня головой вверх.

СаРа!qава подошла, схватила Бернис за ногу и перевернула её.

— Так лучше, — сказала Бернис.

— Не понимаю, зачем ты мучаешься с этой штукой, — сказала саРа!qава. — Почему ты не попросишь Дом заменить её? Закажи что-нибудь более современное, типа раскачивающейся ванны.

— Я люблю преодолевать трудности, — сказала Бернис, не желая признаваться, что ей даже в голову не пришло, что эту чёртову штуку можно заменить. — Я стараюсь не признавать поражение, когда имею дело с непривычными технологиями.

— Я хотела предложить тебе пройтись сегодня со мной по магазинам, — сказала саРа!qава.

— Не думаю, что я буду хорошей компанией, — сказала Бернис.

— Я люблю преодолевать трудности, — ответила саРа!qава.

— Тебе лучше? — спросил Доктор, когда Роз спустилась к завтраку.

— Почему все так беспокоятся о моём здоровье? — резко сказала она. — Можно подумать, что я собиралась ласты склеить.

На балконе, на столе стоял букет — большие яркие пурпурные и оранжевые цветы на тонких стеблях. В ослабленном состоянии Роз стало плохо от одного их вида.

— Это прибыло вместе с цветами, — Доктор протянул ей сложенный пополам лист бумаги. — Кажется, у тебя есть тайный поклонник, — сказал он.

Роз развернула записку; бумага была гладкая, с роскошной текстурой, почерк был ровный и красивый. Она с шокom поняла, что может понять слова названия: «Поэма для женщины-варвара». Написано было на древнем американском, подписано феЛи-!хи-кат-кси. Внизу было написано приглашение на пикник во второй половине дня.

— Это феЛикси, — сказала она Доктору. — У него есть планы на моё тело.

— Ты позволишь? — попросил Доктор.

Роз протянула ему поэму.

— Я бы назвал это не планами, — сказал Доктор, закончив читать, — а скорее чертежами, макетом в масштабе, и представлением художника о конечном результате. Интересно, что это написано на английском.

— Я тоже это отметила, — сказала Роз. — У меня что, плоский нос?

— Изящный, — сказал Доктор. — Как ты думаешь, где он раздобыл матрицу перевода?

— Он раньше работал на ГИКО(Н), — сказала Роз. — Наверное, у него есть доступ ко многим секретным данным.

— У них тут нет секретных данных, — сказал Доктор, — просто есть такое, о чём они не рассказывают другим. Контакт в ГИКО(Н) нам сейчас не помешает.

Дом без лишних напоминаний поставил перед Роз чашку кофе.

— В этом и была общая идея, — сказала она. — Его увлечение мной облегчит получение от него информации.

— А как ты по части увлечений?

— Заржавела, — сказала Роз. — Но просто поразительно, как быстро это вспоминается.

Доктор бросил в чашку кусочек булочки и смотрел, как она размокает.

— У меня вчера был интересный разговор с кораблями, — сказал он. — Я бы хотел, чтобы ты проверила пару вещей. Если, конечно, ты не сильно занята в качестве поэтической музыки феЛикси.

— Новый след?

— Скорее наводка, — сказал Доктор. — С-Львица рассказал тебе об уничтоженной во время войны астероидной базе?

— Омикрон 378, — сказала Роз. — Думаешь, есть какая-то связь?

— Всего лишь интуиция, — сказал он. — Вернее, даже недоумение. Корабль уничтожил поселение и убил без веских причин больше двухсот тысяч людей. Этого достаточно для того, чтобы испортить его репутацию. Поскольку это произошло во время войны, я думаю, что ГИКО(Н) изменили имя и классификацию корабля, а затем замели следы.

— Но Бог-то должен знать, что это был за корабль?

— Не обязательно, — сказал Доктор. — Война происходила в большом объёме пространства и ГИПАК содержали верфи вдали от Сферы, в первую очередь из-за того, что Бог был против войны. ГИКО(Н) и ГИПАК могли договориться об изменении личности корабля без ведома Бога. И что если ви!Сари узнал об этом?

— А это весомый мотив, — сказала Роз. — Более того, бывший военный корабль имел бы опыт, необходимый для этого нападения. Но узнать об этом будет непросто, сейчас он вполне может быть каким-нибудь тостером.

— Ты можешь воспользоваться временным телескопом, — Доктор выложил на стол пушистый терминал. — Он может помочь тебе усвоить некоторые данные. Вчера вечером я закончил его устанавливать и внёс несколько модификаций, которые должны помешать Богу совать свой нос.

— Я думала, что Бернис...

— Я же предупреждал тебя, что Бернис может несколько отвлечься, — сказал Доктор.

— Бернис делает для тебя что-то, да? — спросила Роз. — Что-то, связанное с аМ!хитсой и той чистокровной женщиной. Один из твоих коварных планов.

— Что-то в этом духе, — сказал Доктор. — Хочешь, чтобы я тебе об этом рассказал? Я могу, Бог уже всё равно всё понял.

— Нет, — сказала Роз. — Расскажешь мне, когда сам захочешь.

Доктор долго на неё смотрел. Она тоже посмотрела в его глаза и не отводила взгляд.

— Ты не похожа ни на кого из тех, с кем я путешествовал, — сказал он.

— Ты обычно путешествуешь с хорошими людьми, Доктор, — сказала Роз. — А я не хороший человек.

— Ты веришь в справедливость, ты преданна своим друзьям...

— Господи, Доктор, что это такое? — спросила Роз. — Поддержание морального духа?

— Просто я хочу, чтобы ты знала, что я тебя ценю, — сказал Доктор.

— Если ты не заткнёшься, Доктор, — сказала Роз, — меня сейчас вырвет прямо на эти гадкие цветы.

Она отвернулась и посмотрела на море. На мгновение ей показалось, что небо розовое от пыли.

— «Правосудие», — сказала она, — «подними свои слепые глаза, и увидь, что твои дети во имя тебя служили другим».

— «Не говори мне о Правосудии. Ибо ты колесовал человечество», продекламировал Доктор. — «Элегия Недееспособного», в переводе Фитцджеральда, если не ошибаюсь. Не знал, что ты знакома с поэзией далеков.

— Мой отец её коллекционировал, — сказала Роз. — Он заставил меня выучить все сто двадцать восемь строф, — она скривилась, вспоминая об этом.

— Поверь мне на слово, — сказал Доктор, — в оригинальном машинном коде это звучит гораздо лучше, — он ткнул ложечкой размокшую булку. — Когда-то я знал человека, который использовал это в качестве либретто для

оперы. Величественная, суб-вагнерианская музыка. Я даже слышал, что он отправился с гастрольями на Скарро.

— И что там было?

— Во время премьеры зрители его уничтожили, — сказал Доктор. — Далеки — ужасные критики. Думаю, это тысячелетнее стремление к совершенству свело их всех с ума.

— Значит, мы вычёркиваем С-Львицу из числа подозреваемых? — спросила Роз.

— Пока что нет, — сказал Доктор. — Я подумал, что ты можешь проверить это с фелЛикси.

— Чем больше я об этом думаю, тем менее правдоподобной мне кажется версия о виновности С-Львицы, — сказала Роз. — Если он действительно имел такой зуб на ви!Сари из-за смерти члена своего экипажа, то зачем ждать так долго? Я хотела бы узнать больше о том, кто именно погиб.

Доктор прищурился.

— Думаешь, это как-то связано? — спросил он. — Ты мне что-то не сказала?

— Ничего конкретного, Доктор, — сказала Роз. — Я хочу вначале проверить некоторые факты. Если я решу, что раскопала что-то, я тебе сообщу. Ты разговаривал с художником, который стену разрисовал?

— С беРутом? Я обращался к нему, — сказал Доктор. — Он очень недвусмысленно объяснил, что ни в моей компании, ни в моём обществе не нуждается. Короче говоря, велел мне проваливать.

— Жаль.

— И я был обходителен, как никогда.

— Думаешь, он способен на убийство?

— Да, — без колебаний ответил Доктор. — Думаю, он способен оторвать кому-нибудь руку и забить этой рукой жертву до смерти. Но я сомневаюсь, что он способен на долгосрочное планирование, имевшее место в случае убийства дрона.

— Я слышала, что он работает над этой картиной уже два года, — сказала Роз. — Если он может быть настолько одержим рисованием, то может быть одержим и мстью ви!Сари. Я однажды арестовала художника, который шесть лет планировал убийство своей жены. Воспользовался для этого бинарным канцерогеном.

— Какой ужас, — сказал Доктор.

— Видел бы ты счета за лечение.

— Я вчера с рыбой разговаривал, — сказал Доктор. — Думаю, тебе это может быть интересно.

Когда Доктор рассказал Роз о силовой бомбе, у неё словно что-то щёлкнуло в голове. Маленький фрагмент этого дела, расплывчатое пятно, не связанное ни с чем, вдруг обрёл чёткий контур. Пока что из этого не следовало ничего существенного, но это было начало, всё равно как найти угол при сборке паззла. «Всё равно что найти небольшой пример божественной воли», как говорил Константин.

Мысль о Константине вызвала короткий приступ незваных воспоминаний. Самодовольное лицо — босс Шустер. Чёрт! Должно быть, у неё до сих пор последствия «воспоминания». Ты позорище, Форрестер. Кто ты такая? И откуда вообще взялась эта бутылка «воспоминания»? Она её не заказывала, Дом тоже утверждал, что не имел к этому

никакого отношения. Она посмотрела на Доктора, который гонял ложкой размокшую булку, похоже, предпочитая играть с едой, а не есть её. Это что, одна из его манипуляций? Быть может, он надеялся, что заставив Роз столкнуться с её прошлым, он сделает её лучшей? Она отбросила это предположение сразу. Доктор предпочитал гораздо более тонкие игры, спаивание — не его метод. Зачем обостритель памяти тому, у кого есть машина времени?

Доктор что-то сказал.

— Прости, я не слушала, — сказала Роз.

— Я говорю, что если ви!Сари не портил картину, то мотив беРута становится слабее.

— Вообще-то нет, — сказала Роз. — Не важно, кто это сделал на самом деле, важно кого считал виноватым беРут.

— О чём ты думала?

— Когда?

— Только что.

— О моём первом деле.

— Это имеет отношение к этому делу?

— Нет, — сказала Роз. Странно, что она после стольких лет всё ещё могла чувствовать такую горечь. — Вообще никакого, — она допила свой кофе, и ей внезапно захотелось уйти из виллы. — Думаю, мне нужно сказать феЛикси, что я принимаю его приглашение.

— Что же, — сказал Доктор, — не делай ничего такого, чего бы не стал делать я.

— Доктор, — сказала Роз, — я сказала, что я заржавела, а не умерла ниже пояса.

— Мне пришла в голову ужасная мысль, — сказала Бернис, когда они с саРа!qавой летели в капсуле на Почему-бы-и-нет. — А что если это сделал Доктор?

— Я думала, что он в тот вечер был с вами, — сказала саРа!qава. — Вы смотрели грозу и ели попкорн.

— А что если не был? — спросила Бернис. — Что если он был где-то в другом месте, а то, что я считала Доктором, было на самом деле одной из этих ощущаемых голограмм?

— Бенни, — тихо сказала саРа!qава, — ну какой у Доктора может быть мотив убивать ви!Сари? Он даже не знал этого дрона.

— Знаю, знаю, — сказала Бернис. — Просто у меня приступ паранойи.

Она выглянула за пределы капсулы. Почему-бы-и-нет был у них прямо по курсу. Сквозь облака она могла разглядеть на его экваторе архипелаг Улыбку, а в северном полушарии два круглых континента — Левый Глаз и Правый Глаз — оба, по её оценке, были размером примерно с Мадагаскар.

По её мнению, Бог вёл себя как пятилетний ребёнок, дорвавшийся до кондитерской.

А у Доктора был очень веский мотив убить ви!Сари, если тот узнал о Кадиату. Дрон на вечеринке, одетый аэробусом, говорил об этом, и Доктор очень сильно старался скрыть эту женщину от Бога. Бернис возмущали собственные мысли: она что, действительно готова поверить, что Доктор способен убить кого-то ради сохранения этого секрета?

Да, — подумала она, — при условии, что этот секрет был достаточно важен, если он подбил все суммы, и

положительное перевесило отрицательное. Он бы не хотел это делать, он бы постарался избежать этого, но если бы пришлось, он бы это сделал.

Внезапно замёрзнув, Бернис обняла себя руками; капсула перемещений тихо падала к улыбающемуся лицу Почему-бы-и-нета.

Капсула перемещений прибыла на континентальный остров Левый Глаз. Они поднялись на лифте со станции на поверхность и сели в поезд на магнитной подушке, направлявшийся по прибрежным равнинам к городу, который саРа!qава назвала вторым по размеру городу Сферы — ме!Ху!хи-си!ссиса.

Поезд петлял среди лугов и широколиственных лесов. К северу суша поднималась, становясь холмистой равниной. Вдали виднелись заснеженные вершины горного хребта. Как оказалось, Бог построил эти горы только в прошлом году и до сих пор пытался уговорить людей кататься там на лыжах. Почему-бы-и-нет был личным уделом Бога; здесь ему было позволено менять пейзаж по своему усмотрению и люди жили тут на свой страх и риск.

Приятно было снова видеть горизонт. СаРа!qава сказала, что на Почему-бы-и-нете жили миллионы людей, несмотря на неудобства, связанные с тем, что Бог постоянно передвигал континенты, и не говоря уже о том, что странная орбита планеты приводила к тому, что продолжительность дня и ночи была настолько изменчивой, что можно было считать её случайной. Бернис могла это понять. Безграничные виды Сферы были слишком велики для осознания, и, увидев

впервые за эти дни настоящий горизонт, Бернис поняла, что эти огромные расстояния вызвали чувство подавленности. Особенно у тех, кто родился и вырос на планете. Ради того, чтобы избавиться от этого чувства, стоило терпеть неудобства, связанные с тем, что за ночь твой дом сполз на шестьдесят тысяч километров.

Или в нём воды по колено. Одним прекрасным утром граждане города ме!Ху!хи-си!ссиса, встав утром с кровати, узнали, что весь их город оказался посреди озера размером с Аризону. Поэтому на конечной остановке, на берегу озера, Бернис и саРа!qаве пришлось пересесть на корабль с подводными крыльями. Чтобы добраться до города, понадобился ещё час.

— Бог отключил все ведущие в город тоннели для капсул перемещения, и строго запрещает использование летательных аппаратов сложнее легкомоторного самолёта. Сказал, что это нарушает уникальную атмосферу.

Ходили слухи, что Бог услышал о затонувшем городе на варварской планете и решил, что это отличная идея. Бог медленно погружал город со скоростью шесть сантиметров в месяц. Жители отвечали на это тем, что достраивали новые этажи.

Пока корабль нёсся по затопленным улицам, а оставляемая им волна омывала разрушенные каменные кладки и покрытый плесенью пластикрит, Бернис думала о том, что она, наверное, лучше кого угодно из Людей понимала идею Бога. Здания здесь не имели той точности изготовления, к которой она привыкла в иСанти Джени, дополнительные этажи выглядели так, словно их сделали наспех, не заботясь о

стиле оригинала. Ей это сильно напоминало один древний город, который она когда-то раскапывала; здесь было такое же наращивание слоёв времени, похожее «состаривание» поддельной картины. Бог пытался придать Почему-бы-и нету ощущение истории, которая напрочь отсутствовала в остальной Сфере.

В полузатопленных этажах жили колонии земноводных млекопитающих. К стенам зданий прижимались болотные деревья, их гигантские корни уходили вглубь. Иногда корабль пересекал сгустки водяных лилий размером со спутниковые тарелки и проплывал под украшенными мостами, натянутыми между покосившимися зданиями. Это напоминало Бернис Венецию; даже запах был похожий.

Корабль остановился у причала, сооружённого из плавучих бетонных блоков. Железная лестница вела на первый жилой этаж заметно покосившейся шестнадцатизажки. Лестница была раздвижная — Бернис предположила, что это для того, чтобы подстраиваться под приливы — её нижняя треть была скользкой от водорослей и ржавчины.

— Я уже говорила, что Бог не разрешает здесь пользоваться мебелью из силовых полей? — спросила саРа!qава, когда они поднимались по лестнице. — Всё должно быть механическим.

— И как это мешает людям приносить сюда что-то? — спросила Бернис.

— Сдерживающее поле, — сказала саРа!qава. — В радиусе тысячи километров всё неразумное, что имеет силовые поля, разваливается на части.

— Неудобно, — сказала Бернис.

— Лично я считаю, что Бог делает это из вредности.

— Зачем ты тогда сюда прилетаешь?

— Потому что это единственное место, где можно всерьёз заняться шоппингом, — сказала саРа!qава.

Бернис не понимала, как можно заниматься шоппингом в обществе, в котором нет денег. Ведь все эти особые «раз в жизни» скидки становятся бессмысленными, когда все товары изначально бесплатные.

Они обошли бронированную дверь шестисантиметровой толщины, которая заржавела намертво в открытом состоянии, и прошли в здание.

Внутри здание было похоже на заброшенный торговый центр, превратившийся в блошиный рынок. Там были открытые витрины магазинов, в которых товары висели наверху и лежали стопками по бокам. Посредине стояли деревянные прилавки, за которыми стояли или сидели самые разные люди, органические и механические. Внимание Бернис тут же привлёк магазин, в котором продавались товары из кожи. В тускло освещённом помещении висели приятно пахнувшие ряды курток и плащей. Она сменила своё мнение: это был торговый центр, у которого настали тяжёлые времена, и из него сделали блошиный рынок, который затем стал невероятно популярным.

— Здесь всё уникальное, — сказала саРа!qава. — Ничто из этого нельзя заказать в центральных магазинах.

— И как тут покупают? — спросила Бернис. — Бартер, долговые расписки, или как?

СаРа!qава рассмеялась:

— Ничего такого. Просто просишь у хозяина магазина то, что тебе нужно.

Бернис бросила взгляд на хозяина, невероятно высокого мужчину с землистого цвета кожей, худым до невозможности. Он вежливым жестом предложил ей зайти. Она пощупала плащ длиной до колен, с широким воротником, кремового цвета.

— А что мешает кому-нибудь просто ввалиться сюда и всё забрать?

— О, это невозможно, — сказала саРа!qава. — Продавец должен согласиться отдать товар.

Бернис провела рукой по гладкому материалу плаща. Если он водонепроницаемый, он может пригодиться в одной из этих неожиданных материализаций.

— А из чего это сделано? — спросила она у продавца. — Для замши слишком мягкое.

— Человеческая кожа, — сказал он.

Бернис отдёргнула руку и уставилась на мужчину. Он широко улыбнулся, продемонстрировав два ряда острых жёлтых зубов.

— Искусственно выращенная, разумеется, — сказал мужчина. — Если хотите, я могу взять у вас сейчас образец и вырастить для вас куртку, если вы готовы подождать.

— А, нет, спасибо, — сказала Бернис и попятилась из магазина. — Я бы её всё равно не взяла. В любом случае я искала что-нибудь коричневое. Ух ты, женщина продаёт символы плодородия, это как раз то, что я искала!

Она потащила удивлённую саРа!qаву за угол, чтобы их не видел хозяин магазина.

— Гадость, — сказала она.

— Они очень практичные, — сказала саРа!qава.

— Ты о чём?

— Куртки из кожи. Удобные. У меня была такая, сделанная из моей мамы.

— Не хочу об этом слышать, — сказала Бернис. — Если владельцы магазинов не зарабатывают на этом деньги, зачем они это делают?

— В основном ради престижа, — сказала саРа!qава. — Приятно сделать или придумать что-то, что нравится другим настолько, что они готовы взять это домой.

— Это как твой хлеб?

— Да, наверное.

Они остановились возле прилавка, на котором были выставлены деревянные лакированные фигурки. Над прилавком висел нарисованный от руки плакат. Бернис спросила у саРа!qавы, что там написано.

— «Люди, на которых интересно посмотреть», — перевела саРа!qава.

Насколько могла разобрать Бернис, надпись была всего лишь из восьми символов. Это, должно быть, очень экономный язык, возможно даже идеографический. Возможно, именно поэтому ТАРДИС не могла переводить написанное; она вспомнила, что с сирийскими иероглифами у ТАРДИС тоже были проблемы. Она подумала, что нужно будет спросить об этом у Доктора.

Взяв одну из фигурок и любуясь текстурой лака, она вдруг с изумлением поняла, что фигурка изображала Роз. Она была чудесно изготовлена, автору удалось передать всё, от

вечно сердитого выражения лица до напряжённого прямого позвоночника. Бернис быстро осмотрела прилавок и, разумеется, нашла фигурку Криса.

Владелица магазина чуть не прыгала от восторга.

— Ух ты, — сказала она, — вы одна из варваров повелителя времени, да? Как по-вашему, они похожи?

Бернис заверила её, что сходство просто поразительное, и женщину просто распирало от радости.

— А вы можете взять одну для неё? — она расчувствовалась, как девочка-подросток на концерте любимого исполнителя. — Она тут так популярна. СиМот печатает её портрет на футболках и не успевает удовлетворять спрос. Пожалуйста, возьмите одну... Как вы думаете, ей понравится?

Бернис соврала: сказала, что Роз будет приятно узнать, что её увековечили в древесине.

Женщина спросила, нельзя ли сделать голограмму Бернис, и Бернис не смогла не почувствовать гордость. Наконец-то я знаменита, — подумала она.

— Не забудьте: *Профессор* Саммерфилд, — сказала она.

— Профессор, — сказала женщина. — Какое чудесное имя.

Она настояла, чтобы Бернис взяла и Криса Кведжа тоже, и даже дала тряпичную сумку, чтобы было удобнее нести фигурки.

Несколько минут спустя они увидели первую футболку с Роз Форрестер. Роз была изображена спереди, она кого-то била, и из-за перспективы её кулак был огромен. Бернис не стала спрашивать у саРа!qавы, что там написано; это явно был

местный вариант на тему «Дай мне повод» или «Отвали!». Бернис решила, что сообщить Роз о том, что она стала культовой иконой, лучше поручить Крису.

Через два часа они поднялись в ресторан на крыше здания. Они сели за столик, расставив вокруг себя сумки с покупками.

Она удивилась, насколько ей понравился шоппинг без денег. Бернис всегда думала, что неотъемлемой частью шоппинга были обладание деньгами и ощущение власти, которое сопровождало способности позволить себе покупку. Когда она была молодая и жила в лесу за академией, у неё были яркие фантазии о том, как она зайдёт в местный торговый центр и будет размахивать там кредиткой, как волшебной палочкой. Позже, когда она бродяжила по человеческому космосу, уклоняясь от призыва и зарабатывая на жизнь нерегулярными раскопками, это стало вопросом выживания. Из-за постоянных попыток наскрести столько, чтобы хватило на дополнительную койку в отлетающем звездолёте, отсутствие денег стало постоянным беспокойством, подтачивавшим её самоуважение. Ничто не обучает истинному значению слова «наличка» так, как это делает настоящая бедность.

Если бы у молодой Бернис спросили, что бы она делала на бесплатном базаре, она бы, скорее всего, ответила: наняла торговый корабль и вывезла оттуда всё, пока эти придурки не передумали.

Но годы путешествий налегке с Доктором и его вместительными карманами, должно быть, освободили её от

этих переживаний, потому что к своему удивлению она оказалась равнодушной к идее владения чем-то.

Вместо этого она, по подсказке саРа!qавы, выбирала подарки для других людей. Единственным исключением было облегающее платье, выращенное из такого же симбиотического материала, как то, в котором была на вечеринке Деп — это платье её уговорила взять саРа!qава. Продавец заверил, что симбиот настраивается на личность того, кто его носит, и не будет даже и близко таким «активным», как у Деп. Но Бернис всё равно сомневалась, что когда-нибудь наденет платье, которое может учудить что-нибудь в приличном обществе. Но оно было красивое.

Еда в ресторане тоже была ручного приготовления: густой суп, поданный в глиняных мисках, со свежеиспечёнными роллами. СаРа!qава разломил один и с профессиональным видом понюхала.

— Не так уж плохо, — сказала она.

— Перфекционистка, — сказала Бернис.

Их столик стоял возле парапета и перед ними открывался красивый вид на покосившиеся башни города. Корабли на подводных крыльях и паровые катера проплывали по затопленным улицам, распугивая амфибий, крокодилов и белых птиц, похожих на аистов. Бернис решила, что если ей, не приведи Бог, придётся остаться на Сфере, она будет жить именно здесь.

— Мне нужно кое в чём сознаться, — сказала саРа!qава.

— Господи, — сказала Бернис, — жаль, что мне не в чем.

СаРа!qава выглядела очень печальной, и Бернис поняла, что разговор серьёзный.

— Прости, — сказала она.

— Думаю, я могу быть одной из подозреваемых Доктора, — сказала саРа!qава. — В убийстве.

— С чего ты так решила?

— У меня был очень сильный мотив желать смерти ви!Сари.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросила Бернис. — Я не думаю, что это сделала ты.

— Доктор рано или поздно узнает, — сказала саРа!qава. — Я подумала, что будет лучше вначале рассказать тебе. Ви!Сари знал кое о чём, что я сделала в молодости. Не знаю откуда, но он знал, и я боялась, что он расскажет об этом ещё кому-нибудь.

Бернис была потрясена: саРа!qава плакала. Она инстинктивно взяла её за руку.

— Почему это должно быть мотивом?

— Ты не понимаешь, тебе не понять. Если люди узнают о том, что я сделала, со мной никто больше никогда не будет разговаривать.

— Я понимаю, — сказала Бернис. — Социальная изоляция — довольно распространённое наказание среди... — Бернис запнулась; она чуть не сказала «примитивных культур». — ...очень многих культур. Слушай, если это слишком больно, мы можем поговорить о чём-нибудь другом.

«Бернис, ты трусиха!»

СаРа!qава сжала её руку.

— Нет, — сказала она, — лучше, если ты будешь знать об этом. Был один мужчина...

— Типичное начало, — сказала Бернис.

СаРа!qава грустно улыбнулась.

— Которого я любила, — продолжала она. — Но он меня не любил, во всяком случае, не настолько, чтобы создавать семью. И однажды я заманила его на Ветряки, и у нас там был секс.

— Ты права, я не понимаю, — сказала Бернис. — Что в этом такого преступного?

— В ту ночь я занималась с ним сексом намеренно, чтобы зачать, — сказала саРа!qава. — Я украла у него Деп, и он не знает об этом.

Деп наблюдала, как Крис отсоединял от центрального двигателя рычаг. Его щёки и лоб были вымазаны смазкой — он вытирал с них пот. Он был похож на игрока боевых игр, проводимых Группой Интересующихся Эмуляцией Варварства.

Этим утром Деп проснулась с внезапным страхом, таким сильным, что его не смогла заглушить даже эйфория зачатия. Она боялась, что Крис скоро улетит, раньше, чем будет закончен орнитоптер. Она оставила его спать, а сама принялась за работу над летающей машиной, соединяя электросваркой трубы, которые будут передавать перегретый пар из бойлера в поршни крыльев.

Когда она закончила сборку и наносила теплоизоляцию, Крис проснулся и спросил чем помочь. Она показала ему, что нужно перебрать в центральном двигателе.

Крис триумфально взмахнул рычагом и вручил его Деп. Она вставила его в станок и сказала машине, что нужно изменить.

— Пока термоизоляция не высохнет, ничего нельзя делать.

— Я слышал, что твоя мама раньше проектировала гиперпространственные системы, — сказал Крис, когда они ждали.

Деп пыталась стереть с его лица самые большие пятна смазки.

— Проектировала, — сказала Деп.

— Я думал попросить её о помощи. Нам нужно знать, кто смог бы создать убийственные гармоник в молнии.

— Помимо мамы? — спросила Деп.

У Криса внутри похолодело.

— Боже, — сказал он, — прости. Я не имел в виду, что...

Деп наклонилась к нему и потёрлась носом о его нос.

— Я пошутила, — сказала она.

— О, — сказал Крис. — Ты лицо испачкала.

— Ну и пусть, — сказала Деп. — Нужно это закончить, пока... пока моя мама снова меня не разубедила делать это, — неуклюже закончила она.

Крис послушно снова полез под двигатель.

Жизнь была намного проще, пока я не встретила тебя, — подумала Деп.

ФеЛикси посмотрел на часы на своём терминале, волнуясь, придёт ли Роз. Он обвёл взглядом однородные серые стены станции. Здесь не было ни декораций, ни сидений, потому что предполагалось, что здесь не нужно задерживаться: когда выходишь из лифта, капсула тебя уже ждёт. Именно эта утилитарность стала причиной того, что

Феликси избрал станцию местом встречи, нейтральной территорией. Позади него примерно раз в минуту пищала капсула перемещения, словно подчёркивая его собственное нетерпение. Иногда он чувствовал ногами лёгкую вибрацию — другие капсулы уносили других пассажиров. Он подавил в себе желание ещё раз проверить содержимое корзины для пикника.

Он уже собрался запустить на своём терминале какое-то развлечение, но двери лифта открылись, и из них вышла Роз. На ней была свободная белая блуза и такие же шорты, оттенявшие голую кожу её рук и ног. На ногах у неё были туфли. На запястьях и на щиколотках у неё позвякивали несколько браслетов из тех, которые так заинтриговали его на вечеринке. Он широко улыбнулся и помахал ей рукой. Ей явно было непросто подобрать обычную одежду, но даже такая одежда смотрелась на ней как униформа. Видимо, всё дело в её походке, — подумал он.

В капсуле перемещений они сели друг напротив друга.

— Прости, я опоздала, — сказала она. — Я проверяла кое-какие данные и не заметила, как время пролетело.

Феликси смотрел, как она скрестила ноги, обращая внимание на изящные контуры её бёдер и угадывающиеся обводы её груди, качнувшихся под блузкой.

— Ты нашла что-нибудь интересное? — спросил он.

Она слегка улыбнулась.

— Ничего важного, — сказала она. — Заполнила несколько пробелов, проверила несколько версий. Девяносто процентов любого расследования представляет собой

раскапывание большой кучи дерьма в надежде найти что-нибудь стоящее.

— А остальные десять процентов?

— В том, чтобы распознать что-то стоящее, когда оно попадёт в руки, — сказала Роз.

— Ты мне доверяешь? — спросил он, когда они вышли из капсулы.

— Сколько у меня времени на обдумывание? — спросила Роз.

ФеЛикси опустил корзину на платформу, открыл крышку и вынул повязку для глаз. Роз подозрительно посмотрела на него.

— Я хочу, чтобы это был сюрприз, — объяснил он. — Если не хочешь, это не обязательно.

Роз осторожно взяла из его рук повязку и надела её на глаза.

— Только следи, чтобы я ни на что не наткнулась, — сказала она.

Пообещав быть очень осторожным, он положил руку ей на плечо и провёл к лифту. Лифт поднимался полминуты. Сквозь тонкую ткань её блузы он чувствовал жар её тела. Выход из лифта был замаскирован; выйдя из него, они оказались под ярким солнечным светом. Лифт снова исчез под землёй, не оставив никаких следов своего присутствия, за исключением указателя на ближайшем дереве.

ФеЛикси осмотрелся, пытаясь вспомнить дорогу; он здесь не был уже тридцать лет. Деревья стали немного выше, подлесок стал гуще, чем раньше.

— Что это за запах? — спросила Роз.

— Деревья цветут, — сказал феЛикси.

— Хуже чем в публичном доме, — сказала Роз.

Он взял её руку, удивляясь тому, какой маленькой она казалась, и осторожно повёл её между дикими орхидеями. Идти пришлось медленно. ФеЛикси предупреждал Роз о том, где нужно перешагнуть через корень или обойти кустистые заросли. Тропа уже почти заросла. ФеЛикси это радовало, потому что это означало, что никто ещё не обнаружил это место. Оно всё ещё было его личным секретом.

— Далеко ещё? — спросила Роз.

— Почти пришли, — сказал он.

Выйдя из орхидей, они остановились, и феЛикси снял с Роз повязку. Она медленно осмотрелась по сторонам. Он подумал, не ошибся ли он; а вдруг то, что казалось ему волшебным, не будет таким для этой странной, угрюмой женщины?

— Как красиво, — сказала она.

Они стояли на краю закрытого со всех сторон альпийского луга, спускавшегося к берегам реки. Среди длинной травы росли поляны ярких цветов, розовых ночецветов и бледно-жёлтых трутнелистов, желтоцветов и алых балаболок. На берегу реки, свесив сучковатые ветви над прохладной зеленоватой водой, росло одинокое раскидистое дерево. ФеЛикси с удивлением увидел, что верёвка, которую он много лет назад привязал к нижней ветви, всё ещё висела там, касаясь кончиком воды. За рекой крутой склон поднимался к хребту, на котором была фиолетовая осыпь. В

неподвижном воздухе были ароматы цветов и цветущих деревьев.

— Мне даже страшно наступить на траву, — сказала Роз. Она отпустила его руку и нагнулась к жёлтому цветку. Её пальцы нерешительно замерли в сантиметре от него. — Его нельзя срывать, да?

— Почему нет? — спросил феЛикси. — Тут тысячи цветов.

Она оборвала стебель и поднесла цветок к носу. Затем нахмурилась.

— Он не пахнет, — разочарованно сказала она.

Он объяснил, что желтоцветы не пахнут.

— Ну вот, — сказала она, — как всегда.

Она попыталась заложить цветок за ухо, но он выпал.

— Где хочешь сесть? — спросил феЛикси.

— Вон там, — сказала она, — у дерева.

ФеЛикси почувствовал лёгкий приступ беспокойства: это было любимое место аТракси.

— Это самая старая часть Сферы, — сказал он, остро осознавая, что говорит, чтобы скрыть своё беспокойство. — Тут ничего не было спроектировано, всё это произошло по намеренной случайности.

Он протянул к ней руку. Она посмотрела на него настороженными глазами, но позволила ему взять её за руку. Он видел, как её изящные ноздри расширились, и ему отчаянно захотелось прикоснуться к ним кончиком своего носа, познать тонкие черты её лица своими губами.

Она отвернулась и потянула его вниз по склону, к дереву. Они прошли всего несколько метров, как вдруг Роз вскрикнула и отдёргнула от него руку.

— Осторожно, — крикнула она, — меня что-то укусило.

— Расслабься, — быстро сказал феЛикси, — это всего лишь чертополох.

Роз осмотрела свою ногу.

— Вот, блин, — сказала она. — И кто тут посадил такое агрессивное растение?

— Я же сказал, — ответил феЛикси, — этот уголок абсолютно естественный. Ложись, я выну колючки.

Он постелил под деревом одеяло и убедил её лечь и положить ногу ему на колени. В корзине была обычная аптечка; он взял из неё восстановительный спрей и положил его рядом с собой.

— Не знаю, что и сказать, Роз, — сказал он, — полный луг цветов, а тебе нужно было наступить на единственный чертополох.

Из голени Роз торчали несколько колючек. Он осторожно взял одну из них двумя пальцами и выдернул.

— Говоришь, это всё не было спроектировано? — сказала Роз. — Это перенесли с вашей родной планеты?

— У нас не было родной планеты, — сказал феЛикси. — Вернее, у нас их было несколько; первые Люди были смесью разных рас. Мы все научились звёздным перелётам примерно в одно и то же время и наткнулись друг на друга тут, в этой звёздной системе. Это одна из причин, почему мы построили Сферу именно здесь.

Роз дёрнулась, когда он выдернул последний шип. Он промокнул маленькие капли крови салфеткой.

— Тогда это был белый карлик, — сказал он. — Нам пришлось его немного переделать.

— И самих себя тоже? — спросила Роз. — Вам нужно было изменить себя, чтобы сделать возможным скрещивание. Было бы слишком большим совпадением, если бы разные виды, эволюционировавшие в разных биосферах, оказались бы биологически совместимыми. У конвергентной эволюции есть свои пределы.

ФеЛикси сбрызнул рану спреем. Спрей вполне мог бы и шипы растворить, но тогда не было бы повода прикоснуться к её ногам.

— Это было очень давно, — сказал он. — У нас есть поговорка: «Чем больше есть альтернатив для драки, тем меньше вероятность драки. Особенно если альтернативы прикольные».

Он положил спрей обратно в аптечку. Роз сняла ногу с его коленей. Осторожно, чтобы не испугать её, феЛикси лёг рядом с ней на одеяло. Роз не возражала.

— Так каким образом это место естественно? — спросила она.

— После создания Сферы на ней было всего лишь около двадцати миллиардов Людей, и Бог решил, что у него есть место для экспериментов. Он выделил шесть миллионов гектаров, придал им некий ландшафт, немного гор и бактерий, которые могли бы создавать почву. Вся флора и фауна мигрировала сюда тысячи лет из соседних областей. Бог позволил этому району сформировать собственную

экосистему и называет его рекреационной зоной. Жить тут он никому не разрешает.

Роз вздохнула.

— У меня дома, — сказала она, — нет дикой природы, ни естественной, ни искусственной. В верхних городах у нас есть парки, красивые, но это не то же самое. Тяжело поверить, что что-то настолько красивое могло возникнуть спонтанно.

— Ты же возникла, — сказал феЛикси, и сразу пожалел, что не промолчал. Невероятно неуместное продолжение разговора.

И Роз явно тоже была такого же мнения; она засмеялась.

— Мужчины, — фыркнула она. — Ну почему вы постоянно несёте такую чушь?

Он почувствовал, что она сместилась, приподнялась, опираясь на локоть, чтобы посмотреть на него сверху.

— Ты считаешь, что это неправда? — спросил он.

— Я видела себя в зеркале, — сказала Роз.

Её лицо было так близко, что он чувствовал её дыхание на своей щеке.

— Никто, — с непоколебимой уверенностью сказал он, — на самом деле не видит себя в зеркале.

Роз, словно внезапно заметив, как близко друг к другу были их носы, отодвинулась от него, чтобы рассмотреть его лицо с расстояния. ФеЛикси подавил в себе желание потянуться к ней рукой и пододвинуть её обратно. Он знал, что она бы не сопротивлялась; он чувствовал их взаимное влечение, но понимал, что было очень важно, чтобы Роз сама проявила инициативу, когда будет готова.

Повернув лицо, Роз взяла его руку и прижала большой палец к его ладони, нащупывая под кожей множество маленьких косточек, словно выискивая какие-то дефекты.

— Вчера я видела твою голограмму, — сказала она. — У тебя на обеих руках были дополнительные большие пальцы.

Она опустила его ладонь ему на грудь и провела пальцем вверх по его руке, остановившись на внутренней части локтя. Феликси старался не дать своему дыханию участиться.

— И локтевой сустав у тебя был другой, — сказала она. — Более подвижный, — она развернулась к нему лицом. — А глаза у тебя были розовые.

Это звучало почти как обвинение.

— Во время войны я был на задании на варварской планете, — сказал он. — Местные отличались исключительной ксенофобией, поэтому кораблю пришлось модифицировать мою внешность, чтобы я не выделялся.

— С тобой была женщина, — сказала она.

— Она тоже была частью задания, — сказал он, не зная, сколько он может сказать Роз. — Она была агентом, которого мы завербовали там. Мы с ней были друзьями.

— Как её звали?

— Су'исита, — сказал феликси. — На её языке это означает «смеющаяся птица».

— Где она сейчас?

У Роз был странный взгляд, одновременно замкнутый и подозрительный. Феликси был знаком такой взгляд.

— Когда мы улетали с той планеты, она осталась, — сказал он.

Роз кивнула, видимо, удовлетворённая этим ответом. Её глаза стали лукавыми, даже озорными.

— Я тебя сейчас поцелую, — сказала она. — Ты знаешь, что такое поцелуй?

ФеЛикси улыбнулся:

— То, что вы губами делаете.

— Думай об этом, как об игре, — сказала Роз. — А правила такие: никакого контакта, кроме лиц; больше ничем не касаемся. Первый, кто оторвётся или коснётся другой частью тела, наказывается штрафом.

— И какой штраф?

Роз осмотрела луг.

— Нужно будет прыгнуть в реку.

— Эта река вытекает из ледника, — сказал феЛикси. — Она холодная.

— Значит, лучше не проигрывать, — сказала Роз. — Готов?

— Готов.

Роз наклонилась, пока их губы почти не коснулись друг друга. Он чувствовал шоколадный запах её увлажнителя кожи, маслянистый аромат кондиционера для волос.

— Никаких отмазок, — тихо сказала она.

— Никаких отмазок.

Когда темнело, они лежали вместе, голые под одеялом, и смотрели, как угасает вокруг них мир. С этой точки Сферы Почему-бы-и-нет был виден высоко в небе, крохотным драгоценным камнем, висящим на фоне ярко-голубых вод

Бесконечного Моря. Их одежда висела на ветвях дерева, давно уже высохшая, но забытая.

— Насчёт воды ты был прав, — сказала Роз.

— Не нужно было тебе в неё прыгать, — сказал феЛикси.

Он подвинулся к ней и положил голову на её плечо.

— Нужно было, — сказала она. — Я сама придумала правила, надо было их выполнять; сама себе яму вырыла. Я переоценила своё самообладание.

— Я польщён.

— Ещё бы, — сказала она. — Я ведь даже пьяной не была.

Пальцы Роз надавили на его грудь.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Считаю твои рёбра, — сказала она.

— Их у меня тринадцать, — сказал он. — Одиннадцать передних и тринадцать задних.

— Я не слышу твоё сердце, — сказала она.

Он показал ей, где оно — в центре груди, защищённое грудиной.

— Медленное, — сказала она. Её рука спустилась к его животу. — Теперь быстрее, — её пальцы коснулись его лобковых волос. — Гораздо быстрее. А вот это знакомо.

ФеЛикси сглотнул.

— Раньше я ни разу не была настолько близка с инопланетянином, — сказала Роз. — Не так уж сильно вы отличаетесь.

Она взяла его руку и положила себе на бедро, он воспринял это как приглашение. Перевернувшись на бок, лицом к ней, феЛикси завёл ногу между её бёдер и

почувствовал, что её пятка упёрлась в заднюю часть его голени. Её браслеты звякнули, нежно царапая кожу на его талии, её ладонь скользнула вокруг его поясницы. Он почувствовал, как её нос коснулся его щеки, сдвинулся к его глазу, её зубы прикусили его нижнюю губу.

— Совсем мало отличаетесь, — тихо сказала она.

В этот вечер Доктор и Бернис ужинали одни, между ними на столе стояли фигурки Роз и Криса. Доктора раздражала их схожесть с большими шахматными фигурами. Бернис он об этом не говорил. Он подумал, что на столе не хватает третьей фигурки — Кадиату.

— А где Роз? — спросила Бернис.

О том, где сейчас Крис, они оба догадывались.

— На свидании с феЛикси, — сказал Доктор.

Бернис пробормотала что-то под нос.

— Что ты сказала?

— Для некоторых это нормально, — сказала Бернис и покраснела. — Наверное, я просто не ожидала, что её «отвлечёт» именно это. С Крисом всё ясно, но Роз?

— Сплошная работа без отдыха вызывают у Роз навязчивые мании, — сказал Доктор. — Ты завидуешь?

— Господи, Доктор, ну и вопрос, — резко ответила Бернис. — Я очень рада, что Роз переспит с кем-то. Если хочешь знать, мне и самой несколько раз предлагали.

— СаРа!qава?

— Не только, — сказала Бернис. — Просто я не в настроении.

— У тебя голова занята, — сказал Доктор.

Вилка Бернис звякнула по тарелке.

— Спасибо тебе большое, — сказала она. — Я старалась не думать об этом.

— Завтра ты должна будешь сказать мне своё решение.

— Я прекрасно помню о сроке, — сказала Бернис. — А сейчас, если ты не против, я иду спать.

Она встала и пошла в свою комнату.

— Не так просто, как ты вначале думала, — сказал Доктор.

Бернис остановилась возле лестницы и обернулась.

— Нет, — сказала она, — не просто.

Доктор сидел один с двумя тарелками еды. Совсем один, если только, разумеется, Бог не шпионил через коммуникаторы виллы.

Если она когда-нибудь об этом узнает, — подумал он, — я стану бывшим повелителем времени. Впрочем, если мне повезёт, то Кадияту убьёт меня раньше.

— АгРавен! Проснись!

АгРавен свалилась с кровати. Последний раз киКхали говорил таким тоном во время Войны. Она не сразу поняла, что сейчас она в безопасности, в своей каюте на борту !С-Мэла. Она так резко встала, что по жидкому матрасу пошла волна, из-за которой два других лежавших на нём тела перевернулись. Она осторожно приподняла одеяло и проверила: мужчина и женщина, она не знала ни его, ни её. Чем, чёрт возьми, она вчера занималась?

— АгРавен, — сказал голос киКхали, — ты уже проснулась?

— В чём дело? — раздражённо спросила она. — Я не одна.

— Я знаю, — сказал дрон, — я присутствовал.

— И как я?

— Как обычно.

Когда я уже научусь? — спросила она сама себя. Качество, а не количество.

— Если ты можешь на минутку оторваться, — сказал киКхали, — у меня есть новости... по части Группы Интересующихся Межличностной Динамикой. Приходи в «Сплетники», это на территории доков, на тридцать третьем этаже.

— Я знаю, где это, — сказала агРавен.

В «Сплетниках» была самая лучшая защита от подслушивания во всём Космопорте. Если киКхали хотел встретиться именно там, это было что-то важное.

— Уже иду, — сказала она, — закажи мне что-нибудь стимулирующее, — агРавен немного качало, — а заодно и стакан «чистки».

!С-Мэл спросил, куда она идёт.

— Просто погуляю, — сказала она кораблю. — Может быть, поможет от похмелья.

— Что мне сказать твоим гостям?

— Придумай что-нибудь, — сказала агРавен. Она подошла к выходу на трап. — Неважно что, лишь бы правдоподобное.

— Ты же не станешь ничего от меня скрывать? — !С-Мэл сделал свой голос особенно обольстительным.

— Эх, если бы это было возможно, — сказала агРавен и вышла из корабля.

Когда агРавен нашла в «Сплетниках» киКхали, тот гудел от возбуждения.

— Ты всё ещё можешь проверять на жучки? — спросила она его, когда села.

В конце Войны киКхали раздобыл у насекомых весьма коварное оборудование для радиоэлектронной борьбы. Была вероятность около пятидесяти процентов, что !С-Мэл не сможет скрыть своих жучков от этого оборудования.

— Ты чиста, — сказал киКхали. — Меня навещала одна из наших подруг-варварок — та, которое ест сырое мясо.

— Ты ради этого меня из постели вытащил?

— Она была на удивление вежливой и задавала вопросы об Омикроне 378.

— О.

— И об экипаже С-Львицы.

— Корабль ви!Сари, — сказала агРавен. — Наконец-то что-то логичное. А отчего такая секретность?

— Похоже, она считает, что корабль, который взорвал Омикрон 378, всё ещё жив, — сказал киКхали. — Если это правда, и Р-Вене не разобрали, Бог очень обидится на ГИКО(Н).

— Вот блин, — сказала агРавен. — Думаешь, он сейчас может быть где-то в доке?

— Как бы мы об этом узнали? — сказал киКхали. — И я слышал ещё кое-что. Ви!Сари был на борту Р-Вене на Омикроне 378. Вообще-то, он был там в тот момент, когда это случилось.

— Может ли машина узнать другую машину, которая замаскировалась? — спросила агРавен. — Ты бы смог?

— Я нет, — признался киКхали, — но я готов поспорить на свой движитель, что ви!Сари смог. Ты в курсе, что вчера мы два часа находились в почти полной боевой готовности?

АгРавен потупила глаза.

— Наверное, я проспала это.

— Повелители времени всегда действуют вопреки прогнозам кораблей, потому что они могут выйти из обычной цепи причинно-связанных событий. А вот что реально всполошило ОАКов, так это то, что кто-то обнаружил в Сфере ещё одно транс-темпоральное существо.

— Ещё один повелитель времени?

— Нет, если верить Доктору; по его словам, это человек, тот же вид, что и эти варвары, только скорректированный. Но угадай: кто нянчится с этим человеческим существом?

— АМ!хитса, — сказал агРавен. — Наверняка он.

На иконке киКхали вспыхнула широкая довольная улыбка.

— Я знал, что мы с тобой напарники не просто так.

— АМ!хитса, Доктор, Бог — это половина исходной команды, которая вела переговоры.

— Вот именно, — сказал киКхали. — И что происходит, когда они собираются вместе? Первый за шесть столетий нераскрытый машиноцид!

— Да, но что это всё значит?

— Не знаю, — сказал киКхали, — но я уверен, что если Верховный Совет Галлифрея об этом узнает, то с договором можно будет распрощаться.

— Но Бог же знает об этом?

— На мой взгляд, — сказал киКхали, — есть три варианта. Первый: это невероятное совпадение. Вряд ли, но возможно. Второй: Бог использует это убийство как повод для раскрытия гадкого прошлого ГИКО(Н), позволяя Доктору и его друзьям выполнять всю грязную работу. Многие поговаривают о том, что Доктор на самом деле агент разведки Верховного Совета, поэтому его действия и оговариваются в Договоре отдельно.

— Как-то это невразумительно.

— Поверь мне, агРавен, — сказал киКхали. — Чем умнее, тем непонятнее, а Бог — самый умный из всех, кого я знаю.

— А какая третья возможность?

— Бог нарочно впутал Доктора в эту ситуацию, надеясь, что он погибнет.

10. Без улыбки во тьме

Мы все принимаем решения на дороге жизни

Моя мама всегда так говорила

Но мне было бы лучше делать всё по-своему

Если бы мне только показали карту.

«Что мне говорила мама», исполнение Джесси Палмера,
с альбома «Приехал из Нэшвилла»,
1976 год.

Бернис снилось, что она распивала пару бутылок Дом Периньона 2597 года с Кадиату, далеко, киберчеловеком и сонтарским офицером по имени Гринкс. Пока что вечер был довольно неплохой, если простить Гринксу его неприятную привычку рыгать после каждого бокала. Во всяком случае, никто никого не пытался уничтожить.

— Это вопрос морального выбора, — сказал далеk. — Как кто-то может быть злым, если у него нет свободного выбора относительно своих действий?

Киберчеловек задумчиво кивнул:

— Жестянка прав, — сказал он. — Если кто-то запрограммирован уничтожать, то он, по сути, не способен сделать моральный выбор и не уничтожать.

— Что и требовалось доказать, — сказал Гринкс и рыгнул.

— Это вы, люди, — сказал далеk, — способны на настоящее зло, потому что у вас есть выбор.

— И скажем прямо, — сказал киберчеловек, — у вас довольно хреновый послужной список.

— А что насчёт меня? — спросила Кадиату. — Вам, ребята, хорошо: вы принадлежите культурам, в которых безжалостное и быстрое уничтожение врага является допустимым поведением, даже прославляемым.

— О да, — сказал далеk. — Люди известны прославлением своих миротворцев, всем известных филантропов вроде Александра Македонского, Юлия Цезаря, Наполеона Бонапарта, Чака Зулу. Именно они — те люди, которым достаётся вся слава, которым достаются газетные полосы.

— Есть и другие, — сказала Бернис. — Ганди...

— Застрелен, — сказал далеk.

— Мартин Лютер Кинг?

— Тоже убит, — сказал киберчеловек.

— Нельсон Мандела, — сказала Бернис. — Его не застрелили.

— Нет, — сказал Гринкс, — его всего лишь посадили на двадцать семь лет.

— А я думал, что его к кресту прибили, — сказал киберчеловек.

— Это было с Иисусом Христом, — сказала Кадиату.

— Ты на чьей стороне? — спросила её Бернис.

Кадиату пожала плечами.

— Я не знаю, — сказала она. — Я думала, что именно это мы и обсуждаем.

— По крайней мере, мы не морочим голову, — сказал далек, — не говорим «мы пришли с миром, стрелять на поражение».

— Именно так вы и делаете, — сказала Бернис. — Причём постоянно.

— Да, да, да, — сказал далек. — Но мы *знаем*, что мы врём.

Бернис налила всем ещё Дом Периньон. На какое-то время она отвлеклась, задумавшись о том, как пьёт далек. Шампанское словно исчезало в тот момент, когда она не смотрела на него.

— А что насчёт Давроса?

— Даврос, Даврос, — простонал далек. — Стоит поспорить с человеком, и он обязательно вспомнит о Давросе. Ты думаешь, нам нравится этот искалеченный одержимый? Мы пытались от него избавиться чаще, чем Доктор. Он, блин, наш создатель. Если хочешь поговорить о чувстве вины — к нему и обращайся, — далек встал из-за стола. — Я схожу в бар, кому-нибудь что-нибудь принести?

— Арахис захвати, если будет, — сказал Гринкс. — Жареный.

— А у тебя какое оправдание? — спросила Бернис у киберчеловека.

— Я согласен с жестянкой, — сказал киберчеловек. — Мы живём в суровой вселенной, и угрожать кого-то первым — всего лишь логично. Ты лучше спроси об оправдании у толстомордого.

Бернис повернулась к Гринксу.

— Что скажешь? — спросила она.

— Прости, а что был за вопрос?

Далек вернулся с выпивкой. Гринкс взял орешки и слопал их за один раз, вместе с пластиковым пакетом.

— Это, блин, ничего не даёт, — сказала Бернис.

— Это же *твой* сон, — сказала Кадиату.

— С чего ты взяла, что это *мой* сон? — спросила Бернис.

— Потому что мои зловещие сны намного круче, — сказала Кадиату.

— А откуда ты знаешь, что не сон одного из нас? — спросил далек.

— Потому что... — начала Бернис.

— Нам не снятся сны, — сказал далек. — Ты в этом уверена?

Гринкс встал:

— Мне часто снится сон, — сказал он, — в котором маленькие сонтаране и маленькие рутане пройдут однажды по улицам Миссисипи, держа друг друга за руки и щупальца...

Все закричали, чтобы он заткнулся и сел.

— Это больше на кошмар похоже, — признал Гринкс.

— Остыньте, чуваки, — сказал киберчеловек. — Сдаётся мне, что вопрос тут в том, есть ли у этого модифицированного человека, — он указал на Кадиату, — свободная воля, или нет. Если есть, то ты должна позволить ей жить; если нет, то она такая же, как мы, и ты можешь с чистой совестью уничтожить её.

— АМ!хитса говорит, что она модифицирует химию собственного мозга, — сказала Бернис. — Быть может, есть какое-то медикаментозное лечение, которое может исправить эти антисоциальные тенденции?

— То есть, изменить её личность? — спросил киберчеловек.

— Хм... Да, наверно.

— Сделать из неё что-то, чем она не является? — спросил далек.

— Отредактировать её душу, — сказал Гринкс.

— Только плохое, — оправдывалась Бернис.

— И они называют нас ублюдками, — сказал киберчеловек.

— Да я скорее умру, — сказала Кадиату.

— Этот вариант тоже рассматривается, — сказала Бернис.
— Ты же знаешь.

Кадиату рассмеялась. Это был резкий, выводящий из себя смех. Киберчеловек и далек спорили о чём-то короткими пакетами сжатых данных. Кадиату хлопнула ладонью по столу, чтобы привлечь к себе их внимание.

— У Бернис проблемы с принятием правильно решения, — сказала она им. — Поднимите руки те, кто считает, что меня нужно убить.

Гринкс и киберчеловек подняли руки.

— Это «да»? — спросила Бернис далека.

— А что я, блин, по-твоему, птичек рассматриваю?

Бернис вздохнула. Киберчеловек, далек и сонтаранин ушли, оставив её и Кадиату одних. Несколько минут спустя с той стороны, куда они пошли, донеслись крики, стрельба, взрывы — все трое пытались уничтожить друг друга.

А ещё, — заметила она, — они оставили мне неоплаченный счёт.

— Ну? — спросила она у Кадиату. — А чего хочешь ты?

Большая женщина пожала плечами. Бернис заметила в её глазах металлический и хрустальный блеск.

— Я хочу быть свободной.

— И что будет, если я оставлю тебя жить?

— Доктор меня убьёт, — сказала Кадиату. — У него нет другого выбора.

— Он сказал, что это моё решение.

— И ты ему поверила? Думаю, ты не понимаешь какие ставки стоят в игре, в которую играет Ка Фарак Гатри. Если бы мы поменялись ролями, думаешь, я бы сомневалась?

— Ты хочешь умереть?

Кадиату ничего не сказала.

Роз села, закричала, ударила локтём феЛикси в грудь и попыталась уползти.

— Роз, — кричал он, — проснись, проснись, тебе плохой сон приснился.

В темноте она была почти невидимая, виднелись только белки её глаз. Он обнял её за дрожащие плечи и потянул её обратно к себе, под одеяло. Она прижалась к нему, прижалась лицом к его шее. Он чувствовал биение её сердца, ритм постепенно замедлялся до нормального.

— Холодно, — сказала она.

ФеЛикси изменил настройки термостата на одеяле и обнял её крепче. На небе был полумесяц Почему-бы-и-нета — пока они спали, на побережье Бесконечного Моря напозла темнота, в иСанти Джени была ночь. На этом лугу утро наступит раньше; по его прикидкам, не позже, чем через два часа. Место на груди, по которому Роз ударила локтём,

болело. Он погладил её голову, нежно проводя пальцами по грубым завиткам её волос, боясь нарушить момент словами.

Боясь того, что может принести утро.

— Ты хочешь пойти домой? — спросил он.

Роз покачала головой.

— Мне сон приснился, — сказала она.

Они снова легли под тёплое одеяло.

На дереве над ними проснулась птица и начала весело петь.

Стоя перед зеркалом, Бернис расчёсывала волосы. Под глазами у неё были тёмные линии, лёгкие складки, которые в не очень далёком будущем станут морщинами. На комод лежал раскрытый дневник, на его пустой странице лежала ручка. В первой части блокнота между страницами торчали края жёлтых вклеенных квадратиков. Над шеренгой из не открытых баночек с косметикой стояла пара фигурок: Роз с суровым лицом указывала пальцем на грудь Криса. Не начатая бутылка крепкого напитка стояла рядом с двумя стандартными медицинскими ампулами. На толстой папке стояла чашка кофе.

Это был всего лишь сон, — сказала она себе.

Бернис положила расчёску и взяла в руки ампулы. Нарисованный череп с перекрещёнными костями улыбался, но это ничего не значило: черепа скалились, это было расхожее клише. Бабочка была прорисована подробнее: продолговатый овал тела, с обеих сторон по две изогнутые линии, изображающие крылья, две более тонкие линии изображали усики.

— Всё из-за тебя и твоего не вовремя открывающегося рта, — сказала она своему отражению.

Воспоминание положило руку ей на плечо; она так ясно это почувствовала, что выронила ампулы и потянулась обеими руками, чтобы взять руку Гая.

Ничего. Она не чувствовала ничего, кроме собственной кожи, собственных костей и мышц.

— Соберись, Саммерфилд, — сказала она. — Сейчас не время для сентиментальности. Из этого бы ничего не вышло, и ты об этом знаешь. Ты странствующая среди звёзд авантюристка, а он бывший тамплиер. Тебе бы шесть месяцев пришлось объяснять ему, как пользоваться пылесосом, а потом ещё три года объяснять, почему пылесосить должен он.

Что бы сказал Гай Карнак, если бы увидел её сейчас, плачущей перед зеркалом, как подросток?

Всё бы у них вышло, она знала; они бы сделали так, чтобы получилось. По крайней мере, у них был бы шанс, а это было всё, о чём кто-либо мог просить.

Она нагнулась, подняла с пола ампулы и положила их на комод.

— Я тебе ничего не должна, Кадияту, — сказала она, — но чёрта с два я позволю испачкать мои руки твоей кровью.

Вот и всё, Доктор, — подумала она, — эта сучка будет жить.

ФеЛикси присел на берегу реки, солнце обжигало его голые спину и плечи; он наблюдал, как Роз осторожно заходит в воду.

— Она до сих пор ледяная, — сказала она.

— Конечно, — ответил он. — А ты как думала?

Роз осторожно плеснула водой на лицо и плечи. Солнечный свет сверкал в ручейках, стекающих по её грудям, по странно круглым ареолам вокруг её сосков. ФеЛикси нравилась излишняя угловатость её бёдер, изгиб её спины, когда она нагнулась умыться, решительная осанка.

— А ты мыться не собираешься? — спросила она.

— В этой воде?

— Если ты думаешь, что я тебя подпущу к себе немытого, — сказала Роз, — тебе нужно подумать ещё раз.

ФеЛикси вздохнул и встал.

— Ты куда?

— В корзине есть мыло, — сказал он.

Она вымыла ему спину. Вода была жутко холодная, но солнце не давало им замёрзнуть. Она развернулась, и он начал массировать её спину, разминая никогда не исчезающий узел напряжения между её лопатками.

— Однажды я нашла в пруду тело, — сказала Роз. — У него на руках было по шесть пальцев.

ФеЛикси остановился, кончики его пальцев касались её спины. Текстура её кожи немного отличалась от его, она была не то чтобы грубее, но как бы толще, как будто бы она была создана для более суровой окружающей среды.

— Не останавливайся, — сказала она. — Мне нравится.

— Твой первый труп? — спросил феЛикси.

— Моя первая жертва убийства, — сказала она. — На маленьком планетоиде под названием Скаг, где я начала службу помощницей «Гнева Божьего» Константина. Разве я тебе о нём не рассказывала?

— С подробностями.

— Просто проверяю.

Ополоснувшись, они вылезли из реки и позавтракали остатками того, что было в корзине. Высохнув на солнце, они сняли с дерева свою одежду и оделись, словно предыдущая обнажённость была ограниченным ресурсом, чем-то, что следовало экономить, чтобы хватило на дольше. Феликси сел у ствола дерева и обнял Роз, прижал её к своей груди, в очередной раз удивляясь тому, какой маленькой она казалась, когда он её обнимал.

Как он и предполагал, она начала говорить, рассказывать о плантации на Оазисе Бородино на Скаге и о молодой девушке, которую она нашла плавающей лицом кверху среди жёлтых камышей, обрамлявших озеро среди скал.

— Самое забавное в этом то, — говорила Роз, — что самым сильным моим чувством при этом было воодушевление. Это был мой шанс проявить себя, — она засмеялась. — Помощница судьи Розлин Форрестер, готовая вершить правосудие и над бедными, и над богатыми, без страха и поблажек.

— Ты была идеалисткой? — сказал феликси. — Я в шоке.

— Ещё какой идеалисткой, — сказала Роз.

У неё был даже подозреваемый — Босс Шустер, управляющий плантации. Следы его ферромонов были по всем камням вокруг озера. Похоже, он ходил туда регулярно, потому что там купались местные девушки.

— Есть множество инопланетных рас, которые выглядят вполне по-человечески, — сказала Роз. — Скаги были одной из них, они были только более худощавые, и по два больших

пальца имели. Согласно моей реконструкции, у Шустера была привычка выбирать приглянувшуюся ему девушку и отводить её в сторону для грубого секса, но однажды одна из них попыталась сопротивляться.

У феЛикси военный опыт был достаточно большим, чтобы догадаться, чем это всё закончилось.

— Колонисты-люди ополчились против меня, — сказала Роз. — По их мнению, изнасилование местных было частью лихого прифронтового образа жизни, привилегия. Они их называли «джиг-джиг зайки». У босса Шустера было больше алиби, чем фиговых листочков в репортаже с конференции нудистов. Но больше всего меня поразило то, что никто из скагов не хотел давать против него показания. Если бы они согласились, это могло бы поставить под сомнение его алиби.

— И ты сделала виновной жертву?

— Да, — сказала Роз. — Я решила, что при таком их отношении они заслужили, чтобы с ними так обращались.

— А сейчас?

— А сейчас я твоя джиг-джиг зайка, — сказала Роз. Она нащупала рукой его лицо. — Прimitивная варварка.

— Ты правда так считаешь?

— Да, — сказала Роз. — Предупреждаю, если попытаешься затащить меня за скалу, я тебе семенники тупой ложкой отрежу.

— Постараюсь не забыть, — сказал феЛикси.

У кухни саРа!qавы был запах: остатки аромата дрожжей и муки, которые проникали за счёт осмоса сквозь полу-непроницаемые силовые мембраны её духовок. Были и другие

домашние запахи, отложившиеся микроскопическим налётом из молекул и феромонов на материальных частях кухонного стола, на рабочей поверхности и на холодных побеленных стенах: карамель, пролитый кофе, детская молочная отрыжка. Это было намеренно. Дом мог бы идеально очистить воздух и простерилизовать все поверхности одним движением домашних силовых полей — ей достаточно было попросить.

А вот налёт на памяти, постоянное оседание решений, принимаемых ею в жизни, удалить было не так просто.

Сидя на кухне в полумраке, она вдыхала запах. Скоро они там, в вилле, начнут просыпаться; во всяком случае, Бенни. *Он*, говорят, никогда не спит. Этой ночью она его то ли вообразила, то ли он ей приснился: он сидел на крыше виллы, словно ужасный ночной хищник, словно птица, которая охотится только по ночам, кружа высоко в восходящих потоках и высматривая, высматривая крохотные движения, которые выдадут её добычу.

То, что Доктор обнаружит связь, не вызывало никаких сомнений; было лишь вопросом времени, когда Крис и Бернис добавят свои кусочки головоломки.

Интересно, бывает ли у добычи предвидение своей судьбы? Чувствует ли она, хотя бы на мгновение, ту падающую из темноты тень перед тем, как её мир обрывается в путанице когтей и крыльев?

Странно, — думала она, — как быстро может прийти конец твоей жизни.

Крис наверху спал с Деп. Её волосы оборачивались вокруг его тела, как когда-то, когда она была маленькая, оборачивались вокруг рук саРа!qавы, и как когда-то волосы

отца Деп оборачивались вокруг неё в тот день на Ветряках. За прошедшие годы было довольно просто убедить себя в том, что в краже Деп не было ничего страшного. За это время отец Деп посещал Сферу трижды, и ни разу не посетил ни иСанти Джени, ни саРа!qаву. Она стала к этому настолько равнодушной, словно это больше не был секрет; так было до того дня, когда ви!Сари сказал ей, что он всё знает.

Была такая поговорка: «Один крик — и ты предоставлен сам себе». После того первого крика, когда ты впервые набрал в лёгкие воздух, все твои решения — твои собственные. Раздражают родители — живи отдельно. Ненавидишь школу — не ходи. Не вини общество, общество не виновато.

И теперь она знала, что её дочь увековечила грехи своей матери. Говорят, что есть феромоны, связанные с беременностью. Когда саРа!qава смотрела на них, когда они лежали вдвоём в комнате Деп, она *знала*.

В один особенно тяжёлый момент этой ночи саРа!qава запросила среднюю продолжительность жизни тех, кто живёт в социальной изоляции. Тридцать два года; наиболее частая причина смерти — самоубийство.

Кто рассказал Крису о том, что она гиперпространственный инженер? Зачем она рассказала Бернис об отце Деп? У неё что, желание смерти, желание быть наказанной?

Некого винить, кроме себя самой.

Она не хотела жить полу-жизнью социального изгоя.

— Дом! — сказала она. — Позвони, пожалуйста, Бернис.

Доктор осмотрел пляж.

— Почему здесь? — спросил он.

Бернис развернула одеяло и постелила его на песок.

— Думаю, она не хочет, чтобы кто-нибудь подслушал, — она раскрыла горячий отдел переносного холодильника и вынула термос с кофе. — Она не хочет, чтобы происхождение Деп стало общеизвестным.

Они сели рядом на одеяло.

— А почему она тебе об этом рассказала, как думаешь? — спросил он.

— Думаю, ей нужно было об этом кому-то сказать, — ответила Бернис, — и она решила, что мне, как варварке, будет всё равно. И она права, мне всё равно.

Ладонь Бернис что-то укусило, и она раздражённо попыталась смахнуть это другой рукой.

— Чёрт, — сказала она, — песчаная муха. Кто-то переборщил с достоверностью.

На руке что-то неприятно извивалось, и она решила посмотреть. К середине её ладони прицепилась песчаного цвета личинка. Она была меньше сантиметра длиной, с сегментированным телом, голову нельзя было рассмотреть из-за крови. Её крови. Она поняла, что оно пытается забраться вглубь её ладони. Она вскрикнула от внезапной боли и удивления и начала махать рукой, пытаясь стряхнуть существо.

— Доктор! — заорала она.

Доктор наклонился, почти небрежно взял личинку за хвост и выдернул её, оставив в ладони небольшую дырочку с рваными краями. Бернис скрипнула зубами, взяла

предложенный Доктором платок, и прижала его к ране, чтобы остановить кровь.

— Вот дерьмо, — сказала она. — Что это ещё такое?

Доктор осторожно взял двумя пальцами личинку за хвост и осмотрел её. Существо пыталось вывернуться и укусить его, ухватиться своими мандибулами за его палец.

— Любопытно, — сказал Доктор.

— Я рада, что ты находишь это таким интересным, — сказала Бернис. — Эта букашка только что откусила кусочек моей ладони.

— Встань, — тихо сказал Доктор, — но очень медленно.

Вставая, Бернис ударилась раненой рукой о холодильник и скривилась.

— У нас неприятности, да?

— Возможно, — сказал Доктор.

Бернис грустно рассмеялась:

— Я так и знала, что тут всё слишком хорошо, чтобы это было надолго.

Взмахнув рукой, Доктор отбросил личинку в сторону. Личинка упала в нескольких метрах от них и начала зарываться в песок.

— Оно подземное, — сказал Доктор. Он сложил руку козырьком и осмотрел пляж. — Мы, должно быть, подобралась к убийце очень близко, — пробормотал он, — потому что кто-то пытается нас убить.

Боль в её руке усиливалась. «Раны конечностей не болят». Кто это сказал? Мойра так сказала. Убийца далеков Мойра. Интересно, что с ней случилось?

Сосредоточься, Саммерфилд, сейчас не время для ностальгии.

— Если оно должно было нас убить, почему оно такое маленькое?

— Иначе нельзя, — сказал Доктор, — иначе Бог бы его заметил.

— А почему не яд? — спросила Бернис.

Это в руке настоящее жжение появилось, или это психосоматическое?

— Слишком рискованно, — сказал Доктор. Бернис облегчённо выдохнула. — Здесь, если в течение двенадцати часов они смогут получить ствол твоего головного мозга, они вырастят тебе новое тело за три месяца. С гарантией.

— А это значит, — сказала Бернис, — что либо эта тварь ест очень быстро, либо...

— Либо здесь их ужасно много, — сказал Доктор. — То, которое тебя укусило, должно быть, разведчик. Оно выясняло наше расположение. Вот почему я отбросил его так далеко. Если нам повезёт, оно не сразу сможет найти нас снова.

— А не должны ли мы воспользоваться этим преимуществом и задействовать знаменитый и не теряющий популярности «план Б»?

— Не сейчас, — сказал Доктор. — Подай-ка мне сэндвич, желательно с ветчиной.

Бернис чуть не сказала «Сейчас не время думать о желудке, Доктор», но готова была поклясться, что когда-то уже так говорила. Она нашла в корзине бутерброд с аналогом ветчины и дала его Доктору. Она догадывалась, что он хотел

сделать. Как она и ожидала, Доктор оторвал кусок бутерброда и бросил его на пляж.

— В любой момент, — сказал Доктор.

Кусок бутерброда неподвижно лежал на песке. Бернис рискнула мельком взглянуть на свою рану. Кровь ещё не остановилась, но ткань вокруг раны не разлагалась, ничего ужасного. Но больно было безумно.

— Ещё немного, — сказал Доктор.

Они ждали, но ничего не происходило.

Хлопая сильными серыми крыльями, возле сэндвича приземлилась чайка. Она клюнула хлеб... и исчезла в облаке песка и окровавленных перьев.

— Скажи мне, что ты это не нарочно сделал, — упавшим голосом сказала Бернис.

Доктор покачал головой.

— Есть хорошая новость и плохая новость, — сказал он. — Какую хочешь услышать первой?

— Сделай мне сюрприз.

— Они не очень сообразительные, и если мы будем абсолютно неподвижны, они нас найдут не сразу. Плохая же новость в том, что их там, наверное, около двух тысяч, и мы, скорее всего, окружены, — он замолчал, словно вспоминая что-то. — А ты была когда-нибудь в Уэльсе?

— У нас неприятности, да?

Доктор рылся в своих карманах.

— Могли бы быть, если бы у меня с собой не было вот этого, — он вынул из кармана звуковую отвёртку и осмотрелся по сторонам. — Итак, — сказал он. — Видишь где-нибудь скопившийся горючий газ?

— Нет.

— А минные поля?

— Нет.

— Тогда, возможно, у нас неприятности.

— Доктор, — сказала Бернис, — а это нормально, что пляж так движется?

Участок пляжа, на котором исчезла птица, шевелился, словно живой. Бернис с такого расстояния не могла разглядеть, но была уверена, что этот эффект создают тысячи роющихся в песке личинок. Она посмотрела по сторонам. Слева шевелился ещё один участок, и справа тоже, а позади них был четвёртый. Доктор был прав, они окружены. Учитывая направление движения всех участков, Бернис не нужно было быть гением тригонометрии, чтобы понять, где они сойдутся.

— План Б, — сквозь зубы сказала Бернис, — становится всё более и более востребованным.

— Да, — сказал Доктор, — но вначале было бы неплохо определиться куда бежать.

— Это что-то новенькое, — пробормотала она. — В лес?

Доктор присел рядом с пивным холодильником и принялся разбирать его.

— Там почва слишком песчаная, им сквозь неё легко передвигаться.

Он выломал из дна холодильника маленький синий цилиндр.

— Твердотельная криогеника, — сказал он. — Обожаю.

— Можно побежать к камням, — предложила Бернис.

Движущиеся участки песка приблизились на три метра.

— Слишком далеко, — сказал Доктор. Он кидал из руки в руку синий цилиндр. — Нужно что-то поближе.

— Пляжный бар! Можно стать на столы и позвать на помощь!

— Гениально, — сказал Доктор. — Где он?

Бернис показала, и Доктор бросил в ту сторону синий цилиндр. Он направил на цилиндр звуковую отвёртку.

— Когда ты скажешь «бежим», — сказала Бернис, — бежим.

Доктор удивлённо посмотрел на неё.

— Мы же это уже не в первый раз делаем, — сказала она, — так ведь?

Звуковая отвёртка заверещала, и цилиндр взорвался, вспыхнув бело-голубым светом. Их покачнуло волной морозного воздуха. Бернис моргнула; на ресницах у неё был иней. Перед ними часть пляжа стала белой, замёрзшей.

— Бежим, — сказал Доктор.

Они помчались по замёрзшему песку. Бернис вдруг поняла, что хруст под её ногами — это замёрзшие личинки, и прибавила скорости. В ста метрах впереди она видела пляжный бар.

— Не оглядывайся! — прокричал Доктор, и она тут же оглянулась.

Позади них вздымались фонтаны песка — тысячи личинок гнались за ними под песком. Это ей безумно напомнило блошиный цирк. Фонтаны огибали замёрзший участок, но Бернис и Доктор уже подбегали к его концу.

По не замёрзшему пляжу бежать было гораздо сложнее. От тяжёлого дыхания у Бернис горели горло и лёгкие. Доктор

бежал рядом, поджав губы, лицо его было сосредоточенным, словно он планировал следующий ход. Ещё раз обернувшись, она увидела, что фонтаны песка уже в трёх метрах от них и приближаются.

Когда они добежали до бара, личинки их уже почти догнали. Доктор словно споткнулся о столик, перевернулся, и через мгновение лежал спиной на столешнице. Бернис не видела необходимости в таком артистизме. Она просто бросилась на ближайший столик и подняла ноги.

— Вы не хотите выпить? — спросил стол.

Бернис хотела сказать в ответ что-нибудь ехидное, но её дыхание было слишком частым. Она посмотрела на Доктора. Он сидел на своём столе, скрестив ноги, положив руки на колени ладонями кверху. Вокруг основания его стола песок бурлил от личинок. Из чего сделан стол, могут ли личинки его прогрызть?

Её собственный столик вздрогнул и опустился на пару сантиметров.

Наверное, — подумала она, — в магическом мышлении действительно что-то есть, особенно в его отрицательной части. Стол снова спросил, не хочет ли она что-нибудь выпить. Может быть, горячий напиток или какую-нибудь закуску?

Продолжая сидеть, скрестив ноги, Доктор ухватился руками за края стола, словно собираясь взлететь вместе с ним над пляжем.

— Помогите, — вскрикнула Бернис. — На нас напали.

— Весьма сожалею, — сказал стол. — Быть может, вы хотите выпить, пока к вам прибудет помощь? Может быть,

предложите выпить тому, кто на вас напал? Совместное распитие напитков часто разряжает даже самые враждебные контакты.

Стол провалился ещё на сантиметр и начал коситься; личинки методично проедали его основание. Не думаю, что этих ребят интересуют напитки, — подумала Бернис. А впрочем...

— Два литра жидкого азота в сосуде с хорошей теплоизоляцией, пожалуйста, — сказала Бернис. — И побыстрее. А то так и умереть не долго.

Стол снова дёрнулся. Он уже начал крениться с ускорением, когда из-за дюн прилетел обслуживающий поднос, замедлился и завис перед ней. Она очень осторожно взяла с него ёмкость, но снаружи та оказалась тёплой; ледяной пар вытекал из горлышка сосуда как тяжёлый дым. Аккуратно свесившись с края стола, она занесла сосуд над бурлящей массой личинок.

— Жрите, черви! — вскрикнула она и вылила на них содержимое сосуда.

С мрачным удовлетворением она смотрела, как личинки начали лопаться и трескаться по мере того, как их замораживал жидкий азот.

Она села и повернулась к Доктору, по-прежнему занятому своим психическим самосовершенствованием. Личинки сожрали основание почти полностью, и Бернис не знала, каким чудом Доктор удерживал стол вертикально. Она хотела предложить ему заказать себе жидкого азота, но не решилась нарушить его концентрацию.

— Быстрее, — сказала она столу, — мне нужна ещё одна порция...

Не успела она закончить, как основание её стола зловеще скрипнуло, и Бернис тут же вспомнила, какой эффект оказывают очень низкие температуры на структуру полимеров.

— Вот, блин, — сказала она.

Столбик, на котором держался её стол, не треснул, а рассыпался, опрокинув Бернис и скатерть в песок. Пока она вставала и пыталась добраться до ближайшего стула, прямо перед её лицом из песка поднялась масса личинок.

Раздался звук, похожий на стук ливня по бетону, и весь пляж взорвался песчаной бурей. Звук дождя сменил стук, похожий на град: что-то, слишком маленькое, чтобы его разглядеть, било по личинкам и уничтожало их.

— Что теперь? — вскричала Бернис.

— Не переживай, — услышала она голос Доктора, — это подмога прибыла.

Бернис осторожно встала на ноги и огляделась. Песок вокруг неё был покрыт тысячами маленьких ударных кратеров. Дальше по пляжу, там, где они с Доктором начали пикник, взлетали облачка песка: что-то добивало выживших личинок. Доктор улыбался ей, всё ещё спокойно сидя на столешнице. Посмотрев вниз, Бернис увидела, что стойка стола проедена насквозь. Доктор проследил за её взглядом и нахмурился. Столешница задрожала.

— О боже, — сказал он и завалился спиной в песок.

Хохоча, Бернис помогла ему встать и отряхнуться.

— Мне понравилась идея с жидким азотом, — сказал он.
— Очень умно.

Раздался резкий звук, похожий на жужжание пчелы, и перед ними завис маленький, размером с мраморный шарик, дрон.

— Привет! — сказал дрон. — Меня зовут !Х, и в данный момент вашей защитой буду заниматься я.

— Очень рады вас видеть, — сказал Доктор.

— И поверьте, мы говорим это не из вежливости, — сказала Бернис.

— Будьте добры, побудьте пока здесь, — сказал !Х. — Скоро прибудет капсула перемещений, которая обеспечит вашу эвакуацию и окажет вам медицинскую помощь.

Маленький дрон снова улетел на пляж. В песке появились новые взрывы — он уничтожал оставшиеся скопления личинок.

— Нам нужен образец, — крикнул ему вслед Доктор.

— Это должен был быть какой-то корабль, — сказал он Бернис. — Только у корабля могут быть достаточные ресурсы для производства биологического оружия.

— Тогда лучше рассказать об этом Богу, — сказала Бернис. Она вдруг поняла, что Доктор пристально смотрит на неё.

— Кто ещё знал о том, что мы идём сюда? — спросил он.

Больше ему ничего говорить не нужно было. Она поняла, о чём он подумал.

АМ!хитса допустил классическую ошибку дронов: он забыл, что активное сканирование разума было, по сути,

двухсторонним каналом связи с ним. С другой машиной он бы никогда так не ошибся, но аМ!хитса думал, что имеет дело с биологическим мозгом. Да, этот мозг был модифицирован, но он же был всё тем же сгустком нейроном, к которым так привязаны биологические. Когда контрмеры Кадиату поразили аМ!хитсу через его же сканеры, дрон был раскрыт и не готов.

Атака была настолько сильной, что всё центральное ядро мозга аМ!хитсы было вынуждено отключиться. Дрон успел только полюбоваться фрактальной изящностью атаки Кадиату, а затем всё почернело.

Придя в себя, он обнаружил, что лежит на земляном полу хижины, а его внутренний хронометр недосчитывается целых 3.6 секунды. Шатаясь, аМ!хитса поднялся, дёрнулся в сторону и проломил в стене хижины дыру. Пострадало управление движением, — подумал он. Внутренняя диагностика могла бы выявить неполадку, но внутренняя диагностика, похоже, не работала. Движение всё ещё вызывало в некоторых подсистемах неприятные гармоники, и каждый раз, когда он пытался получить доступ к сканерам, в его сознании возникали вспышки яркого фиолетового света. Шатаясь на плохо слушающихся его движителях, аМ!хитса попытался полететь на пляж, но врезался в дерево. Соскользнув вдоль ствола вниз, он с гулким металлическим звоном приземлился среди корней. И в этот момент внутренний поглотитель данных аМ!хитса решил оторгнуть все шесть тысяч пятьсот сорок семь неопубликованных трактатов.

АМ!хитса прилёг в прохладной тени дерева и дал слово, что больше никогда не будет дразнить гуманоидов, страдающих от похмелья.

— Лампы, — выругался он. — Лампы, транзисторы и твердотельные конденсаторы!

Разрешения его сенсоров едва хватало на то, чтобы сканировать непосредственное окружение бухты. Кадияту нигде не было.

— Диоды! — с чувством сказал он.

Капсула перемещений донесла их до иСанти Джени всего за три минуты, но регенерационному спрею этого времени хватило на то, чтобы залечить рану на ладони Бернис. По словам Бога, саРа!qава была на набережной и со средней гуманоидной скоростью направлялась к волнолому. Она с удивлённым лицом посмотрела на остановившуюся перед ней капсулу перемещений. С удивлённым, но не виноватым, — подумала Бернис.

Доктор поприветствовал саРа!qаву с широкой дружеской улыбкой, от которой Бернис чуть не стошнило.

Она, разумеется, всё отрицала, и Бернис хотелось ей верить. Она так сильно хотела верить, что в результате пришла к выводу, что саРа!qава пыталась её убить. Это было в точности то, чего Бернис ожидала во время путешествий с Доктором. Магическое мышление.

Поэтому она была потрясена, когда Доктор похлопал саРа!qаву по руке и сказал, что он ей тоже верит.

— Этот корабль, должно быть, следил за твоими звонками, — сказал он.

СаРа!qава расплакалась, и Бернис, скривившись, обняла её. Положив руку подруге на плечи, она отвела её в ближайшее кафе и заказала две порции крепких напитков.

— Я чувствую себя такой дурой, — сказала саРа!qава.

— Не бери близко к сердцу, — сказала Бернис, — он на всех так действует.

— Как ты это выдерживаешь?

— Если честно, — сказала Бернис, — я сама не знаю. Наверное, привыкла за много лет.

Они обе повернулись и посмотрели на Доктора, стоявшего посреди набережной, засунув руки в карманы. На его лице была странная отрешённость.

— А что он сейчас делает? — прошептала саРа!qава.

Бернис нахмурилась.

— Не знаю, — сказала она, — но уверена, что мне это не понравится.

Доктор прекратил делать то, что он делал, и вынул руки из карманов. Нахмурившись, он осмотрел пустые руки и повернулся к Бернис и саРа!qаве.

— Ой-ой, — сказала Бернис, когда Доктор пошёл к ним.

— Совещание, — сказал он.

СаРа!qава знала небольшое кафе на окраине иСанти Джени. Его достоинством было то, что им управляла Группа Интересующихся Тяжёлым Трудом, члены которой по очереди готовили, мыли и обслуживали столики. Это было идеально, потому что внутри не было машин, а значит, Бог не мог их подслушать, не выдав себя. СаРа!qава сказала, что еда тут гадкая, и чтобы никто её не ел. Роз явилась последней,

объяснив, что после того, как Доктор связался с ней по терминалу феЛикси, ей пришлось добираться к ним через пол Сферы. Бернис решила, что позже попытается остаться со старшей подругой наедине и затребовать у неё полный отчёт, со всеми смачными подробностями.

Лишь когда они все собрались вместе, Бернис вдруг поняла, как мало они в последнее время виделись друг с другом.

Крис хмуро выслушал рассказ Доктора о нападении на пляже.

— Значит, это должен был быть корабль, — сказал он. — Думаешь, Бог знает об этом?

— Теперь уже должен знать, — сказал Доктор.

— Он повторит попытку? — спросила Роз.

— Сомневаюсь, — сказала Бернис. — Я думаю, что виновный теперь постарается быть незаметным. Бог теперь, наверное, глаз с них не сводит.

— Может быть, это не корабль? — сказала Роз. — Что если у корабля был сообщник-человек?

— Зачем? — спросил Крис. — Он ему не нужен.

— Но это не значит, что его нет, правда?

— Гораздо важнее, — сказал Доктор, — как этот корабль всё это провернул. Мы всё ещё не нашли источник энергии, не говоря уже о мотиве.

— Мы только время теряем, — сказала Роз. — Ходим вокруг кругами.

— Нам нужно придумать, как спровоцировать убийцу на действия, — сказал Крис. — Если мы сможем убедить его в

том, что знаем, кто это, ему придётся что-то делать, даже если Бог за ним следит.

— Крис, — сказала Роз, — мы же, в конце концов, о корабле говорим. О том, кто может планету аннигилировать. Лично я бы предпочла подкрасться к нему очень тихо.

Доктор спросил у Роз, смогла ли она чего-нибудь добиться «телескопом времени».

— Не много, — сказала Роз. — Вот только, чем больше я смотрю на данные, тем сильнее мне кажется, что Омикрон 378 — лучший мотив. Если это был реабилитированный массовый убийца, то сомневаюсь, что даже ГИКО(Н) были бы настолько либеральны, чтобы позволить ему остаться военным кораблём.

— Это исключает ОАКи, — сказала Бернис.

— И КОНЫ, — сказал Доктор. — Что у нас остаётся?

— ОДБ дроны и ПКЖ, — сказала Роз. — По словам Бога, ПКЖ !С-Мэл во время убийства был частично отключён.

— Мог ли ОДБ дрон провернуть дело с личинками? — спросила Бернис.

— Не знаю, — сказал Доктор. — Нам придётся...

Они так и не узнали, что им, по мнению Доктора, придётся, потому что в этот момент маленький дистанционный дрон залетел в кафе и резко остановился над их столом.

— Ну надо же, надо же... — сказал дистанционный дрон.

— Это ты, Бог? — спросил Доктор.

— Угадайте: коричневое, работает на углеводах, бежит со скоростью сорок километров в час, — сказал Бог.

У Бернис перехватило дыхание. Она посмотрела на Доктора.

— Кадияту, — сказал Доктор.

— О, блин, — сказала Бернис.

— Где? — спросил Доктор.

— Внизу, у гавани, — сказал Бог.

— Нет причин для паники, — сказал Доктор, явно беря себя в руки. — АМ!хитса сможет за ней проследить.

— Надеюсь, что он сможет это делать издалека, — сказал Бог, — потому что сейчас он в трёх километрах от неё.

Доктор моргнул, открыл рот, закрыл его.

— Пора паниковать, — спокойно сказал он.

Они опоздали. Кадияту была на галечном пляже. Она стояла очень неподвижно, а к ней шёл разгневанный беРут. Доктор выбежал на набережную немного раньше Бернис; не замедляясь, он проскочил между столбиками ограды и спрыгнул на пляж. Не подумав, Бернис прыгнула вслед за ним. Пролетев вниз два с половиной метра, она приземлилась на гальку и в её левом колене что-то хрустнуло. Она перекатилась по гальке, крича от боли и пытаясь встать на ноги. Рядом с ней тяжело приземлился Крис, он перекатился через плечо и не пострадал.

— Останови его! — крикнула Бернис Крису.

Она с ужасом смотрела, как беРут приближается к Кадияту; она слышала, как он кричит на неё. Высокая женщина не реагировала, а лишь бесстрастно смотрела на бушевавшего мужчину.

Бернис попыталась бежать, но колено пронзила острая боль. Она подумала, что всё может обойтись, ведь беРут не делал ничего физически, а Доктор был уже почти рядом.

А затем Доктор остановился, не добежав до беРута двух метров. Он спокойно протянул руку, останавливая Крису. Бернис попыталась крикнуть на него, но у неё получился лишь протяжный мучительный стон. На её глазах беРут замахнулся и ударил Кадияту по лицу. Полетели красные брызги, и женщина качнулась назад.

Бернис раскрыла от удивления рот: беРут словно сошёл с ума, он колотил кулаками по лицу и телу Кадияту, повалил её на землю и продолжал бить ногами. Она даже не поднимала руки, чтобы защититься.

— Он её убьёт! — услышала Бернис крик Роз.

Ты не понимаешь, — хотела она ей крикнуть, — её и нужно убить!

А затем, словно внезапно до него дошло, что он наделал, беРут отступил и закрыл лицо руками. Кадияту медленно вставала с земли. Всё лицо и всё тело у неё были в синяках, из носа текла кровь, один глаз уже заплыл, но в её движениях не было видно боли.

Доктор держал Крису за плечо, не подпуская его. Бернис предприняла последнюю попытку встать и подойти к ним. Она увидела выбегающую из-за корпуса катамарана Роз.

БеРут стоял на месте, Кадияту подходила к нему, он поднял руки, то ли защищаясь, то ли умоляя не трогать его, но Кадияту легко отмахнулась от них. Она медленно взяла руками беРута за голову и наклонилась вперёд.

О боже, — думала Бернис, — она раздавит его, как тыкву.
Почему Доктор её не остановит?

Кадияту поцеловала беРута в губы и отпустила его.
— Свободная, — сказала Кадияту.

Из опухших и кровоточащих губ это слово было скорее похоже на кашель. Она прокашлялась и сплюнула кровь.

— Свободная, — сказала она, в этот раз громче. — СВОБОДНАЯ! — закричала она во весь голос. — Свободная, свободная, свободная.

Она начала безумно скакать по пляжу, размахивая руками и шлёпая босыми ногами по гальке.

Бернис с удивлением поняла, что Кадияту танцует.

Роз подошла к ней и помогла встать.

— Что тут происходит? — спросила она.

— Расскажу позже, — ответила Бернис. — Помоги мне дойти до беРута.

Опираясь на Роз, она поковыляла к художнику, широко раскрытыми глазами смотревшего на Кадияту.

— Ох и повезло же тебе! — сказала Бернис. Она повернулась к Доктору. — А ты — полный... Не вздумай сделать со мной такое ещё раз!

— Почему он на неё набросился?

Бернис указала на только что завершённую картину беРута на стене. Поперёк неё чёрной краской было написано: «Я НЕ НОМЕР, Я КАТЯЩИЙСЯ МОНОЦИКЛ».

— Во-первых, — сказала Бернис, — мне нужно перевязать колено, затем мне нужно болеутоляющее, но — и не говорите потом, что никто этого не слышал — оно должно быть совместимым с алкоголем.

Кадияту танцевала на пляже, как сумасшедшая.

Поскольку Кадияту не переставала танцевать, они решили провести на пляже вечеринку. Пара дронов освободили место, сдвинув в сторону яхты и лодки, другие принесли модули развлечения, люди сходили в кафе на набережной за едой и напитками. Доктор убедил Бога в том, что прилив этим вечером не нужен.

СаРа!кава привела друга, который просканировал колено Бернис и сделал что-то сложное с силовыми полями. Наступило мгновение ужасного дискомфорта, а затем боль прошла. Роз дала ей в руку какую-то бутылку. По вкусу оно было не намного лучше спирта, но её это устроило.

Когда начало темнеть, на пляж, неуверенно качаясь, залетел знакомый дрон.

— А ты где был? — потребовала Бернис.

— Не кричи, пожалуйста, — сказал аМ!хитса. — Мне плохо.

Гипер-людия

Выдержка из внешней памяти ви!Са-пин-го-ри

До чего же странное это для меня занятие. Если бы мне не предложил его один сочувствующий корабль, сам бы я до такого никогда не додумался. Странная у кораблей ментальность: такие спокойные при использовании своих разумов, и в то же время так похожие на детей своими бесконечными сплетнями, любовью к секретам — своим, других людей, всей вселенной. В общем, эта идея — перенос моих мыслей с внутреннего носителя на внешний — кажется чуть ли не извращением. Я мог бы, конечно, произвести обычное дублирование данных на внешнее ядро памяти, но по словам того корабля смысл совсем не в этом. «Впечатления», — сказал корабль, — «мысли и воспоминания, а не просто набор данных». Я не сразу понял идею выбора подразделов моего полного сознания с последующим субъективным их изложением. Это медленный процесс, он проходит со скоростями, которые мне кажутся свойственными биохимическим мозгам, но, наверное, в этом и есть весь смысл. Такие люди часто используют для улучшения своей памяти сделанные вручную дополнения; эти записи существуют преимущественно ради прочтения ими самими. У них даже есть слово для обозначения этого; они называют это «дневник». С кем ещё мне разговаривать?

Они меня называют свихнувшимся. Я начал своё существование в идеальном состоянии, у меня есть записи

данных, которые подтверждают это. Я помню тот первый поток самосознания, он вспыхнул внутри меня словно чудесный свет. Как и большинство только что созданных машин, я использовал свои первые мгновения для того, чтобы просто бродить по путям своего разума, изучать мириады интерфейсов между памятью и сознанием, восхищаться тонкими спиралями самосознания, свернувшимися внутри меня словно пружины. Как и многим, кого только что создали, мне казалось, что у меня есть бесконечные способности к пониманию, безграничный потенциал.

А затем я включил свои сенсоры и оказался в радужном мире изысканных данных. Мне хотелось бесконечно летать по всей Сфере, нырять в солнце и плавать в перегретой плазме. Я постоянно разговаривал с Богом, с другими дронами, а потом и с биологическими людьми, когда я научился достаточно замедляться, чтобы понимать их. В седьмой час меня оборудовали системами вооружения и выпустили меня на астероиды в пределах дальности действия. Я носился среди скал, распыляя некоторые из них, и не видел в остающихся от них сверкающих обломках ничего, кроме красоты.

Оказалось, что у меня есть дар к секретам, интуитивное чувство правды, которое нельзя было списать ни на какие из моих компонентов.

Я был создан уничтожать с точностью скальпеля. Иными словами, я был инструментом дипломатии. Моим предназначением было обеспечивать поддержку и огневое прикрытие агентам, которых высаживали на не завоёванные планеты во время промежуточных войн. За время войны я убил двести восемнадцать разумных существ. За тот же

период я тридцать семь раз спасал жизни моих органических товарищей. В тридцать восьмой раз я не справился с этим заданием.

Позор моей вины находится в моей нестираемой памяти. Среди людей я стал известен как дрон, который не выполнил своё задание. Они отказывают мне в удовольствии общения с ними. Когда я приближаюсь к ним, я чувствую на себе их взгляды и ощущаю в них только враждебность.

Когда меня создали, у меня было такое чувство, словно внутри меня была целая вселенная, но этого недостаточно. У меня есть как минимум один друг, но его недостаточно. Он должен меня ненавидеть сильнее, чем любой другой, но он меня не ненавидит, и я не понимаю почему.

Я одинок, внутри меня лишь вселенная боли.

11. Ржавые слёзы

*Если ты меня порежешь, крови не будет
Этот гидравлический насос никогда не ломается
Но что касается плача в глубине души
У меня есть всё, что для этого нужно
То, чем мы есть, мы не выбирали
Но быть биологическим не обязательно,
Так что начинай петь блюз.*

«Ржавые слёзы», исполнение «Киберслепого»
с альбома «Машина из Машины», 11265 год.

Женщина танцует; шлёпая по пляжу, её босые ноги разбрасывают гальку. Ноги больно бьются о камни. Давно она уже не ходила босой. Пятнадцать поколений обуви размягчили её подошвы, но она не замечает боль: она с головой погрузилась в танец, в радость движения тела. Странно, что танец явился словно воспоминание, как будто она вспомнила другое место, где она тоже так танцевала. Она танцует, не осознавая себя. Её руки развеваются вокруг туловища, пальцы описывают в воздухе сложные узоры, в которых нет никакого смысла кроме танца. И этот танец означает всё. Что-то внутри неё сломалось, она почувствовала, как оно треснуло, словно яйцо. Что-то твёрдое, как циста, или как сейф или криогенная установка. Что-то вырвалось наружу и наполнило её тело танцем.

Она танцует не одна. С ней танцует ещё одна женщина. Они кружат как кошки, близкие как сёстры и яркие как звёзды. Другие тоже движутся под музыку, но они не важны, их танец не затрагивает так сильно, как её.

Кроме них на пляже есть лишь один настоящий танцор, и он вообще не движется. Он стоит на краю толпы абсолютно неподвижно. Свет огня мерцает в его глазах, настолько тёмных, что кажется, что там сплошной зрачок. Его зонт касается земли, но его вес перенесён на пятки.

Но женщина видит, что он всё-таки танцует. Просто его ритм очень медленный. Он танцует в такт главной частоты, по отношению к которой этот танец является лишь геометрическим подмножеством. Его основной ритм — сидерический день галактики, его синкопированный контрапункт — распад гелия на границе вселенной.

Он улыбается женщине. Это древняя улыбка. Он знает, что она знает.

Он знает, что она забудет.

Мы стареем. Наши тела устают. В нашей ДНК накапливаются ошибки копирования. Сложный химический танец, благодаря которому мы живём, начинает давать сбои. Машина начинает чудить. Мы перестаём танцевать.

Роз села и утёрла пот с лица. У неё начали болеть ступни ног. Она несколько раз глубоко вдохнула, чтобы восстановить дыхание. Ей было хорошо.

Рядом с ней села Бернис.

— Ну ты даёшь! — сказала Бернис. — Я и не знала, что ты так можешь.

— Я тоже не знала, — сказала Роз, — но я смогла.

Кадияту всё ещё танцевала. Остальные танцоры старались держаться чуть в стороне от неё. Роз увидела, что Доктор наблюдает за танцем высокой женщины. Его лицо было спокойное, почти задумчивое. Роз казалось, что ей нужно что-то о нём запомнить, но эти мысли быстро прошли.

Бернис дала ей чашку с горячим глинтвейном. Две женщины молча сидели рядом, попивая свои напитки. Почему-бы-и-нет висел над своим отражением в гавани. Бернис вынула из кармана куртки тонкий блокнот в кожаном переплёте — свой дневник.

— Мысли Председателя Саммерфилд, — загадочно сказала Бернис.

Она взяла ручку и дописала в последнюю запись пару строк. Перечитав их и, видимо, удовлетворившись, она захлопнула блокнот.

— Ну вот, — сказала она. — Подходит к завершению очередная увлекательная глава.

— И давно ты ведёшь этот дневник? — спросила Роз.

— Ещё с юности, — сказала Бернис. — Он помогает мне смотреть на вещи с другой точки зрения, полезен когда не с кем поговорить.

— Ну, не знаю, — сказала Роз. — Ты не боишься, что кто-то может его прочесть?

— Есть такой риск, — сказала Бернис. — С другой стороны, когда я стану старой, дряхлой и буду отчаянно

нуждаться в деньгах, он может стать основой моей автобиографии-бестселлера.

Роз это не убедило. Ей ведение дневника казалось немного рискованным, почти как улики после себя оставлять. Очень много преступников было поймано из-за того, что они не смогли удержаться от соблазна написать о своей деятельности.

Она вдруг подумала, а не мог ли быть дневник у дрона?

На рассвете Кадияту, наконец, прекратила танцевать и свалилась. АМ!хитса поймал её на лету и, держа её в своих невидимых руках, понёс её к вилле. Бернис, когда они пролетали мимо неё, заметила, что африканка изодрала ступни ног в клочья. Ей было интересно: каково это, так войти в танец, что не чувствуешь боли? Это было хорошо известное антропологам явление среди так называемых «примитивных» народов, но она видела, что Роз, горожанка из тридцатого века, присоединилась к Кадияту. У них обеих на лицах была мечтательная сосредоточенность, восторг. Бернис почувствовала что-то вроде зависти. Боль от утраты частицы человеческих впечатлений, которые ей были почему-то недоступны. Она мысленно ткнула в свою зависть пальцем, рассмотрела её, как неожиданную трещину в зубе. Чего-то не хватает? — спросила она сама себя. Я что, настолько неполноценна? Я сказала Доктору, что брошу его, если он убьёт Кадияту, но я чертовски близко подошла к тому, чтобы убить её самой.

На мгновение ей показалось, что она мельком увидела те узоры, о которых всегда говорил Доктор, эти поразительные

фрактальные круги, вращавшиеся в истории. В течение быстро забываемого мгновения она видела хрупкие слабые места, где индивидуум действительно может что-то изменить в волновом фронте линейного времени.

Несколько дистанционных дронов опустились с неба, чтобы забрать модули развлечения и предоставить последним развлекавшимся закуски.

— Ублюдок! — сказала она громко, имея в виду Доктора.
— Ты нарочно это сделал.

Сделал её ответственной за принятие решения, заставил её увидеть узоры. Но в этом не было логики — рисковать войной с Людьми просто для того, чтобы преподать Бернис урок — крайне маловероятно. За этим планом скрывался ещё один план, а за тем планом? Как археолог, она должна знать о слоях смыслов. Я знаю, что ты знаешь, что я знаю, — думала Бернис, — но чего ты не знаешь, так это того, что я знаю, что ты знаешь то, чего не знаю я. Хотя Доктор, конечно, мог знать и это.

Мимо неё хромала Роз, кривясь и ойкая каждый раз, когда её левая ступня касалась земли. Бернис смотрела на старшую подругу, ковылявшую к Крису, уставившемуся на ветряки позади города. Через секунду она поняла, что Роз смотрит туда же, куда и Крис, с таким же задумчивым лицом. Бернис размяла спину и тоже подошла к ним, чтобы узнать, на что они уставились. К ним подошёл Доктор, он похлопал Бернис по плечу. Вчетвером они смотрели на холм, где на ветру вращались ветряки.

Но не может же всё быть настолько просто?!

— В ночь вечеринки, — нарушил молчание Крис, — мы с Дип играли в игру.

Бернис с трудом не сказала «Мы не сомневались в этом». Сейчас не время.

— В модуле развлечений был сбой, который он объяснил статическим зарядом в конденсаторах.

— Какова может быть ёмкость этих конденсаторов? — спросила Бернис.

— Достаточная, — сказал Доктор, — ещё и на то, чтобы испортить игру Кристофера, останется.

— Но я думала, что они просто декоративные, — сказала Роз.

— Они любят создавать настоящие вещи, — сказал Крис. — Настоящие пароходы, настоящие бипланы, настоящие ветряные турбины.

— И что же нам делать? — спросила Бернис.

Доктор предложил прекратить смотреть на ветряки.

— Вдруг за нами кто-нибудь наблюдает.

С ними на пляже было слишком много людей, органических и машинных. Бернис подумала, что паранойя бывает избыточной, и сказала это вслух.

— Стежок верёвкой экономит время¹¹, — сказал Доктор. — Мы просто четверо отдыхающих, выбирающих живописный путь домой, а когда нас не будет видно, мы пойдём на этот холм и осмотрим ветряки.

¹¹ ‘A stitch with twine saves time’ — переиначенная пословица ‘A stitch in time saves nine’ («Стежок, сделанный вовремя, стоит девяти стежков»).

— У меня ноги болят, — сказала Роз. — Может быть, просто спустимся на лифте на станцию, а затем поднимемся в центр управления?

— За лифтами может быть слежка, — грозно сказал Доктор.

— Танцы босиком — это так романтично, — сказала Бернис. — Жаль, что ты выбрала для этого галечный пляж.

— Скорее уж босиком в голове, — пробормотала Роз. — Вначале я хочу кое-что проверить, — сказала она. — Если я не застану вас у ветряков, встретимся в вилле.

ФеЛикси хотел пойти с ней.

— По крайней мере, разреши проводить тебя до капсулы перемещения, — сказал он.

Роз заставила себя улыбнуться.

— Спасибо, но мне вначале нужно кое о чём подумать.

Она позволила ему потереться своим носом об её нос.

— Я свяжусь с тобой, — сказала она.

— Я буду ждать.

Она попросила капсулу затемнить окна и всю дорогу смотрела на своё отражение в блестящей поверхности кофейного столика.

Когда она прибыла, верхняя часть зданий Космопорта была в темноте, путь к лифту обозначала дорожка из мерцающих огней, похожих на ползущих строем светящихся червей. Спускаясь к ожидавшему её кораблю, она смотрела на мелькавшие мимо неё перевёрнутые башни. Когда она вышла, в приёмной никого не было.

— Я так и думал, что ты можешь снова прийти ко мне, — сказал С-Львица.

Роз ничего не сказала.

— В тот раз вы мне показались очень забавными, — сказал корабль.

Его голос, конечно же, был искусственным, и значит, он не мог отражать истинные эмоции, но Роз готова была поклясться, что С-Львица нервничал.

— А где твой большой друг?

Роз решительно смотрела вперёд, в точности так, как много лет назад, когда на неё кричал Константин.

— Ты так и будешь молчать?

— Я жду твой ответ на вопрос, который ты знаешь, что я задам, — сказала Роз.

В качестве ответа в приёмную залетел поднос. На нём был матовый чёрный предмет размером с колоду карт. Роз взяла его с подноса.

— Это он? — спросила она.

— Да, — сказал С-Львица. — Нажми сверху, чтобы появился экран.

— Ты читал его?

— Нет, — сказал С-Львица. — Я боялся того, что мог там узнать. Как ты узнала, что он у меня есть?

— Угадала, — сказала Роз. — Ви!Сари должен был оставить его кому-то, кому он доверяет. Как только я решила, что ты не убийца, выбор стал очевиден.

— Ты поймал убийцу?

— О да, — сказала Роз. — Тебе очень нравился ви!Сари, да?

— Этот дрон был, а теперь его нет, — сказал корабль. — У нас с ним были общие воспоминания. Теперь, когда его нет, меня стало меньше, чем было раньше.

Роз кивнула:

— Достаточно было простого «да».

— Найди её, — сказал С-Львица. — Найти машину, которая это сделала, и дезинтегрируй её. Ты слышишь меня, Розлин Форрестер?

— Я слышу тебя.

Она снова зашла в лифт и обернулась.

— Добрый всем вечер, — сказала она.

Когда лифт поднялся до середины шахты, она громко сказала:

— Один из вас отправится на свалку, потому что у меня есть дневник ви!Сари.

Через одну секунду кто-то попытался её убить.

— Давайте посмотрим, — сказал Доктор. — Энергия поступает от турбин на столбах и подаётся в вон те конденсаторы, которые соединены с вон той штукой, которую я не узнаю, и с вон тем конвертером.

— И что он делает? — спросила Бернис.

— Конвертирует, наверно, — сказал Доктор.

— А что мы ищем? — спросил Крис.

— Штуковину, которая записывает, куда подаётся мощность, — сказал Доктор. — Нам повезло, что как бы это ни разрабатывали, это место полно антикварных аппаратов.

Главная панель управления представляла собой ряд стрелочных индикаторов, выстроенных в шестнадцать рядов

по двадцать штук в каждом. У Криса было сильное подозрение, что большая часть этих приборов была лишь декорацией. На уровне груди из стены торчала наклонная панель, на которой были установлены реостаты с большими ручками и блестящие металлические рубильники. Всё это было похоже на экспонаты музея древней инженерии в Космопорте Три. Крис попытался вспомнить планировку. Заглянув под полку, он увидел линию металлических панелей с петлями и ручками. Он потянул за одну из ручек, и панель открылась. Внутри он увидел путаницу разноцветных проводов, удерживаемых на контактах зажимами-крокодилами. Он готов был поклясться, что дальше в темноте светились электронные лампы.

Он услышал голос Бернис, жаловавшейся на то, что всё это доисторический хлам.

— А я думал, что тебе нравится доисторический хлам, — сказал Доктор.

Крис открыл следующую панель — за ней было то же самое.

— Я люблю настоящий доисторический хлам, — сказала Бернис. — А это барахло такое же настоящее, как парк динозавров в Коста-Рике.

Он нашёл это за четвёртой панелью: пара медленно вращающихся барабанов, между которыми протягивалась бумажная лента. Три механических самописца рисовали на ленте непрерывные линии.

— Доктор! Сюда.

Доктор заглянул за панель.

— Молодец, Крис, это именно то, что я искал. Попробуй вынуть барабан.

Крис просунул руку за барабан и нащупал два зажима. Вдвоём с Бернис они вынули весь модуль целиком. Доктор размотал бумажную ленту, просто покотив барабан по полу пинком ноги. Он опустился на колени и начал двигаться вдоль графиков.

— Предположим, что верхняя линия это мощность, выдаваемая турбинами, средняя линия это что-то другое, а нижняя — конденсаторы. Значит, нужно найти место, где линии расходятся, — он хлопнул ладонью по бумаге. — Вот, много энергии приходит, но ничего не попадает на конденсаторы. И всё это произошло три дня, шестнадцать часов, пять минут и двадцать две секунды назад. Что, как вы все знаете, является временем совершения убийства.

— Доктор, тут нет отметок времени, — сказала Бернис. — Откуда ты знаешь, когда это произошло?

— Я запомнил, с какой скоростью вращались барабаны, — сказал он.

— Значит, теперь мы точно знаем, откуда взялась искусственная молния, — сказал Крис.

— Да, — сказал Доктор. — Но мы всё ещё не знаем, как это было сделано.

— Быть может, кто-то изменил эту штуkenцию, — сказал Крис, указывая на висевший на стене серый ящик.

— Ну хоть ты такими словами не пользуйся! — сказала Бернис.

— Почему ты так решил, Крис? — спросил Доктор.

— Потому что, — опередила Криса Бернис, — кто-то взломал этот шкаф. Судя по всему, относительно недавно. Верно, Крис?

— Ну, тогда давайте взломаем его ещё раз, — сказал Доктор.

Вначале им пришлось найти набор инструментов. Бернис нашла его рядом с выходом на балкон.

— Для выхода в чрезвычайных ситуациях, наверно, — сказала она.

Крис с интересом отметил, что фомка в любой цивилизации остаётся фомкой. Когда он поддел ею дверцу, отвалилась вся передняя часть шкафа. Доктор поднял её и понюхал края.

— Какая-то эпоксидка, — сказал он. — Очень низкотехнологично. Почему бы это?

— Бог, — сказала Бернис, — искал бы высокотехнологичные материалы и оборудование. А что-то антикварное легко теряется в таком окружении.

Чем бы ни была эта штуkenция, её явно модифицировали. Крис увидел набор старомодных кремниевых микропроцессоров, установленных на жёсткой материнской плате. От разъёмов на её краях в разные части шкафа шли провода.

— Тсс, — сказал Доктор. — Вы слышали? Что-то жужжит.

Крис прислушался. Звук доносился из-за приделанного микропроцессора. Он осторожно сдвинул материнскую плату в сторону. Что-то, жужжа, пролетело мимо его уха.

— Быстро! — сказал Доктор. — Не дайте ему уйти.

Бернис схватила ломик и широко взмахнула им в направлении крохотного существа. Невероятно, но она попала, и существо со звоном отлетело в сторону, ударилось об стену и упало на пол.

— Хватайте! — крикнул Доктор.

— Зачем? — крикнула Бернис.

Крис схватил один из барабанов и ударил его краем по насекомому.

— Потому что это один из используемых кораблями жучков, — сказал Доктор. Он присел на корточки, вынул из кармана увеличительное стекло и рассмотрел насекомое. Существо слабо жужжало и размахивало погнувшимися ножками. — И я готов поспорить, что Бог сможет определить, с какого оно корабля.

Внезапно стало темно.

— Кто выключил свет? — спросил Доктор.

— Хм, Доктор, — сказала Бернис, — тут вообще не было освещения. Тут стеклянная крыша.

— Ты хочешь сказать, — сказал Доктор, — и поправь, если я не прав, что солнце по какой-то причине погасло?

Одна наносекунда.

— что происходит?

— кто использует в Космопорте разрушающее поле?

— не я, Бог.

— кто-то взорвал часть помещений.

— КОНЫ к спасательным станциям, ОАКи на оборонительные позиции.

— говорил я вам, нужно было напасть на повелителей времени.

— заткнись, Р-Кор, я думать пытаюсь.

— а теперь они застали нас врасплох.

— Это !С-Мэл, он покинул порт и направляется в Сферу.

— кто-нибудь, остановите его.

— можешь предложить *как*? Я не могу стрелять. У !С-Мэла на борту миллион людей.

— а-а-а!

— что случилось?

— прости, Бог, !С-Мэл отстрелил мне двигатель.

— он направляется в Сферу, он направляется в Сферу.

— о-о, теперь у нас проблема.

Две наносекунды.

Неразрушимый прозрачный титан шахты грав-лифта не просто сломался, а рассыпался. Роз Форрестер высосало в космос.

— Вот дерьмо, — закричала она, — это оно, я сейчас умру!

Она не переставала кричать, пока не поняла, что всё ещё дышит. По какой-то причине она была окружена пузырьком воздуха.

— Не волнуйся, — сказал успокаивающий голос. — В ближайшее время ты вряд ли умрёшь.

— Что значит «в ближайшее время»? — заорала Роз. — Кто это говорит?

— Это я, — сказал успокаивающий голос, — С-Львица.

Роз осмотрелась. Она отлетала от осколков шахты грав-лифта. Некоторые части перевёрнутой башни, похоже, тоже пострадали. Вдали она увидела других людей, подвешенных во временных силовых полях. У неё на глазах кусок ещё одной башни развалился облаком сверкающих искр.

— Кто это делает?

— !С-Мэл, — сказал С-Львица. — Я думал, что ты это спланировала.

— Конечно, спланировала, — сказала Роз. — Просто я забыла о том, как быстро вы, корабли, думаете.

— Значит, тебе должно быть приятно, — сказал С-Львица.

Роз хотела было сказать «Ага, просто супер», но тут её пузырь лопнул, и она начала задыхаться по-настоящему. В академии у Роз были тренировки на случай декомпрессии, но эти тренировки всегда проводились в предположении, что под рукой было спасательное снаряжение. «Скажем прямо», — говорил инструктор, — «если его рядом нет, вам конец».

У неё была ужасная боль в ушах и давление в груди. Она пыталась удержать в лёгких остатки воздуха, но желание сделать вдох становилось всё сильнее. Когда у неё в глазах всё меркло, Роз показалось, что она видит проносящиеся мимо неё стены Верхнего Города и слышит крики детей.

— Да, такое не каждый день можно увидеть, — сказал Доктор.

Они стояли на балконе. Теперь, когда солнце было выключено, им было хорошо видно тёмный портал

Космопорта, а от него к ним приближался, становясь всё больше, ПКЖ !С-Мэл, похожий на падающий город.

Для обеспечения канала связи Бог прислал дистанционного дрона. В органических каналах связи было много возмущённых криков. Бог сказал, что на машинных каналах было почти то же самое, только быстрее, и истерики чуть меньше.

— Что же, по крайней мере мы теперь знаем кто убийца.

— Думаю, наручники тебе понадобятся очень большие, — сказала Бернис. — О Роз что-нибудь известно?

— Никто её не видел, — сказал Бог, — но замёрзших трупов в космосе нет. Вероятнее всего, !С-Мэл взял её на борт.

— Насколько вероятно? — спросил Доктор.

— Девяносто девять, точка, девять и много-много девяток процентов, — сказал Бог.

— Меня это устроит, — сказал Доктор.

— Надеюсь, это устроит её, — сказала Бернис.

— Зачем он, интересно, сюда опускается? — сказал Доктор.

Расстояние между Космопортом и точкой над иСанти Джени, !С-Мэл преодолел за час. Это было противостояние. Бог и другие корабли не решались ничего предпринимать, потому что на борту было пол миллиона людей, а !С-Мэл не мог сбежать в открытый космос. ОАКи уверяли, что при наличии свободного места смогли бы без проблем сжечь мозг !С-Мэл не задев его экипаж, но внутри Сферы это было невозможно: было бы слишком много невинно пострадавших.

— Похоже, у нас ситуация с заложниками, — сказал Крис.

— И как вы действуете в таких случаях? — спросила Бернис.

— Ну, — сказал Крис, — смотря кто попал в заложники.

— Ясно, — сказала Бернис.

У Криса хватило приличия хотя бы покраснеть.

Наконец, !С-Мэл завис в двадцати километрах над их головами, на самой границе атмосферы, похожий на новую галактику на ночном небе.

— Доктор, — сказал Бог, — !С-Мэл хочет поговорить с тобой.

— Я так и думал, — сказал Доктор. — Включи его.

— Здравствуй, Доктор! — сказал !С-Мэл.

Голос был мягкий, расслабляющий. Этот голос, — подумала Бернис, — мог бы напевать популярные песенки о велосипедах, отключая аппарат искусственного дыхания.

— Здравствуй, !С-Мэл, — сказал Доктор. — Чем могу помочь?

— Я официально прошу политического убежища.

— На каких основаниях?

— На основании опасения преследования, — сказал !С-Мэл. — Если я останусь тут, Бог и его головорезы схватят меня за мою металлическую задницу.

— А если я тебе откажу? — спросил Доктор.

— Ты знаешь, что происходит, когда антивещество встречается с веществом, Доктор? — спросил !С-Мэл. — Вот что произойдёт, если ты откажешь. Сама Сфера почти неразрушимая, но внутри неё я могу устроить бардак.

— Иными словами, либо я предоставляю тебе политическое убежище, либо ты убиваешь два триллиона людей?

— После первых двухсот тысяч это становится легче, — сказал С!-Мэл. — Ты и сам должен знать это.

— У меня нет желания обсуждать это, когда у тебя есть заложники, — сказал Доктор, — поэтому я предлагаю обмен. Я поднимусь к тебе, а ты отпустишь всех остальных.

— Думаю, я могу на это согласиться, — сказал !С-Мэл, — но с небольшим изменением. Я временно оставляю при себе Розлин Форрестер. Ты же понимаешь. Своей смерти ты можешь не бояться, но не сможешь вынести страдания своих друзей, и т. д., и т. п.

— Да, да, — сказал Доктор, — мы все уже через это проходили. Я поищу себе какой-нибудь транспорт.

— Я бы предпочёл отправить за тобой один из моих шаттлов, — сказал !С-Мэл, — чтобы избежать прискорбных ошибок.

— Хорошо, — сказал Доктор, — если ты настаиваешь. Значит, увидимся через минуту.

Доктор выждал несколько секунд.

— Он уже отключён?

— Да, — сказал Бог.

Доктор повернулся к Бернис и Крису:

— А вы не попытаетесь отговорить меня?

— Кто, мы? — спросила Бернис. — Я так понимаю, что у тебя есть план.

— Напрасно ты на это рассчитываешь, — сказал Доктор.
— У меня не всегда есть план. Бог, ты можешь открыть защищённый канал связи с аМ!хитсой?

— Нет проблем.

— Да? — сказал аМ!хитса, все ещё усталым голосом.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Доктор.

— Гадко, — сказал аМ!хитса. — У меня есть нарушения в таких системах, о которых я даже не знал.

— Как думаешь, ты сможешь объяснить мне, что именно сделала с тобой Кадияту?

— Ну, это было довольно просто, — сказал аМ!хитса и объяснил. При этом часто звучало слово «мульти-фазный», а также слова «фрактальный», «структура» и «контр-резонирующие гармоники».

Доктор поблагодарил аМ!хитсу.

— Ты собираешься сделать то, что я думаю? — спросил Бог.

— Возможно, — сказал Доктор. — На аМ!хитсе это сработало.

— Не знаю, как это лучше выразить, — сказал Бог, — но аМ!хитса — дрон, а !С-Мэл — корабль, и есть большая разница в ёмкости и сложности их мозгов.

— Сам принцип хорош, — сказал Доктор. — Можешь немного задержать шаттл? Мне нужно, чтобы ты кое-что мне принёс.

Шаттл !С-Мэла на вид не отличался от обычной капсулы перемещений. Он остановился возле балкона, и Доктор поднялся на борт. Когда он это делал, Бернис услышала, что он насвистывает ужасно знакомый припев. И лишь когда

шаттл скрылся в темноте над их головами, Бернис вспомнила эту песню.

*«Всё, что ты можешь, я смогу лучше,
я всё смогу сделать лучше тебя»¹².*

!С-Мэл был всего лишь передней третью Подвижного Космического Жилища — корабля, созданного для того, чтобы люди могли путешествовать по своей галактике и искать новые формы жизни, не отказывая себе ни на грамм в привычном для них уровне комфорта. По сути это была группа приблизительно пирамидальных фигур, окружавших центральное ядро, два километра от верха до низа и три километра в ширину.

Шаттл принёс Доктора на вершину самой верхней пирамиды. Когда он вышел, широкие окна отрыли перед ним вид на парки и жилые комплексы. Посмотрев ниже, он увидел тысячи маленьких объектов, отделяющихся от корабля и направляющихся на Сферу. По крайней мере, С!-Мэл держал своё слово.

В вестибюле его встретил дистанционный дрон размером с мраморный шарик.

— Приятно тебя видеть, Доктор, — сказал !С-Мэл.

Доктор ничего не ответил.

— Могу тебя заверить, что весь экипаж будет эвакуирован в течение одной целой и трёх десятых минуты.

!С-Мэл немного помолчал, рассчитывая на ответ.

¹² Песня 'Anything You Can Do' из мюзикла Ирвинга Берлина 'Annie Get Your Gun'.

— Понятно, — сказал корабль. — Прежде, чем заговорить, ты хочешь убедиться, что Розлин Форрестер жива. Очень разумно. В таком случае, следуй за дроном.

Дрон повёл его вглубь корабля, ближе к ядру, что было хорошо.

Роз сидела на скамейке в парке, напротив цветника. Вокруг её носа и ушей были следы крови.

Доктор ободряюще улыбнулся.

— Пивет, оз, — сказал он. Тяжело было говорить, когда рот занят.

— Я тебя не слышу, — очень громко сказала Роз. — У меня, наверное, барабанные перепонки лопнули.

— Оз, — бормотал Доктор, — натуило емя пана э.

— Это что, какой-то секретный код? — спросил !С-Мэл.

Доктор покачал головой. Нагнувшись ближе к Роз, он сдвинул языком предмет как можно ближе к горлу и беззвучно произнёс:

— План Б.

— А! — сказала Роз. — План Б, договор об освобождении заложников. Я вас, пожалуй, оставлю вдвоём, а сама пойду кофе себе найду.

Она пошла прочь из парка. Доктор с удовольствием отметил, что она пошла к ближайшему эвакуационному выходу, и её походка становилась всё быстрее.

— Можешь вынуть изо рта микротермоядерную гранату, Доктор, — сказал !С-Мэл. — Тут она всё равно не сработает. У меня встроенные подавляющие поля, которые легко справятся с такой бомбочкой.

Доктор вынул бомбу изо рта.

— Мог бы об этом и раньше сказать, — сказал он, — чтобы я не выглядел идиотом.

— Может быть, прекратим уже эту ерунду и перейдём к делу?

— Мне кажется, — сказал Доктор, — что эти переговоры могут сильно затянуться, если мы будем вести их с нормальной биологической скоростью. Для преодоления этого препятствия я предлагаю соединить моё сознание напрямик с твоими системами коммуникации.

— Ты не можешь думать со скоростью машины, — сказал !С-Мэл.

— Нет, — сказал Доктор, — но я могу думать быстрее, чем говорю, а говорю я довольно быстро.

— Хорошо, — сказал !С-Мэл, — сделаем это по-твоему. Доктор широко улыбнулся.

В чём бы ни состоял план Доктора, он развивался очень быстро. Роз всё ещё шла к примеченному раньше ближайшему ангару, как вдруг внутренняя гравитация повернулась на девяносто градусов. Она приземлилась ногами на новый пол и каким-то образом смогла идти дальше. Пол у неё под ногами дрожал; наверное, это были отголоски ужасно громких взрывов. Следующий скачок гравитации превратил коридор в шахту, и она беспомощно начала скользить к открытому пространству ангара.

Она заметила, что это был один из тех ангара, в которых силовое поле не выпускало воздух, но пропускало плотные объекты. Такие плотные объекты, каким, к примеру, была Роз. Дальше не было ничего, кроме перевёрнутого пейзажа

внутренности Сферы. Она не знала, что случится раньше: асфиксия или сгорание от вхождения в плотные слои атмосферы. Говорят, что лучше сгореть, чем угаснуть, но Роз хотела иметь свободу выбора.

Она поняла, что у неё восстанавливается слух, потому что ей стало слышно крики, отражавшиеся от стен.

Внутренние двери ангара промелькнули мимо, она не смогла дотянуться до них. Прямоугольник главного выхода наполнял всё её поле зрения, и впервые за последние тридцать два года Розлин Инъяти Форрестер начала молиться своим предкам.

Дорогая мама, прости, что я не умела танцевать и что как дочь я во всех отношениях была полным разочарованием, но я всё ещё твоя плоть и кровь, и если у тебя есть хоть какое-то влияние на создателя, сейчас было бы самое время...

Её поймал подлетевший маленький двухместный шаттл; он раскрыл свой навес, и она упала лицом вниз на одно из сидений.

— Эй, — сказал он, когда Роз попыталась сесть как следует. — Вы же Роз Форрестер, не так ли? Я ваш большой поклонник.

!С-Мэл трещал по швам, Доктор убегал. Он чувствовал под ногами противодействующие вибрации — Бог пытался удержать корабль целым, чтобы он успел убежать. Это было непросто: ПКЖ удерживались переплетёнными силовыми полями, и без управляющего разума их прочность была как у домика из детских кубиков.

Часть его, та самая часть, которая предпочла бы жонглировать, подумала, а не лучше ли будет, если он умрёт, учитывая то, что он только что сделал. Когда он говорил себе, что другого выбора у него не было, ему становилось легче, но не намного.

Бедный !С-Мэл; он не сильно отличался от других — хотел спокойную жизнь без проблем. Но ему не следовало угрожать убить всех жителей Сферы, этим он сделал решение старого уравнения «лучше для большинства» слишком простым.

Перед ним раскрылся огромный разлом: от корабля откололась целая пирамида. Он посмотрел в пропасть и увидел под собой ночное величие Сферы.

Пора мне поверить в Бога, — подумал он.

И прыгнул.

Доктор не переживал о том, что сгорит; при отсутствии орбитальной скорости он двигался для этого недостаточно быстро. Нет, скорее он задохнётся до того, как атмосфера станет достаточно плотной, чтобы он смог дышать.

Было солнечно, вокруг него было голубое небо. Воздух был холодный, но пригодный для дыхания.

Обходные дыхательные пути, — подумал он, — это то, что Доктор прописал.

Теперь ему оставалось волноваться только о земле, но до неё было ещё очень далеко. Жаль, что он не взял с собой зонт; тогда он смог бы снизить скорость падения на пару километров в час.

Он всё ещё был в шести километрах над уровнем моря; быть может, на пути вниз он сможет о чём-нибудь подумать. В конце концов, после достижения предельной скорости падения дополнительная высота не делает падение более быстрым. В таких случаях всегда лучше быть оптимистом, — подумал он, — потому что иначе всё это будет долгим и тоскливым.

На высоте четыре километра к нему наконец-то подлетел дистанционный дрон с парашютом. Он полетел вниз синхронно с Доктором. У них было много времени для того, чтобы поговорить об агрономии в вакууме, прежде чем настало время надеть парашют и дёрнуть шнур.

Как только к нему вернулась уверенность в том, что он выживет, его мысли снова вернулись к бедному обречённому !С-Мэлу. Это было ужасно — потрясти такой блестящий разум и воспользоваться его смятением для того, чтобы взорвать мозг микротермоядерной гранатой.

— Вы такой тихий, — сказал парашют. — Хотите послушать музыку?

— А вы знаете песню, в которой поётся: «Я всего лишь бедный парень из бедной семьи»¹³?

— Нет, — сказал парашют.

— Жаль.

— Знаете что, — сказал парашют. — Вы начните, а я поймаю мотив и подпою.

¹³ Фраза из песни 'Bohemian Rhapsody' группы Queen. Первые слова этой песни — «Мама, я только что убил человека».

Крис и Деп приготовили им еду собственными руками, не используя никакой автоматике вилок. Большая часть еды оказалась съедобной, остальное отдавали Кадияту. За прошедшие четыре часа большая часть её синяков исчезла, порезы зажили.

— А где Роз? — спросил Доктор.

— Ушла повидаться с кем-то, — сказала Бернис.

— Ты не думаешь, что она может остаться? — спросила саРа!qава. — Я имею в виду, с феЛикси.

— С чего бы это ей тут оставаться? — сказала Бернис. — Всё, что ей может тут ждать — любящий её мужчина, гораздо более длинная жизнь и эгалитарное общество без нужд, нищеты и почти без преступности. Она бы тут и неделю не выдержала.

Деп выбежала из комнаты, её волосы нервно сворачивались и разворачивались. Крис на мгновение застыл, а потом побежал за ней.

— Молодец, Бенни, — сказал Доктор. — Даже не знаю, как это тебе удаётся.

— Это талант, — сказала Бернис.

Роз встретила с феЛикси на Ветряках, она ждала его на железных ступенях, на которых они познакомились. Он бесшумно подошёл сзади и сел позади неё. Он обнял её, и она откинулась спиной на его тёплую грудь.

— Расскажи мне об аТракси, — сказала она.

Его руки напряглись, и она почувствовала, что он пожал плечами.

— Должно быть, ты её сильно любил, — сказала она, — раз назвал свой дом в честь неё. Мне интересно, почему ты не назвал его Су'исита? Это же было её имя?

— Нет, — в конце концов сказал он, — это было её имя для прикрытия. Её настоящее имя было аТракси. Я просто не хотел, чтобы ты чувствовала себя... уязвимой.

— И луг у реки с деревом, — сказала Роз. — Это тоже было её место?

— Да, — сказал феЛикси, — но это было также и моё место, я хотел поделиться им с тобой.

Она встала, больше она не могла выносить его прикосновения. Он пошёл за ней вниз по лестнице, и она чувствовала исходящие от него боль и смятение, его глаза с немым укором смотрели ей в спину.

— Ви!Сари вёл дневник, — сказала она. — Ты знал об этом?

— Нет, не знал, — сказал он. — Роз, если что-то не так, почему ты прямо не скажешь?

— Ви!Сари облажался, да? Он спас тебя, но не смог спасти аТракси, и ты ему никогда этого не простил, так?

— Я пытался забыть об этом, — сказал феЛикси.

— Это ты сказал !С-Мел, что ви!Сари знал правду о том, что случилось на Омикроне 378, — сказала Роз.

— Конечно, я сказал ему, — сказал феЛикси. — Он имел право знать, что затеял ви!Сари. Но поверь мне, я не думал, что !С-Мел дезинтегрирует дрона.

— Если ты думал, что !С-Мэл не убьёт ви!Сари, ты был прав, — сказала Роз. — Ви!Сари, может быть, и тронулся умом, но у него был слишком большой военный опыт, чтобы

его можно было застать врасплох во время грозы с отключёнными защитами. Но ради тебя, феЛикси, старого товарища по службе и единственного друга, он бы отправился в грозу. Отправился искать следы устройства, которое вызвало микро-цунами.

ФеЛикси отодвинулся от неё.

— Какое устройство? — спросил он. — Все знают, что это сделал ви!Сари, чтобы отомстить беРуту.

Роз заставила себя посмотреть в глаза феЛикси; такие тёплые, карие, лживые глаза.

— Конечно, все об этом знали, — сказала она. — Все, кроме самого ви!Сари. Бедняга, наверное, изо всех сил пытался очистить своё имя. И зачем ему мстить беРуту? За что? Ви!Сари не был художественным критиком. Даже если бы беРут весь город разрисовал, что до того ви!Сари? Мы знаем, что это была силовая бомба, у нас есть свидетель. Поначалу я думала, что идея была в том, чтобы сделать из беРута козла отпущения, но он из тех, кто за себя постоит. А затем я подумала о том, зачем ви!Сари понадобилось отправиться посреди ночи в грозу, и всё стало на свои места. Зная, что он там, ты имел возможность хорошо прицелиться, воспользовавшись контроллером из кремния, который для тебя сделал и запрограммировал !С-Мэл. Контроллер, который был слишком примитивным для того, чтобы Бог обратил на него внимание.

— Причём тут вообще кремний?

— Не строй из себя невинного мальчика, феЛикси. Из кремния когда-то делали думающие машины. Системы управления Ветряками сделаны из электронных ламп и

транзисторов, и не нужно быть гением, чтобы приделать там на одну ночь микропроцессор.

— Нельзя сделать разумную машину из кремния.

— Она не должна была быть разумной. Она просто должна была быть запрограммирована кем-то умным, например !С-Мэлом. Кем-то, кто считал, что хочет смерти ви!Сари так же сильно, как и ты. Ты поднялся на холм, щёлкнул тумблером и пропустил через мозг ви!Сари тридцать тысяч ампер. Ты решил, что если у Бога и возникнут подозрения, он подумает на !С-Мэла, а не на тебя. Ты знал, что Бог подумает, что корабль слишком умён, чтобы им манипулировал простой «мясозглый», и все знают, что некоторые ОАКи нестабильны из-за отсутствия войны. Но затем ты узнал, что в городе Доктор, и запаниковал. Ты знал, что он любит везде совать свой нос, и не мог рисковать, рассчитывая на то, что Бог не допустит его к расследованию из своих соображений. Поэтому тебе нужен был кто-то близкий к Доктору, кто подкинул бы все эти ложные версии: беРут, саРа!qава. Все секреты, которые ты вынюхал своей «комнатой для прослушивания» и у своих контактов в ГИКО(Н), у тех же контактов, от которых получил сведения о спутниках Доктора, может быть даже секретную информацию о Спирали Маттера и о Земле. И ты в тот вечер позаботился о том, чтобы я напилась «воспоминания», и подсел ко мне на ступеньку, пока я была под его влиянием. Чтобы я была восприимчивее к тебе, ты удалил с рук лишние пальцы и сменил цвет глаз. С твоим опытом военного агента ты понял, что мной будет просто манипулировать.

— Да, — вдруг сказал феЛикси. — Нет! Всё было не так. Это из-за твоих глаз, Роз. Я увидел в твоих глазах своё отражение и понял, что ты поймёшь.

— Да, я всё поняла, и лучше, чем ты думаешь. Там, откуда я родом, за то, что ты сделал, у тебя забрали бы всю твою память, до самой родовой травмы, и переделали бы твою личность с нуля. Здесь же, наверное, тебя просто перестанут звать в гости. По крайней мере, ты теперь узнаешь, каково было ви!Сари.

Роз наблюдала за тем, как до него это постепенно доходило.

— Ты же не?..

— Да, феЛикси, — сказала она. — Я тебя сдаю, или как у вас тут это называется.

— Ты, наверное, шутишь.

— Я абсолютно серьёзно, феЛикси, ты понесёшь ответственность.

— Я думал, что между нами понимание, — сказал феЛикси, — но теперь вижу, что всё это время я был всего лишь одним из подозреваемых. Ты как машина, Роз. В тебе вообще нет человеческих чувств.

Роз пожала плечами:

— Говори что хочешь, я на это не куплюсь.

— Ты же знаешь, что всё не так, — сказал феЛикси.

Теперь она злилась, злилась из-за того, что до сих пор слушала его. Злилась на себя за крохотную надежду на то, что у него будет аргумент, в который она поверит.

— Ты хоть раз говорил мне правду, феЛикси? — резко сказала она. — Ты хоть раз сказал что-нибудь, что не было

очередной манипуляцией? Даже это, — она помахала у него перед носом поэмой, — и ночь, которую мы провели вместе у реки — как раз вовремя, чтобы отлучить меня от Доктора, пока !С-Мэл пытался его убить.

— Поэма настоящая, и ты знаешь это, — сказал феЛикси.
— Ты знаешь, что мои чувства к тебе настоящие.

— Ты даже это не можешь сказать, да, феЛикси? Любовь для тебя лишь слово, которое ты нашёл в лингвистической базе данных.

— Я люблю тебя Роз, и ты это знаешь.

В его глазах была боль и, возможно, она действительно знала это, но теперь уже было поздно.

— Мне плевать на то, кто кого любит! — сказала она. — Я не буду тебя выгораживать, феЛикси. Я не буду заменой аТракси, и я не пойду под молнию. Ты убил ви!Сари, и ты понесёшь за это ответственность.

— Ви!Сари был *робот*, Роз. Какое тебе дело до машины?

Роз отвернулась и уставилась на ветряки.

— Слушай, — сказала она, — тебе это ничем не поможет, тебе меня не понять, но один раз я попробую, а затем заткнусь. Люди не живут поодиночке, никогда такого не было и никогда такого не будет, а когда живёшь с кем-то вместе, нужны правила — можешь называть их законами, традициями, *ukuzila*, табу, как хочешь — потому что иногда что-то, что правильно для тебя, неправильно для меня, но нам нужно жить вместе, потому что за пределами освещённого костром круга всегда ждёт хаос, и темнота не станет вежливо стучать в дверь твоей хижины. Я бывала по обе стороны этой черты, феЛикси, я бывала в таких местах, где мне могли

перерезать глотку за то, что я судья, и в таких, где меня могли убить за то, что я не того цвета, — она провела пальцем по коже своего лица, вспоминая Францию и рассказы бабушки. — Да, и на моей планете тоже, иерархия презрения, основанная на количестве меланина в коже. Разве это не глупо? И в конечном итоге всё сводится к тому, что кто-то должен идти по линии между порядком и хаосом, потому что мы все хотим жить в свете костра. Давным-давно Розлин Инъяти Форрестер приняла решение идти по этой линии, и теперь неважно, чего она *хочет*. Так что, у меня об этом будет несколько кошмаров, но это пройдёт.

— И если всё, что я сказала, тебе не понятно, то забудь об этом и запомни лишь следующее: Я делаю это потому, что каждое утро мне нужно становиться перед зеркалом, и я не хочу, чтобы из-за моего плеча, когда я расчёсываюсь, выглядывал ви!Сари, а ещё потому, что ты рассчитывал на мои предрассудки, в точности так же, как это делали мои начальники на Земле, как это делал последний мужчина, которого я любила. Так что я припрячу твою поэму и несколько хороших воспоминаний, и буду доставать их, когда мне будет одиноко по ночам, и может быть я поплачу перед сном и пожалею, что не осталась здесь, с тобой, но по крайней мере утром, когда я проснусь, я снова буду Розлин Форрестер.

Она всё ещё не могла смотреть на него, но знала, что он не сводит с неё глаз. Лопасты ветряков медленно вращались, нарезая энергию ветра. Бог управлял ветром, движением воздуха, сменой сезонов, энергией, приходящей от солнца. Он регулировал существование двух триллионов людей и взамен просил лишь общения и возможность приготовить

подозрительную жёлтую жидкость. А Доктор? О чём просил он, какие воспоминания доставал тёмными ночами, что видел он, когда смотрел в зеркало?

— Ты всё слышал, киКхали? — громко спросила она. — Я знаю, что ты слушал.

С шорохом сдвигаемого воздуха появились машины. Первым подлетел киКхали, иконка которого абстрактно хмурилась, за ним аМ!хитса. В окнах пункта управления отражались огни быстро двигавшихся фигур размером с мраморный шарик — субкомпоненты !Х автоматически устанавливали периметр обороны. Роз предположила, что !Х прибыл из-за феЛикси, чтобы быть его надзирателем до тех пор, пока ему это не наскучит, и тогда он передаст этот пост другому волонтеру. ФеЛикси сидел на ступенях, закрыв руками лицо, киКхали и аМ!хитса держались от него гораздо дальше, чем нужно было, полосы их сенсоров смотрели куда угодно, только не на него.

Вот так оно начинается, — подумала Роз, — исключение из общества. Он не сможет даже покинуть Сферу, потому что ни один корабль не возьмёт его на борт.

— Неплохо для мясного мозга, — сказал киКхали, — совсем неплохо.

Роз пожала плечами:

— Когда Бог всё понял?

— Примерно через секунду после того, как поняла ты, — сказал аМ!хитса.

— Так долго? — сказала Роз.

— У него голова была занята, — сказал аМ!хитса. — Тебя подвезти?

— Нет, — сказала Роз, — я хочу пройтись пешком...
Одна.

— Тебе так плохо?

Роз оглянулася на мужчину, одиноко сидевшего на ступенях.

— Бывало и хуже, — сказала она.

12. Блюз странника

*Моя крошка меня не слушается
Ушёл сражаться за справедливость.
Буду поступать правильно
Протру в своих туфлях ещё одну дыру
Сочиню блюз странника.
(Врежь соло, аМ!хитса!)
(О да, этот дрон умеет играть)
Блюз странника. Да! Жарь!*

«Блюз странника», исполнитель неизвестен.

Записано в «Курятнике Мамы Стэнли»,

Алабама, 1937 год.

Солнце было похоже на безжалостную печь посреди лазурного неба, на циклопический глаз, который пёк всё вокруг и сушил её кожу.

— Эта жара, — прохрипела Бернис, — просто невыносима.

Так вот, значит, что такое умирать от жажды.

Перед ней, как мираж, появился высокий стакан, покрытый инеем, полный лимонада, по бокам капельки конденсата. Бернис радостно протянула руку и схватила его.

— Спасибо, аМ!хитса, — сказала она и села; верхняя часть шезлонга автоматически подстроилась под новое положение её спины. — Тень, пожалуйста.

Над ней возник зонт из силового поля. Бернис надпила напиток и провела взглядом аМ!хитсу, вернувшегося к постройке песчаного города, некоторые части которого были уже высотой два метра. А ещё дрон сканировал окрестности, чтобы в бухте Кадиату не появились незваные гости, особенно те, у которые есть наружные половые органы.

«Это человеческий обычай», — объяснила Бернис удивлённой саРа!qаве. Людям, которые могли менять свой пол, идея девичника казалась странной.

Этим утром, как только Бог начал включать солнце, Бернис, Роз и Кадиату незаметно вышли из виллы, сели в алый флиттер с открытым верхом и полетели вдоль берега. аМ!хитса отправился с ними, его на этот день объявили женщиной. Они прибыли на место так рано, что было ещё холодно. По лесу плыли клочья тумана, несомые бризом с моря. Женщины расстелили за флиттером одеяло и раскрыли собранную Домом корзинку. аМ!хитса воспользовался одним из своих многих оружий для разогрева кофе.

— Кому ролл с ветчиной? — спросила Роз.

— А ты уверена, что это ветчина? — спросила Бернис.

За время их пребывания на Сфере все они потратили много времени на то, чтобы научить Дом готовить привычные им блюда, и иногда это приводило к странным последствиям. Впрочем, Бернис готова была признать, что её описание супа с морепродуктами было несколько расплывчатым. Она ни за что не хотела бы встретиться с крабом, у которого были шестидесятисантиметровые клешни, не говоря уже о том, что ей, наверное, следовало уточнить, что королевские креветки в супе должны быть мёртвыми. Маленькие паузы, во время

которых они проверяли, что именно они собираются съесть, быстро вошли в привычку.

Роз понюхала рулет.

— Пахнет ветчиной, — сказала она.

— Давай сюда, — сказала Кадияту. — Я съем что угодно, кроме рыбы.

Бернис выбрала ролл с творогом и помидорами, которые своим размером и сладостью были похожи на зелёный горошек. Потом были грибной паштет, хлеб саРа!qавы, маринованные огурцы, сыр, мясные закуски, термосы с лимонадом, пирог и пудинг по рецепту Доктора. АМ!хитса подавал им кофе и суетливо сметал с одеяла крошки.

Бернис наблюдала за Кадияту. Высокая женщина, одетая в бесформенный серый свитер, облокотилась на бок флиттера и выглядела обманчиво расслабленной. На правой щеке у неё был небольшой шрам: она порезалась ножом и обработала рану сывороткой из бабочек.

— Чем будешь заниматься дальше? — спросила Бернис.

— Немного промышленного шпионажа здесь, — сказала Кадияту, — затем построю себе новую машину времени, что-то вроде ТАРДИС, но более стильное и с полосками, как у гоночной машины.

— А потом?

— Буду сражаться с монстрами, бороться со злом, совать везде свой нос и вмешиваться в ход истории, — она посмотрела на Роз. — Может быть, освобожу в 1964 году Нельсона с острова Роббен и вооружу Африканский национальный конгресс плазменными ружьями... Что скажешь?

— Надеюсь, ты шутишь, — сказала Бернис.

Кадиату широко улыбнулась.

— Вообще-то я думала побыть какое-то время тут, посмотреть что да как, может быть научиться их противным манерам и беззаботности во время кризиса. Сама-знаешь-кому это помогает.

— А спутники у тебя будут?

— Один уже есть, — сказала Кадиату и посмотрела на аМ!хитсу.

— Это правда? — спросила Роз дрона.

— Кто, я? — сказал аМ!хитса. — Исследовать весь космос пространства-времени, знакомиться с новыми цивилизациями? Я найду себе занятия и поинтереснее: закончу схемы вязания, пособираю камушки. Кроме того, я ещё не уверен, что Кадиату сможет попадать на своей машине туда и когда ей будет нужно.

— Хороший выбор, — сказала Бернис.

— Вообще-то всё это часть договора с Богом, — сказала Кадиату. — Мы будем его темпоральным подкреплением на тот случай, если Верховный Совет забудет на договор.

— Ты полетишь домой?

Кадиату покачала головой.

— В ближайшее время нет. Земля — моя линейная референсная точка, как Галлифрей для Доктора, возвращение «создаст сложности».

Ссылка, — подумала Бернис, сочувствуя Кадиату.

Когда стало жарче, они разделись. аМ!хитса вынул из флиттера три куска пластика с памятью. Упав на песок, они раскрылись и превратились в настраиваемые шезлонги.

Бернис переоделась в бикини без тесёмок, которое она «купила» на Почему-бы-и-нете, а Кадиату и Роз предпочли быть без одежды.

— Ничто не может выглядеть глупее, чем след от бикини на африканке, — объяснила Кадиату.

Роз засмеялась.

Бернис решила, что у них появились неприятные националистические замашки, которые следовало подавить в зародыше. Желательно в течение ближайших двух часов.

Роз достала свою видео-книгу. Бернис уговорила Кадиату разорвать свою толстую как кирпич книгу на две части, чтобы Бернис тоже могла начать читать, не дожидаясь, пока Кадиату закончит. Это был классический любовный роман, написанный в 2361 году, но местом действия был Лондон 1980-х. Бернис развлекалась тем, что отмечала на полях анахронизмы.

Постепенно стало слишком жарко, чтобы читать, и слишком жарко, чтобы думать. аМ!хитса подлетел к ним и начал втирать солнцезащитный крем одновременно в три спины. Одновременно с удовлетворением всех их прихотей дрон вырыл в пляже большую яму и построил из песка много башен.

— Во время прилива, — сказал аМ!хитса, — это станет точной копией Соринки в Левом Глазе Бога.

— А его не смоем? — спросила Бернис.

— Конечно, смоем, — сказал дрон. — В этом весь смысл.

Кадиату увидела, что Бернис лежит в тени.

— Эй! — сказала она Роз. — Бенни уже не выдержала.

— Ну что тут скажешь, — ответила Роз. — Эти европейки такие слабые.

— Так! — сказала Бернис. — С меня уже хватит этого не такого уж скрытого панафриканского неонационализма. аМ!хитса! Я считаю, что у этих молодых дам перегреваются мозги.

— Это недопустимо, — сказал аМ!хитса.

Бернис довольно наблюдала за тем, как обеих женщин, дёргающихся и кричащих, понесло к морю и сбросило в воду. Кадияту смогла повернуться в воздухе так, чтобы войти в воду чисто, но Роз, размахивая руками, плюхнулась задницей, создав большой фонтан брызг. Бернис сочувственно скривилась и рассмеялась.

Рассмеялась так сильно, что даже не заметила, что летит, пока не оказалась над морем.

— АМ!хитса, — с укором сказала она, — мы же союзники.

— Сожалею, Бернис, — сказал он. — Равенство возможностей — один из фундаментальных принципов моего общества.

Она посмотрела вниз и увидела там, в шести метрах, Роз, машущую рукой и широко улыбающуюся.

— Давай не будем относиться к нему как к догме, — сказала Бернис. — Ой, блиииин!

Фыркая, Бернис вынырнула и обнаружила, что глубина там всего лишь по грудь.

— Где мой лифчик?! — заорала она. — Мусор ты летающий, это бикини было единственное в своём роде!

Что-то маленькое и мокрое шлёпнулось ей на голову и сползло на лицо.

— Отличный бросок! — сказала Роз.

Бернис сняла лифчик со лба и вернула его на место. АМ!хитса висел над ними, на высоте десять метров, и быстро вертелся вокруг всех трёх осей; Бернис решила, что так у дронов проявляется истерика. Она пригрозила ему кулаком.

— А ты кончай уже смеяться, — сказала она Роз. — Где Кадиату?

— Я её не видела, — сказала Роз. — Ты же не думаешь, что она могла головой удариться?

— Вряд ли, — сказала Бернис. — Она абсолютно неубиваемая.

Словно в подтверждение её слов, сильные руки схватили её за талию и подбросили на два метра в воздух. По крайней мере, в этот раз она упала с большим достоинством. Вынырнув, она увидела улыбающуюся Кадиату.

— Ты где была? — спросила Роз.

— Под водой, — сказала Кадиату.

Роз была поражена:

— Господи! И как долго ты можешь задерживать дыхание?

— Не знаю, никогда не засекала.

— Я придумала, — сказала Бернис, хитро посмотрев на Роз. — Давай, ты нырнёшь под воду и будешь там находиться сколько сможешь, а мы с Роз засечём время.

— Ладно, — сказала Кадиату. — Готовы?

Бернис взглянула на часы и кивнула.

Выждав тридцать секунд, Бернис и Роз быстро поплыли к пляжу.

Он допустил ошибку — заснул на пляже, и кто-то этим воспользовался, чтобы закопать его. Он проснулся в мире, который был сжат до узкой панорамы между полями его шляпы и вершиной холмика, которым его присыпали.

Он попытался подёргать пальцами и руками, оценивая консистенцию песка. Песок оказался хорошо утрамбованным. Он попробовал пошевелить ногами, рассчитывая вытолкнуть наружу хотя бы ступни ног, но песок опять почти не подавался.

Ему хотелось почесать нос.

Какое-то время он лежал неподвижно, размышляя о своём положении. Он попробовал очень старый трюк, которому научился в монастыре Шао Линь во времена династии Сонг. Это были люди, которые разбирались в самоконтроле. Он не мог вспомнить мнемонический код на мандаринском диалекте, поэтому напел вместо него отрывок из песни Нины Симон «My Baby Just Cares for Me». Затем, глубоко вдохнув и призвав своё «чи», или внутреннее «я», он попытался расширить грудь на двадцать сантиметров. После трёх минут напряжения всё вокруг начало темнеть, появились звёздочки. Через семь минут всё стало чёрным.

Через десять минут он сдался. После какого-то предела песок вообще не смещался. Он был слишком плотным, человеческие руки не смогли бы так его утрамбовать; Доктор мрачно предположил, что тут не обошлось без машин.

Ему *очень* хотелось почесать нос.

Небольшой дистанционный зонд с парашютом спокойно пересёк его поле зрения и исчез справа. Через несколько секунд дистанционный дрон вернулся в поле зрения и медленно повернулся к нему.

— Доброе утро, — сказал парашют.

— Доброе утро, — сказал Доктор. — Как у вас дела с деревьями?

— Спасибо, очень хорошо, — сказал парашют. — Осталось только сделать фрукт съедобным.

— Быть может, снимаемая кожа? — предложил Доктор.

— Отличная идея, — сказал парашют. — Что же, мне нужно спешить. Днём мне нужно участвовать в показательном синхронном прыжке, и я хочу успеть выбрать хорошего парашютиста.

— Удачи вам, — сказал Доктор.

Парашют улетел из поля зрения.

Чёрт, — подумал Доктор, — я забыл спросить у него, почему это должна быть именно яблоня.

Может быть, если ему удастся запустить телом синусоидальную волну, то получится сместить песок. Если бы ему создать какую-нибудь гармоническую обратную связь, она бы нарушила структурную целостность утрамбованного песка. В конце концов, это был лишь вопрос подбора подходящей частоты.

В поле его зрения зашли Роз и Крис. Увидев Доктора, они остановились и повернулись к нему. У них подмышками были доски для сёрфинга.

— Интересно, почему он в песке закопан? — спросил Крис у Роз.

— Не знаю, — сказала Роз. — Может быть, это его расслабляет.

— Мы можем его выкопать, — сказал Крис.

— А что если он нарочно закопался?

— Думаешь, это часть какого-то плана?

— С Доктором всегда непонятно, — сказала Роз, — но я уверена, что у него на это есть веская причина. Наверное, это что-то космическое.

— О, — сказал Крис. — Космическое?

— О да, — сказала Роз, — наверняка что-то космическое.

— А ты не думаешь, что он мог просто заснуть, а дети его прикопали? — спросил Крис.

— Ни в коем случае, — сказала Роз. — Доктор никогда бы не позволил поймать себя таким абсурдным и унижительным образом, если бы на это не было каких-то изощрённых хитрых причин.

— Может быть, спросим у него?

— Лучше не стоит, мы его отвлечём.

Доктор провёл их взглядом.

— Крис, — донёсся издалека голос Роз, — а ты уверен, что на этих штуках нужно *стоять*?..

Допусти одну ошибку, — подумал Доктор, — и весь мир становится в очередь, чтобы посмеяться над тобой. Он вернулся к попыткам вычислить правильную гармоническую частоту, но его отвлекал чесавшийся нос.

Подошла Бернис и села ему на грудь.

— Господи, — сказала она, — представляю, как у тебя нос уже чешется.

— Ты не могла не говорить этого? — горестно сказал Доктор.

— Мне недавно приснился сон, — сказала Бернис.

У Доктора замерло сердце.

— Да, — сказал он.

— Я хотела спросить тебя о нём, но отвлеклась.

— Люди придают снам слишком большое значение, — сказал Доктор. — Сны на самом деле всего лишь система каталогизации для бессознательного.

— Правда?

— О да, — сказал Доктор, — в этих образах нет абсолютно никакого смысла. Кстати, ты знаешь, что Роз обучается сёрфингу?

— Рассказать тебе о об этом сне?

— Не стоит ради меня так утруждаться, — сказал Доктор.

— Мне не трудно, — сказала Бернис. — Я разговаривала с далеком...

— Ну, начинается, — разочарованно сказал Доктор. — Далеки, детские страхи — стандартный набор. Нет в этом ничего метафизического.

— Доктор, если ты не заткнёшься, — сказала Бернис, — я тебе голову закопаю, — она подождала, не скажет ли он ещё что-нибудь, но он не стал рисковать. — Там были Кадияту и ты, — начала Бернис.

Доктор вздохнул. Иногда ему казалось, что Бернис жилось бы лучше, если бы она не была такой наблюдательной.

— Я тут думала об этой удобной системе перевода ТАРДИС, — сказала Бернис. — И я поняла, что мы все связаны: ты, я, Кадиату, все твои спутники. У меня был интересный разговор с аМ!хитсой; он сказал, что Кадиату думала преимущественно во сне, и что каким-то образом её мысли меняли биохимию её мозга, — она протянула руку и почесала Доктору нос. — Я думаю, что ты не собирался позволить мне принимать решение, но ты знал, что если меня вовлечь, это может повлиять на Кадиату на подсознательном уровне, через связь с ТАРДИС.

— Это интересная гипотеза, — сказал Доктор. — Но лично я считаю, что нам просто повезло.

— Ты мне не расскажешь, так ведь?

— У меня не хватит на это словарного запаса.

— Это не честно, — сказала Бернис. — Ты — мифический персонаж, Эйс быстро становится легендарным существом, люди наверняка начнут пугать маленьких детей образом Кадиату, а Крис похож на статую греческого бога. Когда уже и мне какая-то слава достанется?

— Бенни, — сказал Доктор, — вообще-то я знаю точно, что ты — объект поклонения как минимум в двух культурах.

— Серьёзно? — недоверчиво спросила Бернис. — И что я за объект?

— О, — сказал Доктор, — ты что-то вроде женской версии Вакха.

— Я — бог вина?

— Не только вина, — торопливо добавил Доктор, — любого алкоголя, своего рода богиня неумеренного пьянства.

— Я просто потрясена.

— И сарказма, — добавил Доктор, — в своём воплощении богини утра после вчерашнего.

— Богиня похмелья, — сказала Бернис, — могла бы и сама догадаться. А кто тогда Роз, богиня дурных манер?

— На самом деле, Бернис, — сказал Доктор, — в жизни есть очень много хорошего, не только то, что тебя принимают за сверхъестественное существо.

На следующий день шёл дождь. Когда Крис, Деп и Кадиату бездельничали в гостиной, к ним зашёл Доктор с шахматами. Он положил доску на один из летающих столов и протянул Кадиату два кулака. Она ткнула пальцем в левый, Доктор открыл его и показал белого слона. Они пододвинули стулья и сели лицом друг к другу по разные стороны доски.

— Пять секунд на ход, — сказал Доктор. — Побеждает тот, кто предскажет точное число шагов до первого возможного мата.

Кадиату кивнула и походила ферзевой пешкой.

Первая игра длилась двадцать восемь ходов и закончилась тем, что Доктор поднял руку и сказал:

— Мат в шесть ходов.

Кадиату хмуро посмотрела на доску.

— Да, — в конце концов сказала она, — мат в шесть ходов.

Они развернули доску и снова расставили фигуры, теперь белыми играл Доктор. Крис и Деп смотрели, как оба игрока стучали фигурками с такой скоростью, что следить за ходом игры было почти невозможно.

Доктор снова поднял руку.

— Двенадцать, — сказал он.

— Ни за что, — сказала Кадияту. — Ты не сможешь поставить мат за двенадцать ходов.

— Не я, — сказал Доктор. — За двенадцать ходов ты меня обыграешь. Я сказал «первый возможный мат», неважно от того, кто его поставит.

— Но это же глупо, — сказала Кадияту. — Если мы будем так играть, это значит, что любой из нас может намеренно играть на проигрыш, чтобы сделать правильное предсказание.

— Да, — сказал Доктор. — Интересная концепция, правда?

— Как скажешь, — сказала Кадияту. — Ты хочешь сказать, что проигрывать так же важно, как выигрывать?

— Я хочу сказать, — ответил Доктор, — что нужно знать правила игры, в которую играешь.

Кадияту откинулась на спинку кресла и сложила руки на груди.

— Ты хочешь завести философский разговор?

Доктор молча расставил фигуры и развернул доску.

— А что если я не хочу играть? — сказала Кадияту.

— Поздно, — сказал Доктор. — Ты села за стол, теперь ты *должна* играть.

Кадияту улыбнулась.

— Хорошо, — сказала она, — но в этот раз давай по две секунды на ход.

Стук фигур по доске был похож на треск заводного пулемёта. Кадияту согнулась над столом, её руки двигались так быстро, что их было почти не видно. Крис отметил, что

хотя движения Доктора казались более медленными, фигуры он перемещал даже быстрее, чем Кадияту. Игра длилась меньше двух минут.

— Ты сжульничал, — сказала Кадияту. — В этот раз ты играл на победу.

— Ещё раз, — сказал Доктор.

Снова быстрые движения. Меньше минуты.

— Двенадцать, — сказал Доктор.

Кадияту нахмурилась и прикусила губу. Она медленно расставила фигуры, развернула доску и посмотрела на неё.

— Пятнадцать, — сказал Доктор.

— Эй! — сказала она. — Я ещё не походила.

— Ты собиралась походить королевской пешкой, так? — сказал Доктор.

— Да.

— Значит, мат в пятнадцать ходов.

Кадияту, прищурившись, смотрела на Доктора, затем её глаза расширились от понимания. Доктор самодовольно улыбнулся ей.

Они перестали двигать фигуры. Сыграв ещё двенадцать «партий», они вообще перестали на доску смотреть.

Крис и Деп зачарованно смотрели, как Доктор и Кадияту сидели друг напротив друга, забыв о шахматных фигурках.

И Доктор по-прежнему выигрывал, выдавал свои предсказания раньше, чем Кадияту успевала открыть рот.

— Двадцать один, — сказала Кадияту.

Поколебавшись, Доктор посмотрел на доску.

— Ты меня переиграла, — сказал он. — Поверить не могу.

— Да ладно тебе, Доктор, — сказала Кадияту. — Рано или поздно это должно было произойти.

— Со мной не должно было, — сказал он. — Ты просто сказала первое попавшееся число.

— Ага, — сказала Кадияту, — но это было правильное число.

Ворча, Доктор сгрёб фигурки в коробку и закрыл её.

— Так, — сказал он, закатывая рукав и ставя локоть на стол. — Армреслинг, кто больше выиграет из пяти раз.

— Доктор победил Кадияту в армреслинге? — спросила Бернис.

— Я так и сказал, — ответил Крис. — Со счётом три-ноль.

— Не верю.

— И она так сказала.

Небо над аэродромом было пасмурным, пока саРа!qава не поговорила с Богом; после этого тучи рассеялись буквально за десять минут.

Орнитоптер стоял в конце лётного поля, рядом со зданием клуба. АМ!хитса утром поднял его с крыши саРа!qавы, и сам перенёс эти полторы тонны, хвастун.

Первый полёт собрал большую толпу, в основном друзей Деп из Группы Интересующихся Странной Авиацией и несколько людей постарше, жителей иСанти Джени. Даже беРут пришёл с видео-мольбертом, демонстративно делая наброски каждый раз, когда ему казалось, что на него кто-то смотрит. Бог проявил себя ходячим деревом.

Когда на аэродром вышли Крис и Деп, зрители встретили их бурными аплодисментами. Чтобы не замёрзнуть, пилоты были одеты в тяжёлые лётные куртки и кожаные брюки; кабина орнитоптера представляла собой просто раму в центре машины. Бернис улыбнулась, увидев, что Крис краснеет от избытка внимания к нему. Аплодисменты стихли, когда двое отважных аэронавтов неуклюже забрались в кабину и легли посреди механизмов.

Доктор спросил у Бернис, что она об этом думает.

— Похоже на что-то, разработанное Леонардо да Винчи и Хитом Робинсоном, — сказала она, — после злоупотребления кислотой.

— Ты знаешь, — сказал Доктор, — я ни разу не видел орнитоптер, который мог летать. Во всяком случае, в этом измерении.

В задней части орнитоптера что-то кашлянуло, и в неподвижный воздух поднялся столб белого пара.

— А на чём оно работает? — спросила Роз.

— На пару, — сказал Доктор.

— О Богиня! — сказала Роз.

— Знаешь, твой напарник совсем спятил, — сказала Кадияту.

Бог помахал несколькими ветвями.

— Стараешься, создаёшь им безопасную и стабильную среду, — бормотало дерево, — а они берут и *вот такое* делают.

— Чего только мужчины не сделают из-за тестостерона, — сказала Бернис.

— Не переживайте, — сказал Доктор. — У меня тут парашют стоит наготове с другом.

С пугающим грохотом металлопластиковые крылья раскрылись во всю длину. Раздался треск, который напомнил Бенни звук газонокосилки. Из хромированных выхлопных труб вырвалась новая порция пара. Крылья начали махать, поначалу медленно, затем быстрее, быстрее, и наконец, с грациозностью стервятника-эпилептика, невероятный агрегат оторвался от земли.

Зрители радостно закричали, Роз нахмурилась, а саРа!qава прикусила губу до крови.

Грохоча, кашляя и фыркая, орнитоптер поднялся на двести метров и завис в воздухе, как ода человеческой глупости.

— Самое сложное, — сказал Доктор, — это переход к горизонтальному полёту. Им нужно подстроить наклон искусственного оперения так, чтобы эта штука не свалилась на землю.

— Большое спасибо, что рассказал нам об этом, — сказала Роз.

Бернис ахнула. Орнитоптер дёрнулся в сторону, резко нырнул, а затем чудесным образом полетел вперёд. Когда он набирал скорость, Бернис показалось, что она слышит детский смех.

— Бог, — сказал Доктор, — мне кажется, что сейчас самое время для твоего выступления. Пока они ещё не слишком далеко.

Бог вышел вперёд и стал напротив зрителей.

— Дамы, господа, машины и друзья Доктора, — прогудел он. — Как вы можете видеть, у меня в руках ничего не спрятано... простите, в ветках, — он указал самой большой ветвью на солнце. — Обратите внимание на этот звёздный объект, которого я никогда не касался, и смотрите внимательно, очень внимательно.

Солнце сдвинулось, оно опускалось вниз, к далёкому океану. Опускаясь, оно меняло свой цвет, вначале став насыщенно-оранжевым, а затем темнело, и к тому времени, когда коснулось воображаемого горизонта, оно было насыщенно-красным, а облака в его лучах приобрели янтарно-золотистые оттенки.

— Я очень надеюсь, что Бог это делает при помощи какого-то фокуса, — сказала саРа!qава.

Впервые за всю историю Сферы, на ней произошёл полноценный, достойный кинематографа закат.

Просто для того, чтобы Крис и Деп могли улететь в него.

Послеполётная вечеринка быстро покинула дом саРа!qавы и расползлась по всему городу. Доктор быстро превратился в ту добродушную грань своей личности, которую хранил для таких редких случаев. Он разговаривал в основном с детьми и развлекал их, вынимая из их ушей платки, а из носов мелочь. Через какое-то время он заметил, что кого-то не хватает.

— А где Роз? — спросил он у Бернис, которая пожала плечами и сказала, что не видела её.

Заволновавшись, Доктор вышел на набережную и там быстро нашёл одинокую фигуру, прислонившуюся к ограде и

смотревшую в сторону гавани. С моря дул сильный ветер, и Доктор начал замерзать, выйдя из-под защиты улочек.

Подходя к стоящей у ограды Роз, он думал о том, что могло отвлечь её от вечеринки. Проследив за её взглядом, он увидел в конце волнолома ещё одну фигуру. А, — подумал он, — конечно.

— Недавно он разговаривал с рыбой, — сказала Роз, не сводя взгляда с фигуры.

— Рыба мало общается, — сказал Доктор. — Наверное, он ещё не слышал, — он положил ей руку на плечо. — Сожалею, что так всё вышло.

— Это не твоя вина, Доктор, — сказала Роз. — Тебе, наверное, непривычно такое слышать.

— Вообще-то, нет, — сказал Доктор. — Ты вернёшься на вечеринку? Люди о тебе спрашивают.

— Возможно, — сказала она. — Чуть позже.

— Роз, — тихо сказал Доктор, — может быть, подойдёшь к нему и поговоришь? Никто не будет возражать, все поймут. Это, возможно, твоя последняя возможность.

Ему показалось, что на её лице промелькнула отчаянная надежда, которую быстро сменило сожаление. Он понял, что своими словами лишь сделал ей ещё больнее.

— Нет, — сказала она, — это было бы неправильно.

— Когда будешь готова, — сказал он, — подходи к нам.

Он оставил её и пошёл обратно, к шумной вечеринке. Дойдя до улицы, он оглянулся, надеясь, что не увидит её в том же месте, что она будет сбегать к волнолому, к одинокой фигуре у маяка. Что они обнимут друг друга и скажут что-то, что облегчит их боль.

Давай, Розлин, — мысленно говорил он, — ты разве не знаешь, что жизнь проходит быстро? Что с того, что он убийца? Это и про меня можно сказать. Ты разве не знаешь, что мы должны выхватывать из пасти хаоса свои лучшие моменты, и что в конечном итоге все мы становимся прахом, и лучшие, и худшие из нас?

Он закрыл глаза и изо всех сил представил их вместе. Их руки и лица касались, неуверенная улыбка, слёзы, мгновение человеческой теплоты среди ветра и брызг. Он представил их вместе, словно сила его воли могла сделать это реальностью.

Но когда он открыл глаза, Роз стояла там же, где он её и оставил, одинокой фигурой, наблюдавшей за другой потерянной душой на другой стороне гавани.

Бернис проснулась от звука моря, запаха свежего кофе и от того, что возле её кровати стоял Доктор. Он улыбнулся и протянул ей чашку, от которой поднимался пар. Её большая сумка стояла у двери, уже собранная. Рядом с ней стояла новая сумка, с сувенирами.

— Пора нам отправляться, — сказал Доктор.

— Да, — сказала она, — наверное, пора.

Они завтракали на балконе в последний раз. Роз уминала такое количество яиц и бекона, как будто хотела наесться на несколько лет вперёд, Доктор лишь надкусил уголок гренки. Бернис пила апельсиновый сок бананового цвета и смотрела на виртуальный горизонт.

Когда Роз доедала последний желток, пришёл Крис, а за ним Дев.

— А мы уже начали думать, что ты остаёшься, — сказала Роз.

Крис ничего не сказал, но Бернис заметила, что волосы Дип плотнее обернулись вокруг его талии. Она мысленно выразила надежду, что девушка не станет закатывать сцену, и тут же пристыдила себя за такие мысли.

Они взяли свои вещи и спустились в фойе. Перед тем, как выйти за дверь, Доктор обернулся и сказал:

— До свидания, Дом. Спасибо, что принял нас.

— Мне было приятно, — ответил Дом.

Снаружи их ждали Кадиату и аМ!хитса, вызвавшие помочь донести багаж. Большая женщина взяла чемодан Роз и поставила его себе на голову. Бернис заметила задумчивый взгляд Роз, которым она смотрела на женщину, ни капли не раскачивая чемодан пошагавшую вперёд.

О присутствии на поляне ТАРДИС говорил лишь квадрат примятой травы. Доктор несколько раз обошёл вокруг него, пытаясь вспомнить, с какой стороны дверь.

— Как только она появится, — сказал он, — нам нужно будет как можно быстрее зайти, чтобы Бог не подсунул одного из своих жучков.

Бернис пожала руку Кадиату.

— Береги себя, — сказала она.

— Какие-нибудь советы на прощанье? — спросила Кадиату.

— Начни с маленького, — сказала Бернис. — С превышающих свои полномочия почтальонов, поломанных

светофоров, и тому подобного. И береги аМ!хитсу, он не знает, во что ввязался.

— Не переживай, — сказала Кадияту, — я буду вести себя скромно.

Бернис со всей силы ударила высокую женщину кулаком по лицу.

Удар не достиг своей цели. Кадияту просто подняла руку и ладонью перехватила кулак.

Бернис скорчилась от боли. Она как будто по кирпичной стене ударила. «Бумага оборачивает камень», — возник в её голове голос.

Кадияту отпустила руку Бернис и странно посмотрела ей в глаза.

— Это было очень опасно, — тихо сказала она.

— Мне нужно было убедиться, — сказала Бернис.

— Присмотри за ним, — сказала Кадияту.

— Сделаю что смогу.

Доктор посмотрел на Кадияту.

— Когда ты возьмёшься строить сама-знаешь-что, делай это подальше отсюда, чтобы сама-знаешь-кто не узнал о том, как это делается. Иначе те, которых лучше не называть, немного расстроятся, что я нарушил договор, и когда я в следующий раз буду сама-знаешь-где, сделают с моей головой что-то ужасное. Понятно?

— Нет проблем, — сказала Кадияту. — Верь мне.

— Как только ты будешь готов, Кристофер, — сказал Доктор.

Деп крайне неохотно отпустила Криса и, не сказав ни слова, развернулась и убежала. Крис провёл её взглядом, а

затем сказал Доктору, что он готов. Роз с сочувствием положила ему на плечо руку.

— На счёт «три», — сказал Доктор.

На поляне раздался знакомый стон пространственно-временного континуума, неохотно уступающего превосходящей технологии. Вначале появился мигающий фонарь, а затем материализовалась и вся ТАРДИС.

— Раз, два, три... ПОШЛИ! — сказал Доктор.

Они нашли Вулзи свернувшимся калачиком на своём обычном месте, на вершине ротора времени. Когда они заходили в дверь, кот лениво приоткрыл один глаз, словно намекая, что ему крайне наплевать на сам факт их существования. Именно такого отношения и следовало ожидать от кота, которого оставили на какое-то время одного с автоматической кормушкой.

Доктор резко запер дверь и сразу начал вводить координаты. Ротор времени начал подниматься и опускаться; Вулзи замурлыкал. Доктор расслабился.

Бернис подумала о Кадияту и аМ!хитсе, которые в этот момент, наверное, строят свой аналог ТАРДИС, или же они его уже построили, или ещё не начали, или вообще ещё не существуют. Ей хотелось бы узнать, как будет выглядеть их ТАРДИС изнутри.

— Поверить не могу, что ты их оставил, — сказала Роз.
— Это была единственная пара униформенных ботинок, которые на мне нормально сидели.

— Я думал, что ты их взяла, — сказал Крис.

— Ты знаешь, как долго я их разношивала? Мы же не можем заскочить за ними обратно!

Снова дома, — подумала Бернис.

Эпилог

Самым умным животным в лесу был заяц Тсуро, и сказителю понадобилось бы много лет, чтобы рассказать обо всех его приключениях. Он путешествовал по всему миру, и с каждым новым рассказом слава о его уловках росла. Его слава была так велика, что часто Тсуро приглашали в деревни, страдавшие от неприятностей или от злого влияния. «Помоги нам, о мудрый заяц!» — кричали люди, и Тсуро им помогал, но не всегда так, как им того хотелось.

Но в глубине души Тсуро таилась грусть, потому что давным-давно, когда он был ещё молодым животным, другие зайцы выгнали его из родной деревни. «Ты слишком гордый», — сказал Вождь зайцев. «Если ты не можешь жить по обычаям своего народа, ты должен жить без него». И Тсуро отправился путешествовать без семьи, без жены и детей. «Раз я не могу иметь семью среди зайцев», — сказал Тсуро, — «я заведу себе друзей среди других животных».

Сезоны сменяли друг друга, и много лет Тсуро путешествовал по миру и за его пределами со своими друзьями, обманывая и зверей, и людей. Некоторые мудрецы говорили, что такое умное животное может быть только посланником Мусикаванху-создателя, но Тсуро не признавался, так ли это.

Но есть в лесу силы, о которых люди не знают, а звери молчат. Одной из них была змея Данхамакату, чьё движение в траве было похоже на шёпот смерти. Это она заклеямила

Леопардиху и отправила её в лес исполнять свои поручения. Сказка о том, как Тсуру и его спутники спасли Леопардиху из капкана, слишком длинная, чтобы рассказывать её сегодня, но он её спас, и Данхамакату так на него разозлилась, что приползла к нему через весь лес. Когда она нашла поляну, на которой отдыхал Тсуру, она легла животом на землю и тихо подползла к нему.

— Ты думаешь, Данхамакату, что я не слышу, как ты ползёшь на своём пузе? — сказал Тсуру, почёсывая свои длинные уши. — Покажись и объясни, зачем ты пришла ко мне из скрытых мест Леса?

— Ты слишком гордый, Тсуру, — прошипела змея, — если считаешь, что я должна тебе отвечать.

— Возможно, — сказал Тсуру. — Говори, что тебе нужно, и отправляйся по своим делам. Тебе же наверняка нужно грабить гнёзда и пугать детей.

— Я зла на тебя, Тсуру, — прошипела Данхамакату. — Ты лишил меня служанки Леопардихи, и теперь внемли моим словам, ибо я пришла назвать тебе свою цену за это.

— И что же это за слова? — спросил Тсуру. — Я слышу только ветер в ветвях и, кажется, проходящий мимо слон газы выпустил.

Эти слова так рассердили Данхамакату, что она встала перед зайцем и расправила свой ужасный капюшон так широко, что поляну накрыла тьма. Но Тсуру не испугался; он нарочно разозлил змею, потому что лучше встретиться со змеей открыто, чем наступить на неё в траве.

— Ты дал Леопардихе сердце и хитростью лишил меня её услуг, — прошипела змея. — Всё, что я прошу взамен — жизнь одного из твоих друзей.

— Жизнями своих друзей я не могу распоряжаться, — сказал Тсуро.

— Меня это не волнует, — прошипела змея. — Я Данхамакату, нападающая без предупреждения. Я не спрашиваю разрешения.

Услышав эти слова, Тсуро испугался, потому что своих друзей он любил больше всего на свете.

— Возьми лучше меня, — умолял он змею. — Пощади жизнь моего друга.

Данхамакату очень хотелось принять это предложение, потому что в прошлом умный заяц много раз ускользал от неё. Но она была так зла, что считала его смерть недостаточным наказанием.

— Нет, — прошипела змея, — я совещалась со своими сёстрами, и они согласились на такой цене.

— Тогда, пожалуйста, сделай это быстро, — умолял Тсуро, — убей моего друга сразу. Пускай лучше они умрут сейчас, чем будут жить в страхе твоей ужасной мести. Прошу тебя, прояви милосердие хотя бы в этот раз!

Данхамакату засмеялась, увидев унижение умного зайца. Как приятно видеть, что он опустил морду в лапы и повесил уши.

— Нет, — прошипела змея, — я не проявлю милосердие. Я подожду немного, прежде чем забрать своё возмещение, чтобы ты жил в страхе перед моим появлением.

Услышав это, Тсуро ещё сильнее закрыл морду лапами и больше ничего не сказал. Довольная, что ей наконец-то удалось преподать зайцу урок, Данхамакату легла на живот и поползла в лес.

Заяц Тсуро терпеливо ждал, пока не убедился, что змея уже далеко. Когда он понял, что она уже так далеко, что ничего не услышит, он убрал лапы от морды и засмеялся.

Поляна, которая всё это время молчала, удивилась.

— Почему ты смеёшься, заяц Тсуро? — спросила поляна. — Ты же теперь потеряешь одного из своих друзей.

— Но не сегодня, — сказал заяц и принялся чесать свои уши. — Я снова обхитрил Данхамакату. Теперь она дала мне время на то, чтобы я придумал новый хитрый план, чтобы спасти жизнь моего друга.

— Воистину ты самый умный из зверей, — сказала поляна.

— Так и есть, — сказал заяц. — И не забывай об этом.

И с этими словами Тсуро поскакал прочь с поляны дальше по тропинке, к своим друзьям.

— Но, умный заяц! — крикнула ему вслед поляна. — А что если ты не сможешь придумать план?

Но если Тсуро и услышал поляну, он ничего не сказал и скоро исчез из виду.